

Предисловие от переводчика.

Привет читателям. Перед вами перевод книги бывшего международного президента одного из самых известных мотоклубов в мире, Mongols MC, Рубена «Дока» Кавазоса. Именно с этого клуба списан образ мотоклуба Mayans MC в нашумевшем сериале «Сыны Анархии». В конце лета 2018 года нас ждёт отдельный фильм о латиноамериканцах на огромных Харлеях с высоченными рулями. В книге Кавазос предлагает взглянуть на клуб со своей точки зрения, парня, который вырос в латиноамериканском гетто Лос-Анджелеса, а потом, пройдя через тюрьму, ставший байкером, а потом и пришедший к Монголам. Из книги вы узнаете, каким был этот клуб в начале, через что он прошёл, чтобы заслужить себе имя и что он представлял на момент 2008 года. Сразу хотел бы уточнить два момента. Во-первых, сразу скажу, что автор книги изгнан из клуба со статусом “out bad”, со всеми вытекающими последствиями, как и почему вы сможете прочесть в послесловии. Во-вторых, я не придерживаюсь никаких оценок относительно действий и поступков, о которых говорится в книге. Я только перевёл её, чтобы люди, не владеющие английским языком, могли узнать часть истории мирового мотодвижения. Этот перевод выполнен не на коммерческой основе, по моей собственной доброй воле, для свободного скачивания и чтения. Но если вы всё же решите поддержать проект финансово, вам сюда - <https://vk.com/bikerslibrary>
Налейте себе пивка, включите Металлику или что-то из рэпа под ритмы Мексики и погрузитесь в мир рокота Харлеевских моторов, поездок на многие тысячи километров по трассам Западного Побережья США в колонне.

Анатолий «Компас» Горелов, вольный байкер.

Лето 2017- февраль 2018.

1%.F.F.1%.

Respect Few Fear None

Рубен «Док» Кавазос

Международный президент,

Мотоклуб Mongols MC.

Моему сыну, «Рубену Младшему»,

Братьям Тринадцатого Чантера,

И величайшей бойцовой силе в мотомире

Mongols MC.

Примечание автора.

Меня зовут Рубен Кавазос. Все зовут меня Док, так что вы можете звать так же. Мне пятьдесят один год и я являюсь национальным президентом – хотя можно даже сказать интернациональным президентом – мотоклуба Mongols. Нас называли самой жестокой мотобандой Америки и многими другими именами, которые являются не более, чем второсортной фантазией. У этих фантазий большая сила.

Но, правда, о Монголах в том, что мы не притворяемся, не отступаем. Мы не поджигаем хвосты. С гордостью могу сказать, как от имени Монгола, так и от имени Американца, что наши «цвета» не отступают. Мы стоим до конца. Когда на нас нападают, мы защищаем друг - друга и наше сообщество, и это делает нас мишенями по обе стороны закона, делая времена для некоторых слишком сложными. Есть вещи, которые я видел и делал в своей жизни, которые могут показаться вам невероятными. Я хочу рассказать вам о них и о себе. Прокатитесь немного со мной, а затем примите своё решение.

Утро в Америке.

Примерно в семь утра 19 Мая 2004 года, я проснулся от взрыва. Я только пришёл домой с работы радиотехнолога и смог уснуть в своём доме в Пико Ривера, на востоке Лос-Анджелеса, когда чудовищный *БАБАХ!* сотряс окна и весь дом. Я вскинулся на кровати и дал волю целой речи, состоявшей из мата, решив, что произошла утечка газа и что-то его подожгло. Я натянул какую-то одежду и сбежал вниз, к двери, махнув сыну, чтобы тот оставался на втором этаже. Я не знал, есть ли огонь или нет. Звук будто бы шёл от передней двери, так что я рывком открыл дверь, чтобы выяснить, какого чёрта творится.

Я тут же увидел с дюжину лазерных целеуказателей на своей груди. Потом заметил вереницу машин полиции, выстроившихся вдоль улицы, по диагонали тротуара и крадущихся парней за ними с пистолетами и винтовками. Красные точки от их оружия играли в салочки на моей груди.

Я показал им средний палец и захлопнул дверь.

Может, я бы и рассмеялся, не будь я столь зол – там была дюжина полицейских с тяжёлой артиллерией просто для того, чтобы задержать меня и моего двадцатисемилетнего сына? Быть может, следует принять это, как знак уважения, но я не склонен так думать.

Я вернулся к Рубену Младшему и сказал ему: «За нами пришли. Сиди спокойно, а я посмотрю, что я могу сделать» Он знает жизнь, так что он кивнул и вернулся в комнату. К счастью, мой брат Эл, который живёт с нами, в то время отсутствовал. Я взял телефон, чтобы позвонить одному из своих братьев Монголов, чтобы организовать наш выход из заключения, так как всё к тому шло. Полиция частенько нас давит, так что часть взносов уходит на залог и правоохранительную помощь, кроме того, нам всегда есть к кому обратиться за помощью.

Но звука не было. Вместо этого на линии была полиция. Они закричали, «СКОЛЬКО ВАС В ДОМЕ? ВЫЙТИ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ!» Я сказал им идти нахуй и повесил трубку. Поднял снова, но там всё ещё была полиция. Вновь повесил трубку и попытался подумать.

Я знал по своему опыту, что всего скорее, дом они окружили. Взрыв, как я позднее понял, шёл от того, что они называют светошумовой гранаты, которую они кинули в сторону Хуча, моего пса, чтобы он держался подальше. Такие гранаты очень шумят и светят, но осколков от них нет. Затем они бы оцепили забор полностью, чтобы нельзя было пройти. Как только они бы были готовы, то они бы выбили дверь тараном. Если бы дошло до этого, я был готов защищать себя. Так как я никогда не знаю, что может на меня накинуться, я всегда хорошо вооружён.

Рубен Младший спустился посмотреть, что происходит и тогда я понял, что придётся сдаваться. Я не хотел, чтобы что-то случилось с моим мальчиком. Я спокойно сказал ему, что мы окружены и что лучшее, что мы можем сделать, смириться, пока мы не сможем получить помощи. «Принеси одежду» сказал я, «похоже, мы побудем взаперти какое-то время»

Может, хоть теперь мне скажут, в чём причина нападения на мой дом. Честно говоря, я понятия не имел. Будучи главой клуба, особенно после всех негативных освещений в СМИ о нас, я был под микроскопом. Велось наблюдение за моим домом, за мной постоянно следили и телефоны прослушивались. Я был бы полным дураком соверши я в таких обстоятельствах нечто противоправное. Я и не был – ни дураком, ни правонарушителем. Я не поэтому состою в Mongols MC, да и существует Mongols MC не для этого.

Я поднял телефон снова и сказал, что мы выйдем. «СКОЛЬКО ВАС ВНУТРИ?» сказали они, будто записывали. Полагаю, они очень боялись, что там целая банда, готовая в них стрелять. Я повесил трубку, не ответив ни слова. Когда Рубен Младший был готов, я взял его с собой к передней двери, открыл её и подождал.

«РУКИ НА ГОЛОВЫ!»

Мы ничего не сказали. Я, разумеется, не собирался поднимать свои руки, как плохой парень в фильме Роя Роджерса. Но они всё кричали, так что руку я всё же поднял. Чтобы показать средний палец. К счастью, нервных там не было, и мы с Рубеном Младшим вышли на улицу.

По большей части, там были агенты АТО, из-за чего я решил, что они будут искать нелегальное оружие или наркотики. Это меня не особенно волновало. В доме наркотиков не было, потому что я их не принимаю, а всё моё оружие было легально и зарегистрировано. Я не собираюсь вас убеждать, будто я Белоснежка. В моей жизни были

наркотики и я люблю оружие. Я люблю стрелять, мне нравится его вид, и я не премину им воспользоваться в случае самозащиты. Но и в форте я не жил. У меня был милый двухэтажный дом с четырьмя спальнями и бассейном и джакузи. Кто-то даже говорил о пальмах. Это было явно не место для выдерживания осады.

Агенты АТО сказали нам, что мы арестованы, одели на нас наручники, а затем вновь ввели нас в дом. Меня усадили на диван в гостиной, а Рубена Младшего отвели на кухню на следующие *девять часов*, в течение которых они перевернули весь дом вверх дном. Через какое-то время я спросил одного из агентов, есть ли у них ордер. Он кинул его мне в лицо. Там было сказано, что они имеют право обыскать дом и конфисковать любые документы, оружие, бутылки с таблетками и так далее. Также им разрешали забрать любую наличность и ювелирные украшения, если их сумма более тысячи долларов.

Вот, что это означает по сути: Предположим, у меня там было при себе четыре сотни долларов. На мне золотые часы и пара колец. У Эла триста долларов в прикроватной тумбочке. Двести пятьдесят долларов у Рубена Младшего и красивый браслет, который он собирался подарить своей девушке. Он стоит полторы сотни. В кухне у нас банка для мелочи, примерно на шестьдесят долларов. Вскоре они начинают говорить, что «Мы конфисковали на несколько тысяч долларов наличности и ценностей в резиденции Кавазос». *Каждое, из которых, у них и останутся.* В качестве «улики». Преступление они придумают позже.

Как бы то ни было, они разрывают весь дом, смотрят под ковры, разглядывают каждый клочок бумаги, пока я там сижу. Всё сижу, сижу и сижу. Я в полной ярости, да, но держу себя под контролем. Так бывает, когда ты на прицеле у полиции, как практически все Монголы, постоянно. Мы учимся подавлять злость и адреналин и просто ждать. Это часть наших жизней. Это было частью моей жизни с самого детства.

К середине вечера, они наконец сдались, не найдя ничего «криминального». Они заполнили целые коробки с моими документами и всем, что имелось у меня с символикой Монголов. Один из них подошёл и спокойно сказал, будто мы о погоде говорили, «Скажи, где лежит наличка, и всё будет легче» Я ничего не ответил, даже цветастой фразы, которая была на уме. *Нет смысла делать всё хуже*, сказал я себе. Этому ты тоже учишься, не говорить ничего. Что бы ты ни сказал, копы найдут способ давить этим же на тебя, переспрашивая и угрожая, пытаясь выведать ещё что-то. Ничего не скажешь и ничего у них не будет.

Открыв каждую дверь и каждый шкаф, они собрали примерно двадцать пять сотен долларов в общей сумме, часть из которых принадлежала клубу, часть моих, часть Эла и часть Рубена Младшего. Это было конфисковано наряду с примерно пятнадцатью единицами оружия, каждое зарегистрировано и легально, включая дробовик, четыре мелкокалиберных винтовки Мини-14, четыре пистолета 45 калибра, пару девятикалиберных, охотничью винтовку 30-6, винтовку 22 калибра, и один похожий на ТЕК-9 (который был бы не легален), но им не являлся. Я же говорил, мне нравится оружие.

Затем один из агентов АТО сказал подчинённому «Проверь байки» Это значило проверить регистрационные номера трёх Харлеев в гараже, моего, Рубена Младшего и Эла – убедиться, не находятся ли они в списке краденных ТС. Один из агентов уже смотрел номера и проверил их, так что он сказал «Они чисты» Первый агент АТО сказал,

глядя на меня, «Мне плевать, вызывай Отдел Угонов». Так что приехали двое сотрудников и снова перепроверили мотоциклы, которые вновь оказались чисты. В любом случае мотоциклы они забрали. Я наблюдал, как они воспользовались моим собственным телефоном, чтобы вызвать эвакуатор и забрать наши Харлеи.

Тогда и лишь тогда, они отвезли нас в полицейский участок Пасадены, где была оперативная база АТО. Ну теперь-то, думал я, мы поймём наконец, какого хуя тут происходит.

Я не был готов к тому, что увидел там. Полицейские машины были выстроены в ряд на целый квартал. В каждой сидело по Монголу сзади в наручниках. Было порядка тридцати машин, а поскольку они боялись вводить нас в участок всех одновременно, всех держали на улице. В то же время, все местные копы из Пасадены пытались показать свою крутость АТО. Они выглядели как дети, играющие в казаки-разбойники. В один момент, патрульный Калифорнийской ДПС, старший инспектор, подошёл ко мне и Рубену, наклонился и прошептал «Великолепная команда из отца и сына»

Если это и должно было меня разозлить, то я не собирался доставлять ему такого удовольствия, тем более в присутствии Рубена Младшего. Я был по правде взбешён, ведь мой сын, чьё дело было совершенно чисто, запомнит это до конца своих дней. Ещё чуть более двух часов мы ждали. После этого, меня увели в комнату для допросов и сказали сесть за стол напротив пары агентов АТО и двух заместителей шерифов.

После долгой тишины, один из Федералов заговорил. «Не хочешь с нами поговорить, Док?»

«О чём?» спросил я.

«Об угонах»

Угонах? Я всё ещё не имел понятия, о чём идёт речью «Мне нечего сказать вам об этом или о чём-то ещё» Нужно быть полным идиотом, чтобы сказать что-либо этим ребятам. Спросите Марту Стюарт – её адвокаты ей то же самое говорили. Но в нашем случае всё ещё хуже. Если ты им что-то скажешь, что угодно, они найдут способ перевернуть всё так, чтобы ты был в чём-то виновен. Именно так там и происходило.

Меня посадили в камеру с некоторыми другими Монголами, и там я выяснил, в чём же дело. К нам был внедрён федеральный агент, конкретно из АТО по имени Билли Квин. Мы знали его как Билли Сэнт Джон, он написал позднее свою книгу о работе под прикрытием в нашем клубе. Позднее я ещё буду говорить о нём и его книге, но этот рейд был результатом двухгодичного шпионажа за нами¹. Он много времени провёл, выпрашивая каждого встречного Монгола, не мог бы тот достать ему наркотики или нелегальное оружие, а также визнавал, откуда мотоциклы. Полиция пыталась доказать, что мы крадём мотоциклы и затем полностью переделываем их до неузнаваемости. Они пытались обвинить Монголов в своего рода заговоре с целью кражи транспортных средств в национальном масштабе. В то время очень малое количество запчастей для мотоциклов имели свои идентификационные номера, так что их было трудно отследить, а копам нужны были целые процедуры, чтобы понять, украдена ли деталь.

---

¹ Книга Билли Квина «Одинок и подавлен» имеется в переведённом виде на просторах рунета, ищите.

Поскольку мы таким не занимаемся, по крайней мере, не как клуб, они предприняли попытку впутать нас в совершение преступлений. Вот что у них было на меня. У меня был доход от сотрудничества с хромирования в мастерской в Санта Анне. Хромирование очень важно при кастомайзинге Харлея. Хром сам по себе становится громким заявлением. Как в случае с фарфоровыми статуэтками или классическими машинами, превосходство в деталях. Ты начинаешь хромировать детали своего байка, которые не были хромированы в заводском исполнении, а когда ты их все собираешь, то байк говорит сам за себя. Я много раз так желал, когда перестраивал один из своих байков, возил всё к другу, у которого была хромировочная мастерская в Санта Ана.

Бизнес моего друга был довольно медленным, так что он предложил не сделку. Он знал, что я был главой мотоклуба Монголов, и сказал, что если я увеличу его трудовой фронт, то он будет половину денег отдавать мне. Он будет делать работу с большой скидкой для братьев. Я сказал ему, что если для братьев будет скидка, то мне не надо денег. Он ответил, что это здорово и что для меня хромирование будет бесплатным. Это звучало как отличная сделка – для меня, для него и для моих братьев. Я начал советовать Монголам отправлять детали ему через меня. Все были счастливы.

Я начал регулярно ездить туда и обратно от дома до его мастерской, забирая и отвозя разные хромированные детали. Однажды Билли Квин зашёл и оставил переднюю вилку на хромирование. Меня не было дома, так что с ним говорил Рубен Младший. Рубен сложил деталь в угол коридора, где я складывал детали для следующей поездки в мастерскую. Через несколько недель, когда всё было закончено, я вернул деталь Билли. Он заплатил за работу, поблагодарил меня за услугу и я думал, что на это всё.

На самом же деле, Билли принёс вилку, которая, как копы знали, была краденой. Согласно полиции, из-за того, что я отвёз её на хромирование, это делало меня торговцем краденым. Это как если бы я владел автосервисом и вы привезли бы мне Вольксваген и попросили починить КПП. Я сделал бы свою работу, вы увезли бы машину, а затем арестовали бы меня за то, что машина была краденой. Неужели вы думаете, что каждый автосервис имеет доступ к базе угонов, с которой они сверяются, прежде, чем взяться за работу? Неужто я проверял бы у своих братьев Монголов «А эта деталь краденая? А та?» Нет, конечно. Вы можете себе представить, как бы они отреагировали, вздумай я так сделать. Так что если бы я сказал этим агентам АТО, что я не имел дела с крадеными запчастями, что было чистой правдой, то они могли бы выставить меня лжецом в суде. Если бы федералы верно разыграли свои карты, то они могли бы раздуть крупномасштабный скандал о воровстве мотоциклов.

Позднее тем же вечером они загрузили меня и дюжину других Монголов, включая Рубена, в фургон и отвезли в окружную тюрьму. Там нас зарегистрировали и поместили в отдельные камеры, пока один из наших ребят снаружи не дозвонился до поручителя и за нас не внесли залог, который есть у Монголов как раз для таких случаев. Как только я вышел, я сделал несколько звонков и выяснил, что Рубена Младшего отказались выпускать под залог! Это было абсолютным безумием. Лишь убийцы и растлители малолетних не получают свободу под залог. Я позвонил Джону Чикконе, одному из федералов, чьё имя мне назвали в ходе допроса (Если вы читали книгу Билли Квина, вы знаете, что Чикконе отвечал за начало внедрения Билли Квина)

«Это Док.» сказал я ему. «Ты знаешь, кто я такой?»

«Я знаю тебя» сказал он «В чём дело, Рубен?»

«Ты знаешь, в чём» сказал я «Твои люди сделали большую ошибку. Почему мой сын не выпущен под залог?»

Последовала долгая пауза. Когда Чикконе наконец заговорил, он звучал, как игрок в покер, вытянувший четыре туза. «Ты хочешь, чтобы я помог ему, Рубен?»

«Ты знаешь, что это так»

«В ты нам ничего не скажешь?»

Так вот в чём было дело. Должно быть, они хотели, чтобы я назвал им некоторые имена. Они могли меня от всего освободить, если бы я с ними сотрудничал. Я отказался. «Я уже говорил раньше. Я с вами говорить не стану. Это итоговое решение»

«Ты уверен, Рубен?»

«Ты меня знаешь. Что в моём прошлом даёт тебе повод думать, будто я кого-то сдам? После всего, через что я прошёл, что наводит тебя на мысль, что я передумаю сейчас?» Больше молчания. «А теперь поговори со мной и скажи мне, почему вы удерживаете Рубена, зная, что обвинений против него нет»

Я слышал, что Чикконе с силой положил трубку на стол. Через несколько минут он вернулся. «Ты прав» сказал он, «это ошибка».

«Исправь её»

«Исправлю»

«Как скоро?»

Он повесил трубку. С этим я сделать ничего не мог, только ждать. Я вернулся домой и через 24 часа после его ареста, мы получили Рубена на свободе под залог.

Через несколько месяцев все мы должны были предстать перед судом присяжных для допроса и рассмотрения нашего случая под параметры Акта РИКО. Моим ответом было отсутствие такового. Я сослался на Пятую Поправку, как мне и посоветовал адвокат². Когда меня в итоге всё же отпустили, я вышел на свободу прямо из зала суда. У них ничего не было ни на меня, ни на него, обвинения сняли.

Тогда мы начали говорить с моими братьями о произошедшем и о том, каково ощущать, что мы выиграли дело. Из чистой гордости от того, что мы – Монголы, мы все выехали на дорогу. Мы хотели показать миру, что мы всё ещё на свободе. Мы появились в наших обычных местах, а люди, видя нас, говорили «Что вы тут делаете? Мы думали, вас закрыли» Мы ездили группами по десять, иногда больше, иногда и целыми чаптерами, демонстрируя свои «цвета» в Пасадене, Сан Диего и в Централ Вэлли. Те Монголы, чьи жилеты были конфискованы (таких хватало), носили футболки со знаками клуба. Те, чьи мотоциклы ещё были у федералов, ехали с нами рядом в машинах. Мы побывали во всех наших местах, клубах, барах и тусовались всю ночь. Большую часть времени я провёл в

---

² Аналог 51 статьи конституции РФ. Никто не обязан свидетельствовать против себя, своего супруга и родных.

Пико, где меня приветствовали объятьями и аплодисментами мои парни и бесплатная выпивка от владельцев баров.

Эй, слушайте, я в курсе, что не все Монголы святые. Если бы я пытался это так выставить, я был бы не лучше копов. Но они желают, чтобы общество воспринимало каждого Монгола брутальным, безумным преступником или наркоманом. Есть и хорошие копы, я готов это сказать даже здесь. Проблема в том, что за нами обычно приходят плохие.

Как и у любого гражданина Америки, у Монгола есть право защищать себя. Человек с Уолл Стрит или управленец с Бульвара Уилшир защищает себя – не так, как мы, но теми же способами, которые были бы равно деструктивны для вас или меня. Разумеется, имеется некая степень мачо, которая связана с Монголами, но если этого нет на Уолл Стрит, то я не знаю, где есть. Наши миры очень различны, во многом, но уважения в них является основой. Если бизнесмен теряет уважение людей, с которыми он работает, то у него ничего не получится. Он даже может потерять работу. Но его мир предлагает поддержку и возможности, которых не существует в восточном Лос-Анджелесе.

Если Монгол потеряет уважение окружающих его людей, он может и умереть. А в моём мире, если ты позволяешь закону диктовать тебе, как жить и что делать, то ты теряешь уважение. Это истинно в любом случае, Монгол вы или нет. Итак, мы противоречим закону и это делает нас целью; это заставляет нас защищаться и требовать уважения, пока мы это делаем. Это отделяет нас от обычного парня, идущего по улице, а именно этого не выносят полиция и федералы.

Присяжные так и не поддержали дело, но это не остановило АТО. Через несколько месяцев дело вернулось к жизни, но на этот раз всех нас обвинили в получении краденой собственности. Видите ли, федералы тратят так много времени и денег на эти операции под прикрытием, что они хотят показывать результаты. Я хочу сказать, агент ФБР сказал нам, что они раскручивали это дело три года. Билли тусовался с Монголами примерно год, нося провод для прослушки и записи разговоров. В любом случае, на суде Билли всё говорил о краденых мотоциклах, которые он доставлял в мастерскую, с которой я работал, включая записи разговоров, которые он сделал, нося на себе микрофон и пытаясь собрать улики.

Он утверждал, что когда он положил вилку в доме, он сказал Рубену Младшему, что это деталь от краденного байка и что Рубен сказал, что это не страшно. Он также заявил, что он проинформировал нас, что это краденая деталь. Мы попросили его доказать, что он такое говорил, чтобы мы услышали запись с того микрофона, что он носил. К сожалению для федералов и к счастью для меня, микрофон Билли почему-то «на работал» в день нашего разговора о вилке. Разумеется, свидетелей того разговора не оказалось, как и разговора с Рубеном. Многого из этого правоохранители не выжали. Естественно, все обвинения против Рубена Младшего, меня и большинства Монголов, которые оказались в деле, были сняты.

Я решил, что это конец, но через несколько месяцев я получил письмо о том, что мне следует явиться в Верховный суд в Уиттиер для ответа на обвинения во владении нелегальным оружием. Я уже тогда знал, что меня снова считают виновным, пока не докажу обратного. Вероятно, они говорили об одном из стволов, конфискованных федералами в ходе рейда, так что я собрал всю информацию об оружии в ближайшем оружейном магазине и проверил их. Они все были легальны, даже тот, что выглядел как

ТЕК-9. У него не было ни одного рабочего свойства, которое сделало бы его нелегальным. А потом я узнал, что оружие, которое они указали в качестве изъятого у меня вовсе таковым не являлось! Они подставили туда названия разных пушек, которые были не легальны.

Я явился в суд Уиттиера, но я также зашёл к окружному прокурору в офис и выяснил, который заместитель окружного прокурора ведёт дело. Я лишь хотел прямого и открытого разговора, и попытаться прекратить этот беспорядок. Я нашёл её стоявшей в коридоре и подошёл к ней, кое-что, чего правоохранители не любят. Я большой мужчина и, разумеется, многие люди верят во все байки, которые говорят о Монголах. Очевидно, что у меня не было намерения что-либо ей делать, кроме как поговорить как один человек с другим. Я пытался объяснить, что это всё большая ошибка, что всё оружие законно.

Прежде чем я успел углубиться в объяснения, она подняла руки, будто останавливала движение и заявила сильным и повышенным тоном, что для меня неприемлемо говорить с ней вне зала суда. Затем отвернулась и ушла, будто у неё не было на меня время. Я начал злиться и сказал: «Вы заинтересованы в правосудии или лишь в том, чтобы меня посадить? Проверьте оружие, которое у них. Это не те же, что были при задержании»

Позднее, в зале суда, она встала перед судьёй и попросила краткой задержки. Судья спросил о причине, и она пояснила, что ждёт звонка по телефону от оружейного эксперта Лос-анджелесского Полицейского Департамента для проверки верности обвинения. Я думал, что либо заместители – идиоты, либо они пытаются меня закрыть. Когда мы вновь собрались, она подошла к трибуне и едва слышным голосом сказала, что оружие и правда легально. Поэтому судья сняла с меня все обвинения. Прежде, чем судья смог уйти с места, я встал на ноги. «Ваша честь» сказал я «Я бы хотел получить назад своё оружие»

Сначала он не смог ответить, потому как один из сотрудников отдела удержания встал и сказал, что необходимы дополнительные баллистические тесты, чтобы доказать, что это оружие не переделывали в автоматическое-несмотря на то, что оно было у них уже месяцы. «Хорошо» сказал судья «но если оно легально, верните его господину Кавазосу как только закончите» С этим судья удалился в свою комнату.

Оружие мне так и не вернули.

Три полных года требовалось, чтобы забрать мои мотоциклы. Мне приходилось всё время звонить и заполнять формы, а затем звонить ещё и заполнять больше форм. Когда я, наконец, закончил всю бумажную работу для подачи в суд, чтобы получить свою собственность, они остановили меня в коридоре и сказали, что вернут мне байк, но не байки Рубена Младшего или моего брата. Я решил, что я проведу эти битвы в другой день, так что я вышел из суда и позвонил сыну, чтобы тот пригнал эвакуатор, чтобы доехать до стоянки, где хранились мотоциклы.

Но когда я добрался до стоянки сам, неожиданно из-за угла выскочил агент АТО и шесть машин с сиренами выехали сзади меня. Агент АТО проинформировал меня, что меня обвиняют в автоугоне – снова – и отправил меня в тюрьму Уиттиер. Это было то же обвинение, то же дело, но они смогли перевести его в другой суд, просто чтобы попытаться улучшить результат.

Рубен Младший был вновь арестован и допрошен, ничего не сказав, он вышел под залог. Дело не стало лучше, чем было, и к моменту, когда дошло до верховного суда, на этот раз

в городе Эль Монте, его подбросили судьбе. Билли Квин тоже там был, стоял в стороне, окружённый охраной. Я подошёл к нему и охрана напряглась. Я сказал ему, «Ты ведь скучаешь по поездкам с нами, не так ли?»

Он ответил, «Да, скучаю»

Это второе дело было лишь способом для них сделать мою жизнь хуже. Думаю, они знали, что дело будет проиграно, но так, они смогли арестовать меня и Рубена Младшего дважды, заставить нас заплатить залог дважды, и заставить нас заплатить адвокатам дважды.

Видите ли, их не особенно интересует правосудие, может быть, за исключением той заместительницы ОП. Они хотят преуспеть в своей работе; хотят получить повышение. Если ты им не нравишься, они превратят твою жизнь в ад. Федералы пытались и всё ещё пытаются упрятать меня на пожизненное. Откуда я это знаю? *Они так мне сказали.* Неоднократно они говорили, «Мы посадим тебя за всё что ты и твои ребята делаете» Буди это так, моя жизнь была бы пикником. Большая часть Монголов никогда не совершают преступлений. Но федералы пытаются посадить меня за те дела, которых я не совершал. Не знаю, можно ли это назвать провокацией или как-то ещё, но таково правосудие для меня и моих братьев Монголов, а также многих людей в мире. Как же я могу это уважать?

Я выучил первое правило своей жизни в жёстком виде. Потому татуировка на моей груди гласит «Respect few, fear none»³

Школа гладиаторов

Одним из уважаемых мною людей является мой отец, хотя, пусть и не намеренно, он отправил меня прямо в центр гладиаторской школы, которым был Восточный Лос-Анджелес. Его звали Альваро Кавазос и он прибыл в Соединённые Штаты из Мексики, чтобы найти работу. Родился я 28 декабря 1956 года, Окружном Госпитале Кук, Чикаго. Моей матерью была Линда Ромо, но они разошлись, когда мне было два года. Это всё, что я до сих пор знаю о ней. Я не уверен, были ли они формально женаты, но у них было два сына, я и Альваро младший, который был тремя годами старше. На нескольких фото, которые у меня есть, моя мать выглядит по средне-западному образу, в платье, с жемчужным ожерельем и на высоких каблуках. Будучи дочерью Германских/Ирландских/Испанских иммигрантов, живших в южном Техасе, вероятно, она росла во многом по правилам времени. Вероятно, связь с моим отцом была самой вызывающей вещью в её жизни. Я помню, что видел её лишь четыре раза. Полагаю, они ещё жива и живёт где-то в Техасе, но более этого я ничего не знаю.

Возможно, родился я в Чикаго, потому что была зима, и мой отец не мог зарабатывать сбором урожая на фермах или сбором мусора, чем он тоже занимался. Ранее мои родители приняли решение переехать в Техас, возле границы с Мексикой, где у моей матери ещё были родственники, которые могли помочь, я так думаю. Родители моего отца, Мексикано - Испанцы, тоже иммигранты, жили как раз через границу, в Нуэво -Ларедо, Мексика, так что это тоже было причиной туда уехать. В те дни переход границы был не таким большим делом. Ларэдо, Техас и Нуэво – Ларедо, Мексика, на самом деле были одним городом, так что люди пересекали границу ежедневно, иногда по многу раз за день. Никто не обыскивал.

---

³ Уважай немногих, не бойся никого.

В Техасе мы жили по большей части среди фермерств и ранчо. Мой отец работал в полях, одним из тех самых рабочих рук - гастарбайтеров⁴, которые носят шляпы и ботинки, как ковбои. Примерно к моему пятому дню рождения, мой отец не смог найти приличной работы в Техасе или Нуэво – Ларедо или ещё где-либо рядом. Однажды он закинул меня и моего старшего брата на заднее сидение старого Бьюика – седана и повёз нас на запад, чтобы начать новые жизни в Лос-Анджелесе. Совершенно новые жизни.

Я хорошо помню ту поездку. Машина болталась на дороге как кофейные зёрна на сковородке, пока я сидел на большом сидении сзади, удобном как скамья в парке. В то время о кондиционерах никто даже не слышал, так что к жаре мы просто привыкали, но в этом не было веселья. Ночью мы все спали на столах для пикников, вероятно, в парках или точках отдыха.

У отца были ёмкости с водой на случай, когда радиатор перегревался, что случалось почти постоянно. Из двигателя тоже галлонами вытекало масло, так что он останавливался на заправках и интересовался, есть ли у них отработанное масло, которое он мог бы взять бесплатно. Всё, что ему давали, он хранил рядом с водой на заднем сидении, так что вся машина воняла. Я помню, что думал, будто это будет длиться вечность, потому что мы постоянно останавливались, чтобы залить масло или дать двигателю остыть. Мой отец был как тот Бьюик, направленный в верном направлении, но не мог доехать далеко без усердной работы.

Я ненавидел это заднее сидение. Задние сидения лишь для двух типов людей – богачей и заключённых. Я помню, как в одном месте нас слева обогнал большой, шумный байк, быстрый, как ракета. Вот так и надо ездить, сказал я себе.

В один знойный день мы пересекли Аризону, что-то бухнуло под капотом и бьюик начал скрипеть, остановившись где-то между Финиксом и границей Калифорнии. Через некоторое время дружелюбный парень – латинос проехал мимо на эвакуаторе. Он притормозил и посмотрел, в чём дело. «Что-то снизу сломалось» сказал он. Отец сказал ему, что у него не хватит денег на починку, но парень всё - равно нас подцепил. Он отвёз нас в старый гараж, неподалёку, который выглядел, как ангар для самолёта. Он сказал, что заварит трещину забесплатно, но предупредил отца, что этого надолго не хватит. «До Калифорнии вы дотянете, но потом надо будет либо всё правильно починить, либо бросить машину»

Работа заняла дольше, чем думал мужчина и к ночи всё ещё не было закончено. Той ночью мы все спали в машине, закрытой в гараже. Утром мужчина вернулся и закончил работу. Когда мой отец снова его поблагодарил и сказал, что у него совсем нет денег, тот лишь пожал плечами и пожелал ему всего хорошего, а мы снова отправились в путь. Это что-то значило для меня. Это дало мне урок принадлежности к части братства, которое заботится о себе само.

Разумеется, когда ты вползаешь в Калифорнию на полумёртвом Бьюике, особого выбора, где жить, у тебя нет. Мой отец не пошёл к риелторам и купил себе собственность. Он пошёл к семье. Какое-то время мы жили сзади крошечного гаража, который мой отец снял у кузена, жившего в Сайпресс Парке, Мексиканском гетто в Лос-Анджелесе, который в те дни состоял, преимущественно из грязных дорог, свалок и магазинов выпивкой. По ночам я так часто слышал выстрелы, что думал, это фейерверки.

---

⁴ Не знаю, как ещё перевести Тех-Мех.

Мой отец усердно работал и всегда имел по две-три работы. Поначалу он работал на двух разных заправках одновременно, но что-то случилось, потому что я помню, как мы были в службе занятости населения, вскоре после того. Он искал работу, но ему приходилось брать меня и Эла с собой, ведь некому было за нами смотреть. Затем перед нами остановился тягач. Он прибыл из нового Центрального Южного завода Дженерал Моторс, который только открылся, и туда были нужны люди. Отец закинул нас с Элом туда и мы поехали туда. Заполнили формы и в тот же день получили работу. Там он проработал до конца своих дней, начав с ночного уборщика.

Днём он качал бензин на заправке на 26 Авеню, недалеко от нашего дома. Однажды я спросил его, могу ли и я работать когда-то на заводе Дженерал Моторс. «Сынок», ответил он «я бы с радостью, да боюсь, ты тут же попадёшь в тюрьму за убийство в первый же месяц работы, если тебе придётся работать с теми чёрными парнями, которые нас ненавидят. Дай-ка я тебе скажу кое-что, каждую ночь, когда им пора уходить, а нам заступать на работу, они нас обзывают чурками⁵» Я раньше не слышал этого слова, но знал, о чём он. Он знал, что я нечто вроде, «горячей головы» и я не потерплю насмешек и издевательств. Он хотел меня от этого уберечь. Он любил меня, а я его. По иронии жизни, через двадцать пять лет моим ближайшим сотрудником будет чернокожий, Тэд Николс.

Я поступил в Начальную Школу Лорето на Арройо Секо Авеню. В мой самый первый день там, ко мне подошёл парень с широкой улыбкой, выставив руки и сказал «Меня зовут Фейлмон и я саамы жёсткий тип в школе, так что у нас будут пру раундов, чтобы я этот факт подтвердил» Он не сказал мне ни когда или где это будет, но я знал, что однажды это случится. Он был пареньком не малого размера, с большими плечами и большими кулаками. Я уже был высоковат для своего возраста, но всё ещё очень тощим и не был уверен, что смогу его уложить. Я не был привыкшим к насилию, но и не боялся его.

Но боксирование не было единственным различием Восточного Лос-Анджелеса и Техаса. Я помню, как один парень упал во дворе Начальной Школы и «пустышки» или «красненькие», высыпались из его кармана. До того мы не знали ничего о такой жизни, пока не пересекли пустыню в Лос-Анджелес. Мы были обычными детьми.

Однажды после школы, Фейлмон ждал меня на улице и мы сошлись. Я получил несколько ударов, но и сам тоже нанёс парочку. Следующие две недели была одна драка за другой, но не я их начинал, а другие ребята. У меня был характер, но я не был хулиганом. Это были драки, когда ты либо дерёшься, либо теряешь уважение. Уважение для меня было очень важным. Как и для всех нас. У нас мало что было, но мы намеревались иметь хотя бы уважение. В этом мире, если ты за себя стоишь и дерёшься, люди будут тебя уважать. Если же нет, то ты в любом случае будешь получать. Лос-Анджелес был школой бойцов.

К моменту, когда я был, примерно, классе в четвёртом, мы выбрались из квартиры, в которой жили и переехали на Юлус Стрит, которая была в своём роде, знаменитой – своими бандами. Она была очень крутой, а мы были возле вершины⁶. Она выгладит как тихая Лос-Анджелесская улица, с маленькими Калифорнийскими бунгало, где может проскакать небольшая зелёная лужайка на переднем дворе. Дома были один рядом с

---

⁵ Spics. Понятия не имею, что это значит, но догадываюсь, что так и переводится. Так обзывают латиносов в штатах.

⁶ В смысле физически, улица резко спускается с холма, а они жили почти на верхушке холма, в начале улицы.

другим, вдоль узкой улицы. Наш несколько отличался, потому что там был полуподвал и дом был на деревянной раме. Там было две спальни и крыльцо сзади – ничего особенного, но и не помойка. Ванная была у заднего крыльца и зимними утрами было холодно, холоднее, чем в Техасе. Когда становилось по-настоящему холодно, мы разжигали плиту, чтобы согреться. Это всё, что мы могли сделать.

Я просыпался по утрам, если было что есть, я ел. Если нет, то нет. Иногда отец был дома, иногда он работал. Большею частью мы с Элом были предоставлены сами себе. На самом деле, полиция всегда была поблизости, потому, как мы были ещё маленькие, чтобы быть сами по себе, но отец с этим сделать ничего не мог.

В то время моим лучшим другом был парень по имени Роберт Мидли, или Гуэро⁷, как все его звали за светлый цвет кожи. Он был большой, блондин, голубоглазый, но если на него не смотреть, а только слышать его слова, то вы будете уверены, что говорит латинос. Его мать была испанкой, а отец был здоровым и добродушным деревенщиной, который водил тракторы Катерпиллар и имел столь же большое сердце, как его дом. Я повстречал Гуэро почти сразу же, как въехал в район. Он вырос среди жёстких ребят и умел за себя постоять.

Физически, у меня был нервный тик, который проходил по телу, как заряд тока. Он всегда начинался от живота и поднимался до плеч, где я мог его стряхнуть. Из-за этого я выглядел, как те злодеи в фильмах, которые забавно двигались, как Хемпфри Богарт или Джеймс Кейни. Из-за этого я также выглядел ещё больше, чем уже был, будто во мне была энергия, ищущая выхода, а тебе лучше было не быть на её пути.

Несмотря на всё насилие, в начальной школе не было банд, как таковых. Можно было быть, в обще-то обычным ребёнком. Я продавал на углу газеты и играл в мяч на улице. В то время латиносы имели большие семьи; шестеро детей были обычным делом и я помню минимум одну с двенадцатью детьми. Итак, летними ночами, могло на улице играть тридцать-сорок детей на улице, а родители обычно за нами не смотрели. Они либо работали, либо были истощены работой. Вокруг меня было полно нищеты. Я входил в дом и находил матрасы на полу, где спали мои друзья, а холодильник не работал, что было не важно, поскольку он всё равно был пуст, да и туалет не работал. Приходилось ходить на заправку за угол, чтобы сделать дела.

Позднее, в старшей школе, банды становились частью жизни. Я был в Старшей начальной школе Флоренс Найтингейл и там были банды детей, контролировавшие школы. Они ходили толпами посередине коридоров, и остальным приходилось прижиматься к своим шкафчикам, чтобы их пропустить. Были питьевые фонтаны, которыми пользовались только они. Драки были постоянно, следовательно, ты волей-неволей входил в банду, потому что даже если ты не хотел туда влезать, то ты не мог драться со всеми сразу. Ты мог уработать двух-трёх, но всегда было больше. Даже если Гуэро прикрывал мне спину, их было больше.

Мы с Гуэро были неразделимы. Нам нравилось тусоваться вместе на углу улицы, или если нужно было побыть наедине, в длинном, тёмном туннеле водостока, которые пролегли вдоль дорог. Гуэро и я увлекались «красненькими» и нюхали клей, который используют для склеивания пластиковых моделей самолётов. Не героин, хотя в то время это был популярный наркотик. Но ещё больше нам нравились девочки.

---

⁷ Huero. Я так понимаю, «белый» или «бледный»

В четырнадцать лет у меня был первый секс. Рядом с нами жили те две симпатичные девочки. Им было по пятнадцать лет, но они уже были хорошо развиты и мне казалось, им по тридцать. Однажды я взял одну из них в заброшенный дом, вниз по улице, где я жил. Там был старый матрац в одной из комнат. Мы начали дурачиться и как-то сам по себе я оказался в процессе с ней, усердно работая. Ей понравилось почти так же, как и мне.

Позднее тем же вечером я встретил Гуэро, который ухлёстывал за девушкой по имени Мария. Я рассказал ему, что делал в заброшенном доме, а у него на лице появилось безумное выражение. Затем он сказал, что хотел бы это видеть. Так что в следующий раз, когда я собрался её туда отвести, я сказал Гуэро и он спрятался в соседней комнате, подглядывая через сломанную решётку радиатора. Я сказал ему не шуметь, но он так увлёкся, что не смог устоять и начал «теребить».

«Что это было?» вскрикнула девочка.

«Ничего» сказал я и продолжал.

После того я спросил Гуэро, не хочет ли он, чтобы я свёл его с шестнадцатилетней старшей сестрой моей девушки. Я сказал ему, что она милая, куда лучше Марии, но он был верен своей мечте и отказался. Но я всё устроил сам, ради его же блага. Мы пошли на двойное свидание и после кино все вчетвером пошли в заброшенный дом и развлекались. Несколько ночей спустя мы повторили, но поменявшись девушками. После того, Мария стала просто историей.

Мой старший брат бандами не интересовался; он был больше одиночкой. Но Альваро мог за себя постоять при необходимости, он мог драться. Все могли. Всем приходилось, чтобы не умереть. Он мог попасть в уличный фонарь из «курносого» 38 калибра, что он частенько проделывал. Он отлично целился. Всегда хорошо одевался, его друзья называли его «Эл модник». Я не был до конца уверен, посмеиваются ли они над ним или восторгаются, но это была его проблема.

Официально я не входил ни в одну банду, пока мне не исполнилось одиннадцать или двенадцать. Я отправился на своего рода местный фестиваль в Хайлэнд Парк и поцапался с ребятами из банды Сайпресс Парк. Мы начали драться и я неплохо справлялся, пока остальная часть банды не прыгнула на меня. Мне разбили нос и губу, пару синяков. Не такое и больше дело. В те дни мы дрались так часто, что в этом не было ничего необычного, так что я просто пошёл домой. Пока я шёл, около меня притормозил «лоурайдер» с четырьмя членами другой банды, «Авеньюс». Они меня знали по району и спросили, что случилось. Я рассказал им, а они спросили «А хочешь с тем парнем, что всё начал, честного боя?»

«Ещё как»

«Ну, мы можем тебе помочь с этой проблемой, но тебе придётся стать одним из нас» Для меня всё было в норме. Я не осознавал, во что влезаю тогда, после этого насилие стало обычной частью моей жизни.

Они сказали мне топать домой и привести себя в порядок. На следующий день они пришли, и мы поехали в аллею, где тусовалась другая банда. Я вызвал на бой того парня, и вскоре я уложил его и выбивал дерьмо из него. В следующее мгновение члены банды Сайпресс избивали меня *снова*. Следовательно, Авеньюс, которые были куда более жёсткой бандой, присоединились. Всё закончилось лишь с приездом полиции.

То, что я стал Авеньюс, значило, что мне понадобится инициация, что значило бой с несколькими из них. Полагаю, идея была в том, что если ты выстоишь против них, то перед остальными точно не струсил. По крайней мере, мне было не обязательно проходить через это в одиночку. Гуэро тоже хотел вступить в Авеньюс. Процесс был прост и жесток. Нас вызывали на задний двор дома в Хайленд парке, где нас ждали шесть или семь членов Авеньюс. Они спросили, хотели бы мы сперва выпить пару пива или сразу начнём. Я сразу решил, что не хочу показаться перед ними слабым и сказал, что начнём сразу. Они встали вокруг нас и на нас тут же посыпались удары. Не достаточно было просто держать удар, надо было ещё отвечать, чтобы показать, что мы можем не только получать, но и раздавать. Когда всё кончилось, мы с Гуэро были членами Авеньюс и гордились этим.

С того момента моей жизнью стали Авеньюс. Мы встречались до школы по утрам и решали, на какие занятия пойти. Ты мог сказать «Я хочу сходить на вторую и третью часть уроков» потому что либо тебе нравился предмет, либо там была нравившаяся тебе девушка, либо ты просто преуспевал в предмете. Но знаком члена банды было то, что ты не носил с собой книг. Ты носил папку – там должна была быть твоя работа, но наши были просто изрисованы граффити. Не то, чтобы мы просто ненавидели школу или школе было безразлично, чем мы заняты. Были учителя, которым было не всё равно. Некоторые просто на тебя давили, а другие сидели с тобой и предупреждали, что впереди будет сложная жизнь, если не развернуть всё сейчас. Были даже заместители директора, которые ездили по районам на своих машинах, чтобы помочь детям.

Но дети в этом районе – во всех районах вокруг – не видели себя в будущем. Они ничего не видели за пределами своих улиц и районов. Их волновало лишь уважение в своём районе. Я сам таким был. Я желал уважения ребят вокруг меня, а это значило, быть в банде.

Когда я вступил, Авеньюс дали мне моё первое ощущение принадлежности к чему-то. Я был рад быть с людьми своего возраста, которым я был нужен, которые защищали меня, которые понимали, кто я есть. Когда у отца не было денег, чтобы купить мне ботинки, они достали их мне (я не сказал «купили»). Или если один из нас был голоден, мы делились всей найденной едой, до последней тортильи. Я никогда не ощущал, что отбираю нечто у кого-то, и что ещё важнее, никогда не ощущал себя неуместным. Да и лучшие девочки района были со мной.

Я начал лучше одеваться. Хаки заменили мне джинсы, и они вечно были измазаны. Нормальные футболки, вместо рваных маек, рубашка или кофта, которые хорошо облегли руки. Мы начали носить ботинки вместо кроссовок.

Думаю, многие люди считают, что банды из районов лишь сидят, обдумывая планы преступлений, будто они некая младшая Мафия. Правоохранители поощряют этот образ мышления, потому как банды – лёгкая цель, так что частенько слышно, что банды перевозят наркотики или оружие, либо заняты вымогательством. Всё это тоже бывает, но, по сути, работает всё иначе, по крайней мере, не в те времена, когда в банде состоял я.

Не то, чтобы мы не совершали преступлений, напротив, совершали постоянно. Мелочи, вроде рисования граффити или краж в магазинах, но ещё крали машины или продавали косяки через фаст-фуд. Когда я был очень маленький, был центр распространения из пекарни Хостесс неподалёку, по ночам туда приезжал водитель и разгружал грузовик.

Когда он открывал прицеп и начинал таскать еду, мы прятались за прицепом. Пока он всё разгружал, мы ели сколько могли. Мы были просто маленькими детьми, но где тут проходит черта?

Кражи были лишь ещё одним способом выживания. Денег у нас не было, а иногда и еды. Я имею ввиду, мне очень хватало риса и бобов, и я мог выживать на тортилье с солью, а бывало, что я ел бутерброд с кетчупом на ужин. Но если не было совсем ничего, я засовывал свой пистолет за пояс своих штанов, надевал сверху рубашку и шёл в «Jack in the Box»

Разумеется, не каждый раз в эту же закусочную, но с этой у меня был особый счёт. Я приходил и заказывал кучу еды. Тогда ты платил после еды. Сейчас ты сначала платишь, из-за таких, каким тогда был я. Итак, человек за стойкой – скажем парень – приносит еду и ставит перед тобой. Затем я говорил «И ещё я хотел бы большую Колу», а пока он поворачивался за Колой, я доставал пистолет, так что когда он поворачивался, к его носу был приставлен пистолет. «И раз уж ты там, давай деньги из кассы». И я выходил оттуда со своими бургерами и сотней долларов.

Однажды я собирался зайти в «Jack in the Box», как и раньше, но я решил, что тут нужна маскировка. Так что я зашёл в аптеку и украл пластырь, позже наклеив его на нос, будто тот был сломан. Когда я вошёл в «Jack in the Box» было около двух часов ночи, но пара ребят была там, они ждали своей еды. Они смотрели на меня и смеялись, отпуская шуточки. Я думал, *Вот козлы, смеются над несчастным парнем, с которым произошло ЧП.* И я подумал, *Ненавижу хулиганов.* Так вот, приносят еду и я делаю всё, как обычно с Колой и достаю ствол. Их лица побледнели – типа, *вот это мы облажались.* Я повернул к ним ствол и сказал, «Ну чо, теперь смешно, мудилы?» Это был небольшой момент справедливости, коих бывало не много.

Кстати, в тот раз денег я не получил, потому что сотрудники запаниковали и попадали на пол, не вставая, чтобы открыть кассу. Я не смог их поднять. Я говорил и по-английски и по-испански, а они не вставали. Но я не собирался их калечить, так что я получил лишь бургеры и чуточку удовлетворения.

Даже несмотря на всё это, я учился в младшей средней школе, я тусовался с парнями, которые всё время пробовали разные наркотики. Мы прогуливали уроки, кайфовали и ездили вокруг в поисках одежды, которую сушили на верёвках. Мы прыгали через заборы и хватали чистые носки. Затем в магазинах запчастей мы покупали или крали лак или спрей, что угодно, что могло гореть и пропитывали этим носок насквозь, скатывали его, затем прикладывали ко рту и глубоко дышали этим. Химия сразу проникала в мозг и сводила с ума.

Свою первую машину я угнал, потому что мне были нужны колёса, а не сама машина. Я поехал в Чайнатаун, в центре, там проходил фестиваль. Массовые мероприятия очень удобны для краж машин. Многим приходится парковаться подальше от фестиваля, на котором они пробудут какое-то время, так что машина останется на месте. Можно просто сидеть и ждать подходящей машины. Для меня это был красивый Шеви 58 года, на котором были отличные диски. В те дни, старые системы зажигания были очень просты, с односторонними ключами, а Шеви тогда делали всего тридцать разных ключей. У Авеньюс было кольцо со всеми этими ключами, а один из них с гарантией заводил Шеви.

Так что я её увёл и поехал к своей старой грамматической школе, чтобы снять колёса. Ты всё время должен высматривать копов, пока ослабляешь крепления. Если вокруг никого нет, то поднимаешь машину, снимая колёса и шины. Я уже собирался поднимать машину, как выехал полицейский патруль. Я прыгнул в Шеви и помчал. Я почти приехал домой, когда неожиданно оба передних колеса лопнули. Я ощутил и услышал громкий хлопок, увидев, как колёса катятся по улице, каждое в сторону. Все соседи выбежали посмотреть на шум, а там я сижу в машине без колёс. Я выскочил из машины, собираясь бежать, но понял, что повсюду в машине мои отпечатки пальцев, так что я нашёл старую футболку и протёр сидения и руль, как и остальное. Все, к счастью, просто ушли в дома, пока я это делал, так что как закончил, я просто ушёл домой.

Изначально у нашей команды была одна машина в одно время. Когда мы только начали красть машины, у нас не было водительских удостоверений, мы были слишком малы, но у кого-то машина всегда была. Если у тебя была машина, то ты был самым крутым, но твоя машина была общей. Мы могли ездить на моей старой Импале 62 года, пока не кончится бензин. Мы толкали её до заправки и скидывались по паре долларов, чтобы её заправить. Ты ездил на ней неделю или две, будто она твоя – мыл её, чистил, менял масло, держал на ходу. Затем ты понимал, что пора достать другую, если ты ещё не разбил первую, так что ты бросал эту машину и просто крал новую. Обычно мы крали где-то далеко, нам не хотелось красть у соседей.

К моменту своего четырнадцатилетия я совершил многое, что оценил бы бандит. Например, был арестован. Я говорю четырнадцать, но, знаете, могло быть и тринадцать и пятнадцать, может, в той или иной школе. Всё сливается в тех же людей, те же вещи, то же время. Мы все знали, что рано или поздно нас арестуют, не за одно, так за другое, так что наше воззрение было *ОК, я это тоже преодолею*. Впервые меня арестовали за нюхание клея, но я был арестован по малолетству, так что меня отправили в суд для малолетних, так что закончил я в зале для несовершеннолетних. Если ты был молод и попадал под арест, то тебя отправляли туда на неделю или десять дней, до суда. Я там пробыл день. Я не считал это серьёзным арестом.

Всегда мне казалось, что суд по делам несовершеннолетних больше направлен напугать тебя, чем наказать или исправить. Они пытались изобразить это как школу – там были общие спальни и классы, но и на заборах была колючая проволока. Там можно было встретить по-настоящему жёстких ребят, беглецов из дома, а так же несколько ребят, которым там вообще не место, потому что они, по сути, проблем не доставляли. Это были те, кого винили в чужом проступке или кто просто оказался не в то время и не в том месте. Либо они просто чуточку кайфанули. Новый закон по обвинениям с наркотиками заключается в том, что тебя лечат, а не лишают свободы, и это хорошо, потому что многие дети, которые не состояли в бандах, начинали состоять в них по выходу. Я зашёл туда как сложный ребёнок.

Несколько Авеньюс всегда были в суде по делам несовершеннолетних, так что у меня были там друзья, а впрочем, ты пытался поладить со всеми ребятами из других банд, пока был заперт. Там, в суде, тема банд была закрыта. Если ты видел там врагов, то просто их игнорировал и наоборот. Я считаю это необходимостью. В противном случае, мы бы всё время пытались друг друга поубивать. Представьте, какой бы был кошмар? И сотрудники бы нас не остановили.

Сотрудники там были не как охрана в тюрьмах. Эти люди были больше как социальные работники. Они пытались узнать, почему ты в банде или почему ты принимаешь наркотики или ворует, но у большинства из нас была позиция *Я это я; я этим занимаюсь; не пытайтесь меня менять*. Если я верно помню, то спрашивали нечто вроде, «Зачем ты ограбил этот 7-eleven?» Я пожимал плечами. Там с ними особо не говорили; я лишь пожимал плечами помногу. Я не был очень разговорчивым человеком; в большинстве случаев я говорил «Мне были нужны деньги» А они спрашивали «Зачем ты украл машину?», а я отвечал, что мне надо было добраться из точки А в точку Б.

Суд по делам несовершеннолетних находится прямо за Окружной Больницей, где я сейчас работаю. С верхних окон больницы видно двор. У нас оттуда бывают пациенты; служащие приводят ребят и мы делаем им рентгеновские снимки или томографию. Спроси я их, за что они там, вероятно, они бы просто пожалели плечами.

Впервые я попал в тюрьму из-за того что я был в машине с парой Авеньюс, когда водитель, который был под дешёвым вином, которое мы в основном пили, психанул и сделал разворот через двойную сплошную линию на парковке. К несчастью, это была парковка местного полицейского участка, а их это не впечатлило. Пара из них подошла, чтобы выяснить, что происходит. И мы тут же отправились проводить ночь в камере. Это был мой первый опыт сна на твёрдой постели, моя первая ночь за решёткой. Я не боялся; на самом деле, даже гордился. Я думал, что прошёл ещё одно испытание и это хорошо.

Мой первый серьёзный арест произошёл, когда мы с Гуэро, да ещё несколько ребят попытались ограбить продуктовый магазин. Я не знал, что мы собираемся это делать, я думал, мы просто собираемся стянуть немного бухла. Магазин был полон народа, но я ушёл в заднюю часть и спрятал пару бутылок дешёвого вина под пояс и накрыл курткой. Но вот чего я не знал, что один из дуралеев, с которыми я был, принёс с собой ствол и решил вынести кассу, пока мы там были. Я повернулся, чтобы уйти, когда увидел, что один из ребят держит кассу. Я удивился, но решил, *Какого хрена, это всё часть программы*.

Парень, который был за рулём машины не был из Авеньюс, но тусовался с нами и они запомнили номер его машины и арестовали его. Он сдал всех и следующим утром в пять утра полиция накрыла мой дом и арестовала меня за вооружённое ограбление. Мы были пару месяцев взаперти в молодёжном исправительном учреждении, а затем получили условные сроки.

Я не был единственным, кто крал или наркоманил, как можно было бы подумать. Восточный Лос-Анджелес был как Дикий Запад или джунгли. Случиться могло что угодно, любое событие. Я помню, как шёл по улице и передо мной застыла пожилая женщина с дыркой от пули в груди. Полагаю, её подстрелил муж. Мы помогли ей и вызвали скорую. Такого рода вещи были просто частью нашей жизни. Я помню её, так что обычно женщины с пулевыми ранениями не бродили по улицам, но стрельба была обычным делом. У тебя не было времени остановиться и задуматься, а не должно ли быть иначе, или что это не правильно, или что тебе надо жить где-то ещё. Ты не мог жить где-то ещё, да ты и не знал другого места. Это не значит, что на тебя это совершенно не влияло, но на разных людей всё действует не одинаково. Кто-то ломается; кто-то становится сильнее. Я стал сильнее.

Когда, наконец, настало время выпускаться из старших классов младшей школы, мне нужна была новая одежда для церемонии, так что я отправился в деловую часть Лос-Анджелеса, в магазин May department. На мне были мешковатые штаны, и я взял всю одежду, какую хотел, засунул её под свою и ушёл. У меня было всё, что надо, кроме ботинок. За ними надо было идти в другой магазин, Флорсейм, на Бродвее, в деловую часть города. У них снаружи были столы с ботинками. Они выставляли по одному ботинку, чтобы их не украли. Я украл один. А потом дошёл до другого магазина Флорсейм и спёр второй, точно так же.

Только потом я сообразил, что украл два левых ботинка. Но это меня не остановило, я взял оба ботинка, сходил в один из магазинов и заявил, что они продали мне два левых ботинка. Они очень удивились, но поменяли один на правый. На выпускном вечере из младших классов вся моя одежда, от нижнего белья до галстука, были краденными. Просто поразительно, как много ты можешь сделать, когда у тебя стальные нервы.

Серьёзный человек.

Банды были моим вторым обучением в школе бойцов. Вдобавок к передаваемому тебе чувству дружности, и наличия союзников, братства, они так же давали и врагов. В бандах всегда была история, старые счёты – могли быть и настолько давние, что уже никто не помнил, с чего всё началось. Другие случались лишь неделю назад. Одна банда убила члена твоей банды, так что надо было свести счёт. Вы убивали одного из них и так далее.

Не то, чтобы кто-то заказывал определённого человека. Никто не говорил тебе что-то делать. У банд не было президентов, которые раздают приказы, в любом случае. Но были *ветеранос*, те, кто выжил дольше всех, а были и те, у кого был статус по иным причинам – потому что они вызывались и делали дело, была ли это драка с тем, кто вас вызвал на бой, или совершение «проезда»⁸. Происходило вот что, часть членов банды сидела на крыльце, пили пиво, и вы говорили о человеке, которого вы потеряли. Печально. Затем, один из вас просто кивал другому и говорил «Ну, погнались» И вы садились в его машину, доставали винтовку, бросали её на переднее сидение, уезжали.

Мне было, наверное, тринадцать или четырнадцать, когда впервые моего друга, сидевшего на моём крыльце, сбил выстрел. Он так же не был и последним – в мой дом стреляли неоднократно. Это была часть жизни банды. Поскольку мы были на такой узкой и крутой улице, конкурирующим бандам было даже не обязательно проезжать мимо на машинах. Они просто останавливались на перекрёстке внизу холма и просто стреляли вверх. Или вниз, с холма, который был выше дома. Там был один отдельный дом, ярадах в двухстах от моего дома, я думаю, они там знали кого-то, потому что по нам стреляли из этого дома. Это всё было до того, как банды пришли к соглашению, не вести стрельбу по домам, чтобы избежать попаданий в матерей и детей.

Я тоже так делал. Ты просто шёл и искал чувака, который был виновен. Не мог найти его, проезжал мимо его дома и стрелял. Я помню, был однажды план, что я подойду постучать в дверь, её откроет цель, а мой приятель, прятаящийся через дорогу с винтовкой, сделает дело. Но жизнь цели была спасена, когда дверь открыла его мать.

Если сегодня я проеду по той улице и посмотрю на те дома, мне потребуется больше пальцев, чем на двух руках, чтобы сосчитать убитых и раненых. Мой приятель, живший через дорогу, Ричард Льюис, был застрелен насмерть прямо через несколько улиц от нас.

---

⁸ Проехала машина, открылись окна, очередь выстрелов, машина уехала. Это называется drive-by.

В следующем доме от меня, парня порезали, и он чуть не умер. Ещё через одну дверь, друг семьи был зарезан насмерть. Стивен Бака. Я им восхищался; думал, он крутейший гангстер, какого я только видел. Два дома дальше, зарезан. Через дорогу, попал под пули, но выжил. Ещё двумя домами дальше, того парня резали и стреляли в него тринадцать раз, прежде, чем он погиб. Он вырос в нашем районе. А на перекрёстке, у моего дома жил маленький Джоджо. Его застрелили, когда он смотрел, как другие Авеньюс играют в футбол в парке, где мы тусовались. Он сидел рядом с моим братом, Элом, а они попали в него с самой дороги, удачный выстрел. Он, на самом деле, даже не был в банде – просто любил с нами тусоваться. А это всего лишь маленький квартал, может, всего домов пятнадцать. Я всё ходил на одни похороны за другими.

Пушки легко было достать. В районе были ребята, которые вламывались в дома, в большинстве из которых было оружие. Зачастую это были наркоманы и им надо было сбыть что угодно, что им удавалось украсть, а самым ходовым товаром в районе были стволы. Даже телевизор было труднее продать. Ружья, или как минимум, пистолеты, стоили, может, баксов двадцать пять, пятьдесят. И ещё был у меня приятель, Вайндроп, который забирал машины. В то время многие хранили стволы в машинах, которые, естественно, не были легальны, так что при изъятии машины о пропаже нелегального ствола никто не заявлял. Друг брал машины, а нам продавал стволы. И уж точно недостатка в них не было. Как и пуль.

Первый раз, когда я стрелял в кого-то не был «проездом». Я был с отцом, он постригал деревья и стриг лужайку, чтобы заработать больше денег. Я ходил с ним и я помню, что однажды за мной шла охота, так что мы возили винтовку 22 калибра с собой в машине. Он не был жестоким человеком и не был тем, кто что-то начинает, но он знал, что жизнь его сына в опасности. Это было на Стадиум Уэй, прямо у Стадиона Доджер. Мы были на заправке Шеврон, на стадионе шла игра, пробка была бампер к бамперу. А те ребята из Сайпресс Парк проехали мимо и начали в меня стрелять. Я взял винтовку и просто разрядил всё в машину. В тот раз я впервые в кого-то стрелял. Мой отец был старомодным мужиком, но он знал, что они реально опасная банда. Он привык к тому, что у людей есть оружие. Он всю жизнь прожил среди людей с оружием, которым они пользовались, но, обычно, не против друг друга.

Я не хочу, чтобы вы думали, будто я был бунтарским тинейджером, или недопонятым, или ещё что-то такое. Я не был Марлоном Брандо в *Дикаре*, не был я и Джеймсом Дином в *Бунтаре без причины*.⁹ Я не хотел расстраивать своего отца и не хотел при нём творить безумие. Я знал, что ему не всё равно. Поскольку он работал очень много и поскольку он не говорил по-английски, он не был особенно в курсе происходящего. А я ему не показывал свою жизнь. Я не желал, чтобы он знал, что я делаю нечто опасное или незаконное.

Если ты был с бандой, то значение имели две вещи, которые были, по - сути, близки. Одна из них была уважение, как я и говорил. Если ты считал, что некто не выказывает тебе должного уважения, то это была проблема. Дело было не в обзывательствах или в оскорблении банды. Это могло быть нечто, что обычные люди даже не заметили бы, как на тебя посмотрели или замечание о твоих ботинках.

---

⁹ Классические рок-н-рольные фильмы середины двадцатого века.

Второй вещью была территория. Авеньюс имели свою территорию и никто иной не мог пользоваться ей без разрешения. В суде по делам малолетних нас спрашивали, «За что вы, ребята, дерётесь?» Мы дрались за территорию, прямо как мой пёс, охраняющий двор. Это не его двор, но если ты туда забредёшь, он будет его защищать, потому что это – его территория. Мы были как дворовые псы – от дороги до трассы были наша территория и все остальные должны были либо держаться дальше, либо мы на них нападали¹⁰. Такая трата времени.

Это становилось личным очень быстро. Иногда человек обижал тебя, а иногда вы просто что-то не поделили. Ваши две банды начинали заварушку и иногда ты видел кого-то из них и думал, *Я ещё ебану этого парня* по какой бы то ни было причине. Я помню, один парень был достаточно глуп, чтобы прийти в наш район, когда мы сидели на крыльце. Так мы отмечали пределы своей территории. Мы сидели у дома на одной из основных улиц – было что-то в протоке проезжавших машин – и пили в темноте. Каждый район так делал.

Я сидел там однажды ночью с кучкой ребят и у нас собой были винтовки, как и всегда. Это дурак проехал мимо с парой ребят в машине, но что было ещё глупее, у них с собой была девка. Я увидел его и когда он направился к дому, я выстрелил в машину. Им повезло, что никто не умер. Двое ребят и девушка пострадали, но все выжил. Никто не ослеп, никого не парализовало; то есть, они не получили серьёзных ранений. Я не горжусь этим, но таков был закон наших джунглей. Я никогда с ним снова не связывался. Он продолжал бандитствовать и всё такое, но я никогда более не видел его в своём районе.

Я помню того парня, он был настоящий гангстер, который сказал, что он меня наебнёт. Однажды я стоял у дома и он проехал на своей машине и сказал «Ты покойник». Я знал, что он серьёзный человек. Когда растёшь в таком районе, то знаешь серьёзных людей, с которыми стоит считаться. Ты знаешь и болтунов, которые будут только чесать языками, но когда серьёзный человек говорит тебе «Смотри, я приду за тобой. Я пристрелю тебя» то ты готовишься и лучшее, что можно сделать – ударить первым. Он может прийти за мной после этого – он мог быть один из тех, кто однажды сделает «проезд» и выстрелит по дому. Я этого не знал, но мы оба знали, что обязательно последует веселье.

Однажды я катался с приятелем и мы увидели того серьёзного парня, заправлявшего его машину на заправке, на углу улиц Пеппер и Сайпресс. У меня был ствол; я решил, что вот моя возможность. Мы проехали вокруг квартала и притормозили возле парня, револьвер был в моей руке. Можете представить расстояние от одной колонки до другой, её почти нет. Я вышел из машины и поднял на него ствол. Я помню его лицо. Он застыл; он видел свою смерть. Он знал, что поздно бежать, поздно доставать свой ствол, так что он просто застыл с выражением лица *Боже мой*. Я не думал ни о чём, кроме как о необходимости сделать дело – я считал, или я или он.

Я сжал курок, и вышла осечка. Я нажал снова, и вновь вышла осечка. Ствол заело. Его лицо переменялось, когда он осознал, что он спасён. Я запрыгнул в машину, и мы уехали. Ты не месте не задерживаешься. Я всегда буду помнить того парня, и сам я думаю, как ему повезло, потому что он знал, что и я тоже серьёзный парень. Его звали Эдди и он был в банде Сайпресс Парк. Я всё думаю об этом и я рад, что были осечки, правда. Но надо

---

¹⁰ Мне довелось однажды посмотреть интервью, взятое у одного обитателя чёрных гетто в Гарлеме. Его спросили «Почему вы ко всем, кто не из вашего квартала относитесь враждебно?» Он ответил «У нас в квартале нет ни торговых центров, ни больших магазинов, ни мест отдыха или мест для культурного отдыха. Если тут нечего делать, то, очевидно, у появившегося тут чужака может быть лишь дурное намерение»

помнить, что это не просто этот один парень сказал, что достанет меня, он был частью банды, которая убивала людей, с которыми я вырос, людей, с которыми я тусовался и дрался вместе. Я очень заботился об этих людях, а он был частью причины их смерти. Я лишь думал об этом, как о возмездии. Будь всё иначе, он бы так же поступил. Он бы убил меня, если бы мог.

Ты продолжаешь эту жизнь, даже если она сложная, потому что трудно из неё выйти. Выбора не было. Ты не мог быть нейтральным или не бойцом, или жить по своему- если только ты не желал вообще не выходить из дома. Выбор был, но он значил огромную потерю уважения. Если ты решал жить так, то ты уступал дорогу в коридоре и пил в школе из других фонтанчиков. Гордость приходилось глотать. Для меня это бы не вариант. Для многих, многих ребят это был не вариант. Так, как я жил в юности, я бы ехал по улице и кто-то стоял бы вторым рядом ,блокируя проезд. Я посигналил бы пару раз, но если б он не двинулся, я бы вышел из машины, подошёл к его окну, залез внутрь и начал бы его бить. Я считал, что я заслуживаю внимания, обходительности и если тот парень его мне не выказывал, то он заслуживал последствий.

В старшие классы я пошёл в Старшей Школе Фрэнклин Парк в Хайленд Парк. Помню, я был в десятом классе и заместитель директора вызвал меня и пару моих друзей из класса, чтобы нас за что-то обругать. Неожиданно, один из моих друзей подбежал и ударил его в челюсть. Когда ты вырубаете заместителя директора, это нечто. Позднее, тот заместитель директора отвёл меня в сторону и дал мне номер призывного пункта Морской пехоты. «Ты тут долго не проживёшь, с твоим образом жизни» сказал он «выходи сейчас, пока ещё можешь»

Долго я во Франклин не пробыл. Весной первого года полная машина конкурентов из другой банды увидели меня и Гуэро во дворе школы и начали стрелять. К счастью, в нас не попали, но выстрелы пробили окна в паре бунгало кампуса – так их тогда звали – и почти попали в учителя. Когда они закончили и уехали, нас вызвали в офис директора и там сказали, что мы угроза для всех остальных учеников. Нас решили перевести в другую школу, куда-то, где никто не будет знать, кто мы есть.

Нам сказали, приходите к Франклин каждое утро в пять и ехать на автобусе в школу в Сан - Фернардино Вэлли. Этого мы делать не собирались. Наш район был нашим миром. Мы выяснили, что если ты не живёшь в округе школы, то у них больше нет над тобой контроля. Так что мы просто уехали из округа школы. У Гуэро были родные, жившие в Аркадии, которая довольно неплохой район. Он переехал туда и перевёлся в Старшую Школу Аркадии.

Мой брат переехал в свою квартиру в Эль Серено, так что я пошёл в школу там, в Старшую Школу Уилсон, где я в итоге и выпустился. Это было, своего рода, достижение, выпуск из старшей школы. Большая часть ребят, с которыми я рос, её не окончили. Если уж ты оканчивал старшие классы младшей школы, то ты везунчик, но старшая школа? Никогда.

В Уилсон Хай были банды, но я не общался с ними. У меня не было врагов, но и друзей тоже; я всё ещё был часть Авеньюс и каждый день после школы я ездил на автобусе на район. За поясом у меня всегда, постоянно был ствол. Если полиция появлялась, я просто сбрасывал его неподалёку в кусты, чтобы успеть его подобрать, прежде, чем приедет автобус. Они опрашивали меня, потому что я был одет, как бандит. Затем, когда они меня

запомнили, они просто говорили «Что-как, Филин?» и немного общались. Полиция была постоянной частью нашей жизни.

Все знали, на каком автобусе я езжу, так что при желании меня убить, меня могли просто встретить там. Я ходил два квартала вперёд или назад, чтобы этого избежать. Иногда я видел машину банды конкурентов, ехавших за автобусом. Но даже так как у меня был ствол, перестреливаться с целой машиной бандюг я не хотел, так что я спрыгивал с автобуса пораньше и прятался на лестнице, или что было рядом, если это была не их территория.

Ты жил так и не задумывался об этом; это всё становилось естественным. Например, когда ты останавливался на красный свет, то никогда не прижимался к машине спереди, на случай, если вас кто-то заметит и начнёт стрельбу. Ты всегда оставлял место, чтобы выехать в соседнюю полосу или на тротуар. Ты себя не зажимаешь.

Гуэро и я были арестованы множество раз, иногда по малым обвинениям, таким, как владение незарегистрированным оружием или магазинные кражи, а иногда и по серьёзным обвинениям. В то время меня арестовали за убийство. Мы ехали по Хайленд Парк примерно в три часа ночи. Курили ПСП и нас остановили копы. На нас наставили оружие и сказали выйти. Сказали, что раньше вечером машина, подходящая под описание нашей была использована в «проезде» и кто-то погиб. Нас арестовали и бросили за решётку.

В то время как раз восстановили смертную казнь, примерно в тот день. Я сидел в камере и пришёл коп, помахивая передо мной газетой, на первой полосе которой было сообщение о снятии моратория на смертную казнь, приговаривая, что мне надо готовиться к этому. Полагаю, он пытался этим меня напугать, но это особенно не сработало. Когда пришло время и меня осматривали, с меня сняли рубашку, и они увидели все шрамы. Меня спросили, откуда они, а я ответил – ножевые. «Тогда тут нет для тебя ничего нового» сказал один коп. Я подумал, *Ну всё, я получу реальный срок.* Я всё ещё не боялся. Я не злился и не боялся. Люди постоянно попадали или выходили из тюрьмы. Даже если дойдёт до большого срока, я буду среди друзей.

Мы не делали того «проезда», так что обвинения с нас сняли, но это был первый раз, когда мой отец стал в курсе того, чем я на самом деле занимался, или первый раз, когда он почувствовал, что должен что-то сказать. Когда я вышел, отец оттянул меня в сторону и сказал, «Эй, парень, ты что творишь? Проведёшь остаток дней за решёткой, если не изменишь свою жизнь»

Я сказал ему «Эй, да всё нормально. Тут нет ничего серьёзного» Я не хотел, чтобы он волновался, но мой ответ лишь сильнее его озаботил, потому что он увидел, что я не боюсь тюрьмы. Он был хорошим человеком, добрым и он любил меня. Но он не мог ничего сделать, чтобы удержать меня от своего пути и кроме того, у него была и своя жизнь. Он до смерти уработывался поддерживая двоих детей и иногда подружек. У него редко бывали свободные деньги. Я тогда мог о многом не догадываться, но достаточно знал, чтобы понимать, что так жить до конца дней я не хочу. Так, что он мог мне сказать, что имело бы смысл? «Будь как я?» Не думаю. На мой взгляд, принадлежность к банде тогда была единственным путём избежать того образа жизни, в котором он застрял.

Я продолжал драться за свою территорию. Я совершал «проезды» участвовал в перестрелках и хотел, чтобы люди меня боялись. С другими Авеньюс я сражался против

многих врагов, таких как Кловеры, Сайпресс Парк, Фрог Таун. Мне это удавалось и я это знал. Гуэро и я выросли в серьёзных бойцов, которые не сдадут назад. Я не хотел бы оказаться у себя в «чёрном списке». Многие, кто оказался пострадали.

Одной субботней ночью кучка наших отправилась на вечеринку на Пятьдесят вторую улицу, считая, что там зависают Авеньюс. Но оказалось, там тусили Сайпресс Парк. Как только мы вошли через задний ход – мы всегда так делали, лучший способ прийти и уйти – начался мордобой. Это был полный пиздец. Я махался с одним парнем у машины и одерживал верх, когда моё внимание привлёк блеск возле моего бока. Это был отсвет фонаря на лезвии ножа, который направлялся ко мне. Я ощутил обжигающее движение слева. Он несколько раз меня ударил. Я обернулся, но он был достаточно быстр, чтобы сбежать. Пока он бежал, со всех ног, он ткнул ножом в спину моего друга Рэнди «Чингиза» Чавеза.

После этого драка по большому счёту прекратилась. Вероятно, народ сообразил, что скоро тут будет полно копов. Я сильно истекал кровью, но думал, *Это лишь порез. Я выживу.* Мой брат, Эл, вероятно, услышал о драке, потому что он притормозил у дома в своём Монте Карло, который недавно купил. Гуэро сказал, «Мы едем в больницу». Я сказал не волноваться, что всё будет нормально. Но он не слушал, к счастью, он был больше меня. Он схватил меня за кофту и впихнул на переднее сидение машины брата, а сам залез назад и Эл стартанул.

К тому моменту моя толстовка вся вымокла в крови, и она начала разливаться по всему сидению. Это меня взволновало. Кровь просто лилась из меня, но ещё больше меня волновал беспорядок, который из-за меня произошёл в новой машине брата. Так что я сложил ладони лодочкой и начал выливать кровь в окно. В тот момент я не ощущал боли. Сейчас, когда я лучше знаю организм человека, я полагаю, что был болевой шок. Тот парень перебил артерию и хотя тогда я этого не знал, я истекал кровью насмерть и не так уж и медленно.

Так вот, я выплёскивал свою кровь из окна изо всех сил, но через некоторое время мне стало очень тепло, что является плохим знаком. Мы притормозили у будки охраны, которая вела к въезду в неотложку Центральной больницы, о которой мы думали, будто это больница гетто. Я имею в виду, мы знали людей, которые получили пулю или удар ножом, а по прибытии в эту больницу они умирали, так что мы полагали, что это плохая больница. Вероятно, они бы умерли вне зависимости от того, куда они попали. Позднее я узнал, что в Окружной работают лучшие врачи округа, но тогда мы все винили больницу. Так что, когда мы притормозили там, мой брат сказал, «Ты тут померёшь. Продержишься, пока я не довезу нас до Уайт Мемориал?»

«Разумеется, погнали» Что я знал? К моменту, когда мы приехали в Уайт Мемориал, мне было совсем тепло и кружилась голова. Мы вышли из машины, идти я не мог. В итоге я оказался на спине в неотложке и надо мной трудились врачи, пока я то терял сознание, то приходил в себя. Я помню, как пришёл в себя, а там парень сильно пихает меня в бок – то есть *очень сильно* пихает, снова и снова. Сейчас я знаю, что он в грудь мне трубку вставлял. Когда пробита легочная сумка, им надо её прочистить, так что тебе меж рёбер вставляют трубку. А рёбра-то не должны быть отдельно, они сопротивляются. В тот момент он таки просунул трубку и боль была такая сильная, что я отключился. Согласно полицейскому отчёту, последнее, что я сказал перед потерей сознания было «Кто-то за это заплатит»

Очнулся я только неделю спустя. Я был в реанимации, у горла была трубка, всюду висели провода и я ничего не чувствовал. Ничем не мог шевелить, кроме глаз, вероятно, от наркоза. Я их открыл и посмотрел вбок, а там был священник из местной Католической церкви. Я подумал, *Блин, я помру.*

Я потерял сознание снова и несколько следующих дней я то оживал, то отключался. Каждый раз, как я приходил в себя, рядом был кто-то ещё – не только мой брат или отец, ещё родные из Техаса и отовсюду, а я думал, *Вот бя, всё серьёзно. Иначе они бы не приехали, если бы я не умер.* Ещё через неделю, мне стало лучше. Однажды медсестра сказала «ОК, попробуй встать у кровати» и я был невероятно счастлив. Я думал, что это величайшая вещь в мире, я думал, это значит, что я оправлюсь.

На самом деле, я почти умер, и если бы не Гуэро, я бы истёк кровью насмерть. Так что Гуэро спас мне жизнь. Он заходил ко мне в первую ночь дома. Он так злился, бесился из-за случившегося со мной, что он купил старый револьвер, как в вестернах, где пули заряжены в барабан. Но при каждом выстреле барабан вылетал. Это его не волновало. Он проехался до дома, где меня порезали, и расстрелял дом из этого револьвера. Пятью годами позднее, парень, который меня порезал, был найден убитым на обочине шоссе в Аризоне. Кто-то его убил. Понятия не имею, кто и за что, но часть меня жалеет, что это не я свёл свой счёт.

Когда я выздоровел, я получил работу мойщика посуды в Окружной Центральной больнице, да, именно там. Мне пришлось соврать про возраст, чтобы её получить, но всем было безразлично, коль скоро у меня было две руки и желание работать. Я ещё восстанавливался после ножевого ранения, и думал, что работа будет неплохим способом убить время. Мне не нравилось безделье. Я работал с трёх часов дня до полуночи, да и было близко к школе, так что я мог ходить на занятия, когда хотел. Там я работал полное время пару лет, и думал, что это лучшие деньги в мире. Появилась кредитка, страховка, такие вещи. А я думал, что это фантастика. Смешно, правда? Несмотря на то, что я крал всё, что надо и был уважаемым членом очень жёсткой банды, мне ещё нравилась жизнь среднего класса. Будто я жил в двух мирах.

Незадолго до моего выпуска, я начал встречаться с женщиной по имени Сибил. Она мне нравилась, но она ничем не отличалась от женщин, с которыми я проводил время, за исключением одного момента. Она забеременела. Сибил и я расстались ещё до того, как Рубен Младший родился. Не было ни единого шанса для нас пожениться и обустроиться; это просто не получилось бы. Я не был в больнице, когда он родился, в сентябре, двадцатого числа 1977 года. Я был в Мексике. Я помню, как они привезли ко мне его в Мексику, чтобы я мог его увидеть, но я подцепил брюшной тиф и был ужасно болен всё время, что они там пробыли. Он жил со своей матерью некоторое время после рождения, но я мог видеть его когда угодно, я удостоверился, что у него есть всё необходимое. Все деньги, что я мог потратить шли на него.

Сейчас я и Сибил дружим. У неё ответственная работа в Кайзер Перманенте, большой компании по страхованию здоровья. На самом деле, мы только недавно говорили о том, какую собственность Рубен Младший может унаследовать от нас. Мы в достаточно хороших отношениях, чтобы сидеть рядом и продумывать следующие шаги, пока у меня ещё есть время.

Я хотел, чтобы Рубен Младший был со мной. Я видел слишком много детей, которых бил отчим или новый парень их матери. Я поклялся себе, что мой сын через это никогда не пройдёт. Так что он провёл немало времени со мной, даже будучи очень молодым, но ему

приходилось сходиться с моим образом жизни. Я очень ясно помню, как мы были на переднем дворе и я постригал газон или поливал что-то, а Рубен Младший качался на механических качелях с музыкой. Ему нравились эти качели. Так вот, он качался, а я всё боялся «проездов» или другого нападения, так что у меня рядом на заборе висела винтовка. Я знаю, звучит безумно, что у меня была рядом винтовка, там же, где и ребёнок, но я ощущал, что у меня нет выбора.

У меня всё ещё был характер. Мне всё ещё надо было уверенным, что меня уважают. Я уже не был в полной мере частью банды после выпуска из старшей школы, но менталитет банды у меня всё ещё был. Однажды я был на барбекю в парке и там был парень, который сделал нечто, что мне не понравилось. Он был не из Авеньюс, мы поспорили, но там были семьи и я не желал вызывать проблемы перед детьми. Сейчас я даже не вспомню, что он сказал. Да даже слова были не важны, просто поведение. Ещё раз, то, что кажется неуважением для меня, может ничего не значить для вас.

Как бы то ни было, он меня разозлил, и поскольку я не мог уладить всё прямо там я сказал, «ОК, как-нибудь я снова тебя встречу и мы ещё поговорим. Если ты просто подойдёшь и скажешь «Слушай, это всё было ошибкой», то нет проблем. Но если всё будет повторяться, то нам придётся это решать иначе» Я не тот человек, который будет приставать к кому-то. Могут что-то сказать или сделать не так, будто они лучше меня, но я не стану тут же доставать оружие.

Так вот мы разошлись. Я не знаю, что он чувствовал после этого. Он мог даже не осознать, что я говорил очень серьёзно. Примерно три месяца прошло, и я не забыл того парня на барбекю. Я не злился; надо помнить, дело не в злости, это скорее как долг чести, который так или иначе надо разрешить. Скажем, некто должен вам денег. Вы же не просыпаетесь утром с мыслью *Ну всё, я получу свои деньги от этого скота*. Но в памяти это держится, и вы знаете, что ситуацию надо будет решить.

Это просто часть моей личности, сейчас я это знаю, так что я стараюсь просто не попадать в ситуации, в которых мне бы понадобилось сводить счёты. Но сегодня вы можете представить, когда я еду в своих «цветах» Монгола и меня тормозит полиция без причины – на самом деле без причины, просто оттого, что я «Монгол» - и они меня оскорбляют, заявляют, что арестуют меня... ну, это очень меня расстраивает. Это очень сложно. Так же, когда люди делают глупые обвинения о том, что Монголы делают или нет.

Но я забегаю вперёд. Так вот, тремя месяцами позднее, я ехал по Бульвару Уиттиер и я увидел парня, сидевшего в машине. Я остановился, вышел из машины и подошёл поговорить с ним. Я очень ясно ему сказал, «Мне не понравилось сказанное тобой и то, как ты это сказал» Скажи он, что всё это просто недопонимание, я бы просто пожал ему руку и ушёл. Но он не сказал. Он сказал, ни больше, ни меньше, «Пошёл на хуй, мне похуй, что ты там думаешь» Я и так был на взводе, но он просто разъярил меня, я достал пистолет и дважды в него выстрелил. Я решил, что попал в лицо и думал, что, вероятно, убил его.

Я и так уже был на условном сроке за некоторые меньшие дела, но я знал, что мне надо покинуть город. Были свидетели, и я был почти уверен, что он мёртв. Мой отец предложил, чтобы я уехал к родным в Мексику на некоторое время. Так что одной ночью я сел на поезд и уехал в Лорьедо и пересёк Рио Гранде в Нувео Ларьедо, в дом моего дедушки.

Там мир был совершенно иным. Иная атмосфера, иные люди, не было банд (по крайней мере, я о них не знал тогда). А я слишком привык к улицам и ощущал себя в ловушке. Кроме того дома в городке у моего деда было маленькое ранчо за пределами городка, на окраине, куда он ездил охотиться. Мне стало очень скучно и однажды, когда мой дед

отсутствовал, я взял его винтовку 22 калибра и коробку патронов, а также примотал её к винтовке, так что это всё было похоже на пылесос. Вообще, люди там постоянно носили оружие, но я так привык его прятать, что попробовал всё это замаскировать. Ранчо было далеко, очень. Надо было садиться на автобус до конечной станции, а потом топать по маленькой грунтовой дороге. В самом её конце и было ранчо деда.

Там был однокомнатный дом с камином и старым вагончиком на переднем дворе, такие можно найти в лавках антиквариата в Лос Анджелесе. Но мой дед использовал его для сбора хвороста и дров. Был там ещё мешок риса и мешок бобов, а ещё консервы, да и бесконечный запас дичи, чтобы её есть. Я никогда раньше не снимал шкуру и не свеживал кролика, но я слышал, как об этом говорил мой дед и мои дядя, а когда ты по-настоящему голоден, то ты сам это всё воображаешь. Я пробыл там пару месяцев сам по себе. Это было невероятное место, особенно для парня, который провёл дюжину лет в городе. Совершенно тихо, никаких признаков людей вообще. По ночам я спал в вагончике и глазел на звёзды. Разумеется, я подумывал, чем заняты мои кореша. Мой дед целую вечность воображал, куда я делся, но когда он понял, он приехал и забрал меня. Он был в ярости. Последнее, что я помню, как он выговаривал мне, что я совершенно безнадёжный случай, но это просто отскочило от меня. Я был готов возвращаться в Л.А. в любом случае. Я решил всё же вернуться к своей настоящей жизни.

Когда я снова обратился к своему куратору по условному сроку, он ничего не говорил о стрельбе. Я лишь немного просидел в отделе по делам малолетних за нарушение условий срока и всё. Позднее мне сказали, что тот парень пережил выстрелы. Иногда мне становится интересно, как сильно он пострадал, были ли у него проблемы с дыханием или пострадало ли зрение. Я знаю, что он не стал инвалидом, потому что я слышал, что он вернулся на улицы, хотя больше я его никогда не встречал. Хоть я официально никогда и не выходил из банды – никто и не выходит официально – я больше не тусовался с Авеньюс.

После выхода из заключения, я нашёл работу на складе мороженой рыбы в Пасадене, где я научился водить погрузчик. Там владелец научил меня готовить смеси из креветок и крабов к отправке. Большую часть вечеров при окончании работы, пара ребят и я брали немного креветок и крабов, зажигали небольшой костёр и готовили себе пир. Я также работал на стройке и выучился укладывать кирпичи. У меня было много странной работы и как-то я ухитрился сводить концы с концами.

По большому счёту, я уже не был частью Авеньюс, но в тюрьму время от времени попадал. Было много небольших арестов, драки в баре с применением кружек или бутылок, за которые тебя обвиняли в нападении с применением летального оружия. Иногда я носил с собой пистолет в такие моменты. Однажды меня и Эла остановили у Монтобелло и потому что мы были тем, кем были, обыскали наш Вольксваген и нашли два ствола 45 калибра в багажнике. Но на этот раз дело не прошло в суде, там решили, что обыск был не законен. Нам даже вернули пистолеты – вот *это* было неожиданно.

Иногда я проводил выходные в окружной тюрьме. Это когда ты, возможно, даже обычный трудяга, даже, может, с женой и детьми, но тебе нравится выпивать на выходных в приятелями. Из-за этого ты становишься беззаботным, и тебя арестовывают за нетрезвое вождение три-четыре раза. А это значит, что какое-то время надо отсидеть. Судья не желает, чтобы ты каждые выходные ездил пьяным, поэтому он преподаёт тебе урок, но не желает рушить твою жизнь, пока ты полезный гражданин. Так что он даёт тебе пару лет «выходных». То есть, каждую пятницу ты приходишь в тюрьму, отмечаешься и сидишь там, выходя утром понедельника на работу. Таких заключённых не смешивают с обычными. В то время – не знаю, как оно сейчас – я ездил в старую окружную тюрьму в Темпл. Там некоторое время содержали семью Мэнсон, но к восьмидесятым её использовали как тюрьму для «выходных».

Было не так уж и плохо. У меня никогда не было лучшего доступа к наркотикам, чем там, а там они были самые лучше уж точно. Можно было достать галлюциногены и возбудители, седативные вещи, которые тебя выключали. Я брал их и два дня смотрел сны о женщинах, а к понедельнику даже не помнил, что был там. Я сам наркотики туда не носил, потому что там они были у всех. Я просто покупал, что хотелось.

Проблема возвращение к прежней жизни была в том, что ты не можешь просто сказать, «Перерыв, я больше не бандюган. Отвалите от меня» Во всех таких организациях, будь то банда или мотоклуб, нужно себя показывать, но если уж ты получил своё место, то так просто его уже не сдать. С одной стороны там репутация. У меня была такая репутация, что любые дураки бы получили репутацию, просто убрав меня. Я бы сказал, что всегда был первостепенной целью. Как в армии, полагаю; лучше всего выбить вражеских офицеров, поскольку у него есть опыт, а потеря офицера вредит морали. С другой стороны, всегда есть новенькие, которые берутся за тяжкую работу. Они хотят себя показать. Если ты заслужил своё место, никто тебя участвовать не заставит. Так что пока ты в банде и участвуешь, то ты не всегда на передовой.

Пока ты живёшь на районе, ты всё ещё в деле. Ешь в тех же заведениях и закупаешься в тех же местах. Всегда были угрожавшие мне люди, в мой дом постоянно стреляли, а полиция всегда за нами гонялась. Просто приходили в два часа ночи и вышибали дверь. Затем обыскивали дом в поисках оружия и забирали всё, что находили. Для нас это было рутиной. Ты носил ствол за поясом, шёл ли ты поесть за угол в забегаловку или ждал автобус.

Мексика стала моим убежищем от такой жизни. Я начал временами туда ездить. Мой дед не желал меня видеть, так что в следующий свой визит я останавливался у дяди Гектора в Гвадалахаре. Я просто тусовался с его семьёй какое-то время, пока на районе всё не улеглось, и они были очень доброжелательны. Мой кузены брали меня в центр города и мне было приятно осматривать этот красивый старый Мексиканский город. Через какое-то время они начали спрашивать меня о том, чем я занимаюсь в США. Они говорили, что я смыслённый парень и что мне надо делать что-то ещё, кроме попаданий в передраги – они и половины не знали.

Сначала они говорили мне, что надо выучиться медицине и стать врачом, но я в этом себя не видел. Даже в Мексике, где всё было несколько проще, это бы заняло много лет учёбы, а у меня и основ-то не было. Я просто не хотел.

Но они меня отвезли в Университет Гвадалахары и я пробыл со своими кузенами там, а они мне показали кампус. Многие из родных были врачами или имели медицинские профессии, так что они купили маленькую двухкомнатную квартиру, чтобы жить там во время учёбы. Они мне рассказали о радиологии и мне стало интересно – рентгеновские снимки и лабораторные работы техников. Они достали мне книг и всё повторяли мне, что у меня получится. Я начал читать книги, а они мне разрешали бывать на занятиях, так я понял, что смогу это. *Firme*, что на сленге латиносов значит «круто», а мы использовали в смысле «здорово»

После этого я записался на курсы радиологии и пошёл на занятия. Надо было подтянуть математику и подучить то, чего я не знал. Мой дядя нанял мне репетитора. Мне дали достаточно знаний, чтобы я работал радиологическим технологом. Мне нравились занятия и нравилось тусоваться с кузенами, так что я сдал достаточно экзаменов для интернатуры и смог начать практиковаться. Я неплохо всё усвоил и работа мне нравилась.

Будто меня фрагмент за фрагментом провели через весь курс, не говоря толком о происходящем. Так что в итоге они сказали, «Слушай, ты обладаешь достаточными знаниями, чтобы стать лицензированным радиологическим технологом, так что же ты

этого не сделаешь?» Я так и поступил, получил лицензию в Мексике. Через несколько недель после сдачи экзаменов, я вернулся в восточный Л.А.

Последнее обучение

Когда я вернулся из Мексики со своим новым сертификатом радиологического технолога, я с ним сперва ничего не делал, но я читал ещё больше о радиологии, наряду с теми предметами, что мне нравились – история и наука, в основном. Мне было всё ещё меньше 25 лет, и я всё ещё обладал менталитетом банды. Я работал на странной работе, тусовался с друзьями со старого района, и всё так же временами попадал в тюрьму. Я говорил, что ты навсегда остаёшься частью банды, но и банда тоже не оставляет тебя. Это часть тебя.

И раз так происходит, то и полиция не даёт тебе расстаться с бандой. Бандит ты или нет, они в любом случае на тебя давят. Меня останавливали и обыскивали больше раз, чем я могу сосчитать. Поскольку были люди, которые стремились меня достать, мне приходилось носить ствол, а за это меня могли задержать. Так что даже если я и не делал больше «проездов», даже если и не занимался делами банды, мне не давали уйти из этого мира. Я временами попадал в окружную тюрьму, а однажды в баре я подрался с одним парнем, в то время, как у меня с собой был ствол, так что меня обвинили в нападении с применением летального оружия.

В то время я не мог сделать многого. Мне был выделен общественный защитник, и мне пришлось пойти на сделку. Я смог выторговать себе короткий срок, часть которого отбывал в Северном Окружном Исправительном Учреждении – все его звали Уэйсайд, по оригинальному названию. Больше всего было то, что пришлось оставить сына. Я знал, что не желаю, чтобы он видел меня взаперти, так что я выпаду из его жизни на годы.

В каком-то смысле это был мой колледж гладиаторской учёбы. Хотя я и не был активным участником, я видел некоторые вещи, которые показали мне, сколь далеко могут зайти люди. Уэйсайд расположен в Кэстаике, городе примерно в шестидесяти пяти милях к северу от Лос Анжелеса, по большому счёту, посреди пустоты. Ты получаешь камеру в коридоре, где есть ещё, может, шестнадцать таких, в сравнении с другими тюрьмами, где камеры примерно шесть на восемь футов, с ярусными кроватями, туалетом из нержавеющей стали – их легче чистить и их не так легко сломать – и раковина. Есть пара тумбочек, куда можно сложить своё добро. Иными словами, такого понятия, как «личное пространство» там нет. Приходится привыкать к тому, что твой сокамерник пользуется туалетом прямо при тебе (по этой причине камеры хорошо вентилируются). Любая скромность тут теряется. Снаружи ты мог спать с выключенным светом, но в тюрьме он светит всегда и приходится привыкать. Ко многому привыкаешь.

Хотя у меня никогда не было долгих сроков в тюрьме, у моих корешей были, и тюрьма это не то место, где мне хотелось быть. Там было три этажа – уровня, как всегда их называли – с большой зоной внизу, где можно поиграть в карты или повалять дурака часок или два в день, если тебе позволят. Когда ты заперт в камере на двоих в течение двадцати или двадцати одного часа в день, то ты очень стремишься поговорить с кем-то. Но если они тебя считают одним из лидеров банды, основным, то тебе не особенно дают социализироваться и могут держать взаперти по 23 часа в сутки.

Однажды мне довелось посидеть в одиночке, после драки. Охранникам на драки пофиг. Они лишь говорят «Оба двигайте в дыру». Я ходил в ту дыру, там не так и плохо. Самое худшее, что не с кем поговорить. Я там пробыл двадцать или тридцать дней, но есть те, кто там по полгода сидел. Для среднего человека это может быть нестерпимым наказанием, но я помню, что для меня это заключение не было чем-то особенным. Я уже был заперт – вся разница с одиночным заключением в том, что там на одного парня для разговоров меньше.

Там с собой носишь коричневые складные папки, где хранишь все документы. Это называется «бумажки¹²» и ты к ним прикреплен, потому что с технической точки зрения, ты можешь продолжать бороться по своему делу. Но в итоге это становится чем-то вроде твоего паспорта. Не только для администрации – другие заключённые тоже хотят знать, кто ты есть и в чём твоя суть. Так что ты её хранишь в камере и можешь её носить с собой, передвигаясь от камеры к камере, от тюрьмы в другую. Если люди не знают без этого, кто ты есть, но хотят узнать, то ты можешь им показать свои «бумажки». Просьба посмотреть чьи-то «бумажки» не считается грубостью, покуда ты не спрашиваешь их у кого-то важного. У меня ещё где-то валяются мои; в последний раз федералы при обыске забрали многие документы, но я нашёл документ об аресте, который они пропустили.

Для некоторых людей заключение становится тяжким временем, для некоторых – нет. Зависит от твоего образа жизни на свободе и от того, что в жизни тобой движет. Для меня это не было концом света. Я не считал, что еда так уж плоха, можно смотреть телевизор, если ты можешь позволить себе, чтобы тебе прислали один с воли, можно читать. Если есть деньги, то можно что-то купить или кто-то снаружи может купить что-то тебе. Есть компании, через которые члены твоей семьи могут тебе заказать телевизор, еду или журналы. Но всё приходится делать через эти компании, чтобы учреждение было уверено, что там нет оружия или наркотиков в посылке. У меня был маленький телевизор. В тюрьме кабельного нет, но есть возможности его зацепить, так что я получил сигнал.

Ты говоришь, читаешь, пишешь письма. Мне надо было связываться со внешним миром в большей степени, нежели когда я сам был на свободе. Я читал газеты, но если там было нечто, что по каким-то причинам, администрация не желала там показывать, это оттуда вырезали. Полагаю, это было нечто, что могло спровоцировать бунт – истории о бунтах в иных тюрьмах. Разумеется, они читали и письма, что ты писал до отправки. Если ты что-то получал письмо, то его доставали из конверта и проверяли специальным светом, даже глядя сквозь конверт и марку. В то время люди пытались протащить ЛСД на задней стороне марки, поскольку всё, что требовалось – лишь капля кислоты. Это прекратили просто начав удалять все марки.

Я провёл много времени, занимаясь физкультурой. Если ты себя запускаешь, когда времени много, если ты не заботаешься о гигиене или своём теле, либо об остальном, то время идёт куда медленнее и тяжелее. Надо сказать себе, *Я здесь и надо использовать это по максимуму*. Они перестали позволять тяжёлую атлетику, поскольку охрана стала бояться накачанных заключённых, которые становились «суперпреступниками». Я делал приседания, отжимания, подтягивания, всё, что мог. Если этого не делать, то просто сойдёшь с ума. Если этим заниматься, то будет намного лучше.

Если ты действуешь правильно и не лажаешь, и тебя не ловят за дракой или за сокрытием ножа в камере, то можно получить работу. У них была молочная ферма в Уэйсайде – можно было научиться доить коров, если хотелось – но я не особенно был фермером, так что этим не занимался. Можно поработать во дворе, убираться, заниматься прачечной работой, работать на кухне. Я был не против прачечной. Мне нравится иметь занятие.

У меня были посетители – мой отец и Эл, а ещё некоторые женщины, которых я знал. Но для других ребят было обычным делом, когда их переставали навещать жёны и девушки, им приходилось просто свыкаться с этим. Не могу сказать, что их это не волновало, но они и особенно не бесились от этого. Либо у них были проблемы поважнее, или они просто решали решить этот момент по освобождению. Но печальнее всего были люди, у которых не было совсем никого, даже тех, кто мог бы их оставить. Они ни доллара не могли получить; даже шоколадку себе не могли позволить.

Всегда были наркотики. Металлодетекторы замечают лишь металл, так что порошок и наркотики было можно пронести. Иногда помогали охранники. Есть честные охранники,

но есть и уебаны. Им платили деньгами или сексом. Девушка одного из парней занималась сексом с охранником, в обмен на пронос наркотиков. СМИ это называют «сексуальным рабством», но это не так. Давайте признаем; для некоторых женщин в сексе нет ничего особенного. Это может быть для них способом жить. Все знают, что так часто бывает.

Так же можно пронести наркотики, поместив их в полость тела. Были те, кто пронесил их, засыпав их в шарик и засунув в задний проход. Это называлось «ящичек». Некоторые, кто имел необходимость в наркотиках и знал, что пробудет год в тюрьме, мог набить этим дерьмом весь свой зад. Мне они никогда настолько не были нужны.

Раз в какое-то время могли устроить «встряску». Неожиданно все двери открывались и тебя ставили у стенки, пока они переворачивали вверх дном твою камеру. Там были обученные собаки, для поиска наркотиков; выворачивали твой матрас, выдавливали зубную пасту. Иногда это срабатывало, если заключённые этого не ожидали: они находили оружие, ножи, наркотики. К этому привыкаешь.

Можно было дополнительно поупражняться во дворе два-три часа в день, в зависимости от наличия в тюрьме проблем. Следовало быть осторожным, чтобы не попасть на территорию других групп – там были Чёрные партизаны и Арийское братство – от их углов стоило держаться подальше. Пока ты это делал, всё было ровно, они не были проблемой. Несмотря на необходимость в осторожности, я всё же хотел выйти наружу, даже, несмотря на наличие выбора остаться внутри. Это просто невероятно, насколько можно изголодаться по солнечному свету и воздуху, даже траве или грязи, чему угодно, после пребывания взаперти месяцы и месяцы. Ты хочешь выйти, даже зная, что в камере безопаснее.

Некоторые бедняги получали пизды, потому что никогда не бывали взаперти и не знали, как действовать. Какой-то белый тип думал, что это клёво – пообщаться с латиносами или чёрными – он получал проблемы. Чёрные и латиносы просто смотрели на него с выражением, типа, *Съебись отсюда*. Вдобавок, его собственные люди преподавали ему урок правил, и всё могло кончиться для него парой синяков на рёбрах и подбитым глазом. Его учили не тусоваться с другими группами.

В тюрьме раса – всё; она диктует многое в твоих действиях. Группы задают правила, по которым ты не взаимодействуешь с другими расами. Чёрные укажут другим чёрным, что нельзя общаться с белыми или латиносами, а латиносы сделают то же самое. Так создаётся напряжение, а из-за напряжения ты держишься отдельно, поэтому и попадаешь в группу. Бардак.

Обычно есть пару человек, которые пытаются говорить за свою расу, но они не могут сказать особенно много, кроме как сказать, чтобы всё держались подальше одни от других. Это сложно сделать в камере или ещё где-то, правда – там не так уж много мест для посещения. Ты идёшь в туалет в общем зале, а там пять человек другого цвета, которые тебе не дают посмотреться в зеркало или руки вымыть. Только потому, что они демонстрируют отсутствие страха, а тебе надо показать, что ты не боишься их. Так что ты их отталкиваешь и тут всё начинается.

Я не потреблял наркотики и пытался не смешиваться с бандами. Я хотел отсидеть свой срок и выйти на волю к сыну. Я знал многих людей там по бандам, кого-то по Авеньюс, хотя когда ты там, то нет большой разницы по твоему происхождению в смысле банды. Я

видел членов конкурирующих банд, мы просто игнорировали одни других. Но, разумеется, раз я латинос, я был *soldado*, солдатом Ла эМэ, Мексиканской мафии. Каждый член банды автоматически становился солдатом Ла эМэ и я никогда бы против корней не пошёл.

Изначально Ла эМэ – произношение буквы «М» в испанском языке – были отличной идеей, по моему мнению, но сейчас это навредило сообществу латиносов. В начале, она была сформирована латиносами для защиты себя в тюрьмах. До формирования Ла эМэ, латиносы были без преимуществ. Их всё время били и грабили. А Ла эМэ давала защиту. Если ты был латиносом – будь ты уважаемый бандит или просто одинокий парень – и кто-то начинал тебя бить, на нападавшего прыгали все латиносы.¹¹ Это было запугивание, как и всё остальное, но это работало. Затем люди управлявшие Ла эМэ поняли, что это обрело успех в создании страха, так что они решили вывести это за пределы тюрем. Даже будучи на свободе, бандиты отвечали перед Ла эМэ, потому как рано или поздно все они снова попадали в тюрьму. Так что Ла эМэ могли заставить барыг или определённых дельцов заставить платить себе процент. Идея самозащиты переросла в нечто, что имело отношение лишь к жадности.

Ты не вступаешь в Ла эМэ. Нет инициации; просто оно само случается. Ты изначально часть, потому как если что-то случается, начнись бунт или заварушка между чёрными, белыми или азиатами, ты автоматически стоишь за своих, так что ты в любом раскладе солдат, хочешь ты того или нет. Эти управляют боссы, основные, большей частью из Пеликан-Бэй, которая считается самой охраняемой тюрьмой Калифорнии, универсальное учреждение. Там все сидят в одиночках, но коммуникация есть, в обе стороны, есть и те, кто принимает большие решения. Они получают свои сообщения шифром, рисунками, на белых салфетках или маленьких пластиковых стаканчиках, которые мы использовали. Есть заключённые, которые могут рисовать невероятные вещи. Они выпарапают произведение искусства, чтобы создать Аптекскую картинку с шифром. Списки нападений и контрактов. В тюрьме есть люди, которые пытаются расшифровывать коды.

Ла эМэ собрана, как армия: есть генералы сверху и *soldados* под ними. В любой отдельной тюрьме есть свой сержант во главе. Формально это не их титулы, это лишь способ описать организацию. Каждый небольшой блок камер имеет своего парня во главе него, он смотрит, чтобы все были в рамках. Есть много правил, касательно поведения. Например, нельзя просить перевода в другую камеру без разрешения старшего в своём блоке. Есть тот, кто во главе твоей физической готовности; обычно он хорошо сложен и он весь блок тренирует. Каждое утро ты упражняешься или приседаешь. Личная гигиена и стрижка тоже очень важны.

Как и на районе, уважение – всё, а неуважение может сложиться многими путями – от неподчинения приказу идти и сделать нечто, до, например, манеры разговора с кем-то. То, что можно воспринимать, как мелочь, для кого-то оказывается огромным неуважением в такой ситуации. Типа, *Эй, ты кем себя возомнил* и *Ты за кого, блять, меня принимаешь?* Ты можешь стоять в очереди за едой, а парень перед тобой ещё не взял ложку. Если ты обойдёшь его, чтобы взять ложку, он может решить, что это самое большое в мире неуважение. Он может обернуться и сделать что-нибудь или просто на время всё держать внутри. Просто потрясающе, как некоторые всё это держат. Может пройти неделя, а парень никак ничего не проявляет по отношению к тебе, но однажды ты будешь во дворе

---

¹¹ Очень напоминает «правило большого пальца», принятое во многих МС.

и он на тебя прыгнет. Ты даже не вспомнишь, чего он так зол. Ну внутри себя, он чувствует, что ты проявил к нему неуважение.

Таких горячих голов может спровоцировать что угодно, но основной человек от Ла эМэ должен одобрить любое наказание. Когда основной заказывает драку, он выскажет несколько необходимых условий. Убийство зовётся «жёсткой карамелькой»¹²

В старых тюрьмах есть «слепые» места, лестницы, например, где тебя не видно или угол, где есть фонтан с водой в нише. Там многое случается, избиения, порезы, запугивание. Тебя ловят у лестницы, где охрана не видит, и выбивают из тебя всё дерьмо. Со мной такого не бывало. Я знал многих людей и пока ты отбиваешься, у тебя есть шанс. У меня было пару драк, но ничего плохого. Правило простое: надо стоять за себя или они возьмут верх.

Но были и те, кто попал в ловушку Ла эМэ, потому что они хотели заработать уважение или хотели создать себе имя. Они сами вызывались. Атаки обычно указывали те, кто сидит долго, настолько, что им уже похуй на происходящее. К несчастью, они втягивают парней, которые не так долго тянут срок. Они их ввязывают в переделку и те оканчивают с ещё парой лет прибавки к сроку.

Есть даже миссии – самоубийства. Если уж точно хотят отправить послание, то они отправят такого суицидника. Кто-то может заказать убийство во время открытия камер охраной. Его работа – забежать в камеру и убить заключённого, встретив последствия. Если охрана решит стрелять, то ты умираешь при попытке. Даже если они не стреляют, то ты режешь кого-то при свидетелях. Так что обычно ты стараешься не попасться.

Скажем, ты в блоке с чёрными, белыми и латиносами, по двадцать или тридцать каждого. Когда что-то случается - скажем, между латиносами – то латинос во главе крикнет «все на нары»¹³, и все белые и азиаты убегут в камеры и лягут лицом в кровати, чтобы не видеть происходящее. Так бывает, когда нечто надо решить, не просто подраться. Должно быть нечто куда серьёзнее этого, обычно при выдаче «жёсткой карамельки». Так нет свидетелей, кто кого порезал. Если ты попадался на подглядывании, то получал то же самое. Я никогда на нары не нырял, потому что большую часть такого делают как раз латиносы, так что вниз лицом я не лежал никогда. Когда чёрные или белые решали свой вопрос, нам было похуй. Мы могли просто сидеть и смотреть в другую сторону, но у них такой выдержки не было. Уверен, им это не нравилось.

«Жёсткие конфетки» обычно выдают заточками. Есть очень много способов сделать оружие. У шконки может быть отваливающийся кусок железа; человек его отрывает и затачивает о цемент. Я видел некоторые серьёзные заточки, но постоянно идут обыски и такие вещи ищут, так что многие такие отбирают, но полностью их убрать не получается. Меня можно запереть в комнате, и если только это не бетонный короб без ничего совсем, я найду из чего сделать оружие.

Иногда лучший вариант – зубная щётка, на кончике которой острое гвоздя или ещё что-то острое. В грудь или живот такой тычок – ничто, но можно ткнуть в шею или выбить глаз или оба. Нюанс в том, что времени не много. Так что ты бьёшь в самые уязвимые зоны –

---

¹² Hard candy. Не знаю, как ещё обозвать.

¹³ Bunk status

лицо или горло. Ты можешь и не убить его, но оставишь ему серьёзный посыл. Так что всегда тянешься к животу или глазам.

Я такое видел.

Даже несмотря на то, что я знал об этих вещах, я в них не вовлекался. Если ты уважаемый человек, то можно этого не делать и оставаться уважаемым со стороны основного парня. В конце - концов, я уже знал правила. Мне не надо было говорить, что делать или как действовать, но я не хотел иметь ничего с этим общого. Это просто минное поле, поэтому большая часть из них в итоге оборачивается против своих же братьев. Почти каждый член Ла эМэ, которого я знал, в итоге поссорился с ними. Это не прощающий бизнес, но они убивают одни других, не гражданских. Если была проблема, то они должны были принять решение об убийстве, если только не имело место грубейшее нарушение правил. Никто не будет винить тебя за убийство стукача, например, или если кто-то начал общаться с другой группой. В таких случаях все знают, что ты вышел далеко за рамки.

Но они контролировали и своих же. Ла эМэ решала споры между заключёнными. Если у тебя были проблемы с другим заключённым, то они выслушивали о проблеме и могли сказать: «Эй, вы, двое, если хотите за это подраться – вперёд. У вас пять минут, без оружия, погнались» Всё отмеряется временем. Когда некто говорит стоп, то надо остановиться, иначе все прыгнут на тебя. Так что некая степень самоконтроля присутствует.

На самом деле, охрана в некоторых моментах немногим лучше, чем Ла эМэ. Многим правоохранителям доставляет удовольствие менталитет гладиаторов. Если Ла эМэ собирается что-то сделать, то охрана подходила с широкой улыбкой и говорили нечто вроде «О, бля, сейчас начнётся» или «Во, шухер начинается». С их точки зрения, это лишь две группы, которые они не выносят и они как раз собираются поубивать одни других. Люди не желают думать об этих случаях, но в 1998 году охрана Государственной Тюрьмы Коркоран были осуждены департаментом Юстиции за натравливание заключённых одних на других, просто вынуждая их, как двух гладиаторов, драться, будто в Римском Колизее, для развлечения охранников. Потому они это называли школой гладиаторов.¹⁴

Больше всего меня поражает в охране, так это тот факт, что если они не исполняют своей обязанности, то погибают люди, но вместо увольнения их награждают. Они жалуются, что у них не хватает персонала, чтобы за всеми следить и предотвращать убийства, так что привлекают всё больше людей, а это им и надо, чтобы облегчить их работу. Но дело не в количестве сотрудников. Я видел, как три, четыре или пятеро из них, просто сидели и говорили о своих лодках и выходных. Одного парня убили, пока пара охранников читали газеты, и пили кофе. На самом деле, беда в том, что нет никого, что следил бы за надлежащим исполнением ими обязанностей. Нет никого, кто мог бы их приструнить. Бывает, что истекает срок, дают команду выпускать заключённого, но он проводит там ещё пару дней, потому что охранники на каждом ходу тебя прессуют, а жаловаться нельзя, или тебя просто кинут назад в камеру. В окружной тюрьме реабилитации нет, тебя просто запрут.

С другой стороны, охранникам надо быть осторожными, потому что есть люди, которым просто похуй. Такие типы впечатляли даже меня, тем, насколько хладнокровными они

---

¹⁴ На эту тему советую посмотреть годный фильм «Преступник» 2008 года. К байкерам не имеет отношения, но интересно.

выглядели. В тюрьме ты знаешь, что избив охранника, ты получишь тот же самый ответ. Но там мир закрытый и медиков там нет. Тебя могут отпиздить и ты пролежишь так часы или даже дни, реши они тебя бросить. В итоге можно оказаться в больнице в коме. Я имею ввиду, нельзя просто позвонить адвокату и сказать, «Я отмудохал охранника, а они мне сломали обе руки. Что будем с этим делать?»

Но я видел людей, которые смотрели на охранников и говорили, «Пшёл нахуй. Погнали, заходи в камеру» У меня была жёсткая жизнь, но некоторые из этих людей меня просто поражали. Иногда охрана их избивала, но иногда они могли лишь сказать нечто вроде «Пока ты меня не трогаешь, говори сколько угодно» На самом деле, они лишь говорили, *я туда идти не хочу*. Некоторые из таких заключённых напоминали мне кошек, потому что им всё время было любопытно всё. И даже по освобождению так и оставалось. По этой причине некоторых таких ребят убивали на воле очень быстро. Они привыкали к такому образу жизни, так что они просто тут же доставали стволы. А такие типы всегда носят стволы, всегда!

«Грязные» охранники есть в каждой тюрьме, они сделают что-то за секс, наркотики, в зависимости от того, что их заводит. Но нюанс в том, что этого никто не увидит, кроме тех, кто в тюрьму попадает. Мы это всё видим, потому что охрана знает, что мы не станем ни против кого свидетельствовать или давать показания, даже против них. Так работает система. Они знают, что мы знаем, но мы будем молчать. В конце концов, у тебя могут быть кореша на пожизненном. Если ты сделаешь проблему, то ответка прилетит им.

Так что охрана, многие из них, просто делают что хотят. Скажем, ты белый парень и ты поцапался с чёрным, назвал его ебучим ниггером. Если тебя услышал чёрный охранник, он может оставить тебя в уязвимом месте в следующей ситуации. А может просто оставить твою камеру открытой, чтобы чёрные на тебя прыгнули.

Я видел махач в Уэйсайде, между латиносами и чёрными. Забавно, но там весь закусь был из-за шмоток. Когда ты закрыт, то тебе выдают джинсы, но они не все одинаковые. Некоторые из них реально гангстерские, мешковатые с красной линией на боку. Их выдавали, а ты за ними следил, даже клал на ночь под свой матрац, чтобы к утру они были выглажены. Так что если ты видел особенно классную пару штанов, что ты пытался их получить от парня из прачечной. В противном случае ты мог оказаться со штанами на три размера меньше, чем тебе надо.

Беспорядки начались с того, что у одного латиноса была пара джинсы с красной полосой, а они оказались у чёрного парня. Не знаю, как они к нему попали, но с этого всё началось, из-за штанов. Можно было ощутить его начало; ты просто ощущал напряжение. Всё началось снаружи, у молочной фермы, внезапно чуваки начали гоняться друг за другом с лопатами и граблями. Нам выдавали строительные каски, так что народ бегал в касках, колотя друг друга. Никто не погиб, но многие попали в больницу, после ударов лопатой. Я был тогда в одиночке, но всё видел через окна, как они гонялись. В каком-то смысле, это было забавно. В камеры проникала музыка, а я сидел и смотрел, как это всё происходит прямо ей в такт.

Пока я сидел, были люди, на которых указывали, как на стукачей и с ними разбирались. Обычно это не было просто паранойей; у заключённых хорошие источники. Есть те, кто работает в офисах и у них есть доступ ко всем документам. Теперь, с компьютерами и интернетом можно получить ещё больше информации. Они это всё могут увидеть, но

охране всё равно. Ещё до прибытия заключённого они уже будут всё о нём знать, что он сделал. Некоторые ребята были просто мертвы по прибытия, если таково было распоряжение.

Я сидел свой срок и пытался сделать его терпимым. Ты перестаёшь надеяться – не чтобы сдать и сдохнуть, а чтобы просто прожить это время наиболее удобным способом. Бежать пытаются только в кино. Ты просто держишь в голове одну мысль, что ты выйдешь. Следует забыть о том, сколько ещё сидеть. Если об этом всё время думать, то просто сойдёшь с ума. Понятное дело, когда остаётся всего пару месяцев, то ты становишься нетерпеливым, но даже так, нельзя думать об этом каждый день.

Я слышал о людях, которые пытались повеситься или спрыгнув с верхней шконки, потому что больше не могли выносить такую жизнь. Это вот как раз те типы, которые сидят и думают об этом, приговаривая, *Бля, я здесь на целых три года и Я же всего два дня тут, мне не нравится*, вместо того, чтобы дать себе время привыкнуть к ситуации. Дай они себе время, они бы привыкли.

А были и те, кому в тюрьме нравилось. Я вырос с ребятами, которые в тюрьму попадали и по выходу тут же попадали обратно. Я думал, *Да что не так с этими идиотами?* Но когда я сам через это прошёл, я осознал, что есть те, кому просто хочется там быть. Их трижды кормили, и было где поспать. Их не волновали налоги и ипотека. Вам и мне приходится продумывать, куда потратить ещё доллар, но у этих ребят нет таких проблем. Пока они не оказывались на свободе, где, неожиданно все их обходили стороной и проходили мимо. Это тоже печально.

Я встречал много интересных людей в заключении. На самом деле, почти у всех там довольно интересная жизнь. Не то, чтобы они не виноваты ни в чём; так бывает лишь в кино, по большей части. Я знаю невиновных людей, кого туда отправляли, но большая часть там сидит не просто так.

Я туда не возвращался с самого выхода из заключения в 1995 году.¹⁵

Я не особенно думал о том, чем займусь, как выйду. Верьте или нет, для меня это было не главное. На районе мало что изменилось за время моей отсидки. Пара моих корешей подобрали меня на своём пикапе, я хотел приобрести для Рубена Младшего подарок, но у меня не было денег. Мы решили заехать поесть в Jack in the Box. Я сидел сзади, когда мы проехали к окошку для заказов из машины. В те дни у них были декорации как раз в виде Джека-в-коробочке, а я сидел прямо рядом с такой, пока ребята заказывали. Я всё смотрел на эту декорацию головы и думал, *Блин, а она будет классно смотреться в комнате сына*.

Так что я встал, обхватил руками эту голову и начал её раскачивать. Девушка высунулась из окошка и у неё челюсть отвисла. Ребята смеялись, голова, наконец, отвалилась и мы просто уехали, а девушка всё смотрела. Мы даже бургеры не взяли свои. Я собирался сделать ночник из этой головы в комнату Рубена. Она всё ещё валяется на чердаке, но сейчас, вероятно, фирма потребует голову назад.

---

¹⁵ В 2008 году автор книги попал в тюрьму снова по многочисленным обвинениям, срок составил 14 лет. Подобнее о его судьбе я напишу в послесловии.

Я часто видел Рубена Младшего, мы гуляли повсюду. Ходили в парки и на качели. Я пытался быть обычным отцом из всех сил, понимаете, откуда роль врага общественности номер один не вставала на пути.

Моя жизнь менялась, вместе с тем. Я заботился о Рубене Младшем всё больше, он был очень важен для меня. И я терял друзей. Один из моих добрых друзей из Авеньюс, Рэнди, которого порезали тогда же, когда и меня. Однажды он делал «проезд» очень близко от дома, где я жил, на Улюссес, с другом по имени Кёрли. Но когда они доехали до целевого дома, бандюги уже ждали их во стволами наготове и решили стрелять. Все четыре колеса Рэнди были прострелены, но он всё ехал, а потом доехал до парковки у Старшей школы младших классов Найтингдейл, пока машина не встала. Кёрли сказал, «Погнали отсюда», но Рэнди обкурился ангельской пылью и решил, я так понимаю, поменять колёса. Это было его огромной ошибкой, потому что люди из дома последовали за ними до самой школы. Он был один, когда его догнали. Он, вероятно, понимал, что его убьют ещё до того, как они это сделали. Когда на следующий день мы туда отправились, кровь моего кореша была по всей парковке.

Затем, однажды, Гуэро ехал по улице и кто-то из конкурентов в него выстрелил. Пуля прошла подмышкой и попала в сердце, но он ехал. Он был рядом с домом его матери, и он доехал туда. Я помню, потом его мама рыдала и говорила мне, «Он остановился перед домом. Я была на крыльце, а он остановился и посмотрел с улыбкой на меня. Затем голова упала на руль» Когда Гуэро умер, ему было около 25 лет.

Тяжко было его потерять. Это единственный раз, когда я помню, что плакал. Мы знали друг друга с детства. Мы сидели перед моим домом и говорили обо всём на свете. Он спас мне жизнь. Он первым взялся за ствол, когда меня ранили. Я знаю, кто его убил. Я сам ничего не делал, но кто-то этот вопрос решил.

Как бы то ни было, достаточно моих людей полегло, чтобы я задумался, что когда-то и моя удача может кончиться. Я не принимал осознанного решения изменить свою жизнь, но просто встретил ребят на вечеринке, которые работали радиологическими технологами, они и сказали, что мне надо попробовать. Так что я поехал в центр и заполнил формы, ещё надо было пройти тесты со многими людьми. К своему собственному удивлению, я прошёл.

К ещё большему моему удивлению, я очень легко нашёл работу. Я выяснил позже, что имелась в то время огромная нехватка РТ в Калифорнии, так что я нашёл работу сразу же. Со мной такое было впервые. Я нашёл работу в Окружной Лечебнице, работал по ночам, но было и много других клиник в районе, которым РТ тоже был нужен. Я заходил туда, показывал сертификат, и мне отвечали «Можешь начать сегодня. Сколько ты хочешь?»

Моя рабочая этика была как у отца, так что я работал ночами в больнице, а затем ехал в клинику к половине девятого или к девяти, работая до девяти или половины десятого вечера. Моя работа была столь нужна, что им было не важно, спал ли я на месте. Если пациентов не было полчаса или минут сорок, я мог подремать на столе осмотра. Я брал Рубена Младшего с собой в клинику, а ему там разрешали играть, либо спать. Будучи отцом-одиночкой, я получал некую долю симпатии.

В то же время, меня вызвал ортопед. Я пояснил ему свою ситуацию и сказал, «Вот уговор. Назначай свои рентгены от, примерно, одиннадцати часов до часу, пять-шесть пациентов, и плати мне семьдесят пять или сто долларов за пациента» Его такое соглашение

устроило, поскольку он был только рад, что кто-то будет заниматься его рентгенами. Затем у меня был обеденный перерыв в больнице, и я в это время принимал пациентов ортопеда.

Странно то, что я долго преодолевал чувство вины, будто я краду деньги. В смысле, никто не знал, что я так зарабатываю - не легально. Так что я ощущал, что однажды мне скажут, что так нельзя. Я ощущал себя виноватым.

Я был гиперактивен, но я не знал, сколько ещё выдержу. Я спал по два дня, чтобы быть в силах выдерживать круглосуточные смены. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что я просто сам себе вредил. После нескольких таких лет, я смог купить дом в районе Пико своему отцу и почти тогда же купил дом себе и Элу. Цены на недвижимость не имели тогда ничего общего с нынешними, а отец продал дом на Улиссес, да и Эл помог, так что было легко. Вообще, был момент, когда я владел сразу тремя или четырьмя домами в том районе годами – цены всё такие же низкие.

Я делал невероятные, на мой тогдашний взгляд, деньги, долгов не было, и у меня было больше денег, чем я мог потратить. Я ни на что не копил, но и не богател. Полиция временами меня тормозила и трясла, выискивая, за что бы меня задержать. В итоге, у них всё же вышло, и я вновь попал за решётку за нарушение условного срока, или ещё за какую-то мелочь. Но, как ни странно, в этот раз тюрьма по-настоящему изменила мою жизнь, но не так, как того ждала система.

Величайший мотоклуб в мире

Я никогда до того не увлекался мотоциклами. Живя в квартале латиносов никто о мотоциклах не думает. Всегда были машины. Единственный мотоклуб, который был на слуху, были Hells Angels, но это был клуб для белых, по большей части, так что о присоединении к ним никто не думал, да и вообще о мотоциклах. Но в тот раз в тюрьме, у моего сокамерника были журналы *Easy Rider*, он их везде разбрасывал. В тюрьме, как вы понимаете, времени у вас полно, так что я взял один и увидел там картинку Харлея, всего переделанного и хромированного. Я подумал, *Нуштяк*.

С того всё и началось. Я начал собирать журналы и картинки оттуда. Кто-то мне их приносил, и я их читал. Полагаю, в тот момент я был как никогда далёк от менталитета банды и «проездов». Наверное, я просто уставал от этого. Мне недавно стукнуло тридцать и я дошёл до того момента, когда нечто внутри подсказывает, что пора тормознуть. Не знаю, потому ли, что моё тело больше не могло так жить или разум не желал так жить дальше. Или понемногу и того, и другого.

Думаю, в мотоциклах я увидел способ быть чем-то диким, позволять своей бунтарской стороне проявиться. Я уверен, что на уровне подсознания, я думал, что смогу отойти от беспредела и смогу сохранить некоторую часть своей непримиримости. До того я ни разу не ездил на мотоцикле, но начал читать о них и решил, что как выйду, то непременно загляну в ту тусовку.

Когда я вышел, пара моих старых корешей подобрали меня и спросили, чем я хочу заняться. Я сказал, что хочу поглядеть на мотоциклы, а они лишь посмотрели на меня, будто я совсем ебанулся. Какое-то время так и было. Я ходил к разным людям и мы говорили о мотоциклах, но это было как говорить с ними о подводных лодках. Но раз я что-то решил, тормознуть меня трудно. В следующий свой свободный вечер я улучил

момент между поиском работы и попытками собрать жизнь воедино, я пошёл в ближайший дилерский центр Харли- Дэвидсон, который нашёлся в Фуллертоне.

Байк, который для меня выглядел наиболее круто, был широким Shovelhead FLH 1982 года, истинный боров, в красной заводской расцветке и большим передним крылом, а также «паровозной» фарой. Для байка бу он был в отличной форме. На тот свой опыт, это был самый классный байк, какой я видел, круче, чем в журналах. Я сказал продавцу, что хочу его приобрести и приплатил, чтобы тот его придержал. Парень согласился – не навсегда, сказал он, но на подольше. Всю оставшуюся сумму я законно заработал. Я вновь трудился и Эл помогал и так далее. Я боялся, что кто-то другой может купить байк, если я не приду с деньгами достаточно быстро. И внезапно у меня оказался розовый билет, который означал, что я являюсь владельцем Харлея.

Вот так, у меня был Харлей, но я не знал, как ездить. Я поспрашивал и нашёл кое-кого, кто работал с моим братом, Элом, парня, по имени Пит Кано. Я ему позвонил, объяснил свою ситуацию, и он согласился встретиться со мной в шоуруме и вывезти мой байк оттуда. Я ехал за ним домой на машине, наблюдая, как едет по шоссе мой байк. Я думал, что это прекрасно.

Пит помог мне с началом, научил меня показателям компрессии и тому подобное, как переключать передачи, поворачивать и остальное. Я выводил его и просто катался по своей улице в Пико, примерно пять миль в час. Я разворачивался перед шоссе. Я так катался днями, взад-вперёд по улице, до угла, по чуть-чуть. Люди выходили и восхищались байком. Я хочу сказать, что Харлей всех впечатлил. Затем я объехал квартал. Однажды я просто не мог ждать и я преодолев подъём выехал на шоссе, открыв газ на полную.

Для меня это был чудесный момент и тогда я понял абсолютно точно, что сделал верный выбор. Я разогнался до шестидесяти пяти, пришедшее чувство было невероятным, меня обдувал ветер, а я обгонял машины. Это поистине чувство свободы, которое ты никак иначе не обретёшь.

Я помню, как взял его в Монтобелло на сдачу экзамена на площадке, а парень мне говорит, «Ты правда хочешь это делать на нём? Немногие проходят на таких байках. Обычно арендуют или одалживают байки поменьше» Я ответил, «Слушай, я собираюсь ездить на нём каждый день. Я проеду на нём». Он лишь пожал плечами и сказал «ОК». Когда я прошёл, он даже похвалил меня; сказал, что только чиппи – Калифорнийский Дорожный Патруль – проходят эти тесты на таких больших байках.

Так что теперь я мог ездить, но ездил я сам по себе. Никто из моих приятелей не имел мотоциклов, так что я не мог просто найти попутчиков на районе и прокатиться. У них не было денег и им было не интересно; это не фишка латиносов. Но я ездил на байк-шоу и фестивали, подобные мероприятия, я начал встречать много людей.

Многих из них я встречал ещё в свои бандитские деньки. Я знал их, но они были из других мест, так что у нас проблем не было. Временами я видел группы из Уиттиер или Хайленд Парка, либо я встречался с группой из Сан Фернардино Вэлли, мы общались. Они не были клубом, просто пара - тройка корешей на совместных покатушках. И всегда были Харлеи; было в них нечто вызывающее и жёсткое. Было интересно, как многие этих бывших бандюг и жёстких уличных типов в примерно одно время сели на байки. Люди,

которые имели аналогичную со мной ситуацию, желавшие отдалиться от банд, но всё же имевшие определённую долю огонька.

Ещё я заметил, что все на всех этих пробегах у Hells Angels или Vagos¹⁶ такой вид, типа, «Нас тут полсотни или сто человек, так что не стой на пути» Прямо как снова в старших классах начальной школы. Я думал, *Вы кто такие? Кто вы, чтобы вставать передо мной?* Ещё я думал, *Это хуйня, такого не будет.* Я не пустое место, чтобы меня не уважать.

Примерно в то же время я узнал о Монголах. Могло быть сто Ангелов или пятьдесят Вагосов, но было обязательно пять – семь Монголов. Хотя с ними никто не цапался; их очень уважали. Это меня впечатлило. В конце – концов, я тоже прошёл через испытания. Я решил о них выяснить больше.

До меня доходили слухи о клубе. Монголы были основаны в 1970 году, в восточном ЛА, точнее в Монтебелло, парой ребят, катавшихся на Харлеях, которым нравилось кататься, тусоваться и драться. Первым национальным президентом Монголов был парень по имени Льюис Кастелло, который назвал клуб в честь Чингиз Хана, великого Монгольского завоевателя Азии. Поначалу Монголы были популярны, но позднее, по той или иной причине, клуб не был особенно заметен. Почти все первые члены клуба были мексиканцами, может только один или двое были белыми, как тот парень, Дик, которого я видел на встречах, он ещё был Монголом и владел мотомастерской в восточном ЛА.

Первое поколение Монголов были яростно лояльными. Шестеро членов чартера жили на той же улице в Эль Серено. В их лучшие годы Монголов боялись, они состояли из опасных людей, которые ни от кого не потерпели бы хуйни. Они могли быть несколько злыми, когда выпивали, а пили они частенько, но байки водили лучше всех. Затем клуб начал расширяться. Они открыли чаптеры в Лос Анджелесе, Сан Диего и в центральной Калифорнии. Даже добрались до Оклахомы. Монголы привлекли интересную группу жёстких ребят, включая одного ветерана морской пехоты, бывшего «морского котика», который в своё время станет губернатором Миннесоты. Зовут его Джессе Вентура. Мы его звали «Супермен».

К середине семидесятых старую гвардию сменили новые члены клуба, следующим национальным президентом клуба стал парень по имени Энди Холган, по прозвищу Маравийя, по-испански «чудесный» или «прекрасный». Маравийе было интересно расширение клуба за пределы Калифорнии и распространение до Сан Фернардино Вэлли, сразу за холмами от Лос-Анджелеса.

Единственной проблемой было то, что территория была уже занята маленьким, но крутым клубом аутло, под названием Satan's Slaves.¹⁷ Когда Монголы впервые показали в долине, Рабы сказали им валить, на что Монголы ответили, «Ебали мы ваших мамок». Монголы думали, что это будет конец, но проблема была в том, что у Рабов был то же ответ для нас. Но, неожиданно, Satan's Slaves пропали. Они отправились к другому клубу за помощью, ценой которой стало поглощение.

В результате, Монголам противостоял уже не маленький, но гордый МС, но гораздо больший, под названием Hells Angels. С самых шестидесятых Ангелы «владели»

---

¹⁶ Vagos МС – основаны в 1965 году, в Сан Бернардино, Калифорния. Имеет мексиканские истоки, поэтому основной цвет – зелёный и название идёт от Испанского слова Vago – бродяга, путешественник.

¹⁷ Рабы сатаны. Про этот МС писал Хантер Томпсон в своей знаменитой книге «Ангелы Ада»

Калифорнией и отбивали всякие в этом сомнения. Это владение они подкрепляли нашивкой со словом КАЛИФОРНИЯ, которое было нашито под их эмблемой «мёртвой головы» в форме ножки кресла - качалки. Все это называли «рокером калифорнии». Они требовали ото всех клубов носить на этом месте лишь название своего города. До того момента, ни у кого, кроме Ангелов, по их же мнению, не было права или яиц, чтобы носить «Калифорния». Монголы не согласились. Они начали носить нашивку «Калифорния» под нашивкой с наездником - Монголом. Естественно, Ангелам это не понравилось и они не оставили бы это просто так, без боя.

На байк шоу в *Королеве Марии*, пришвартованной в Сан Диего, был убит президент чаптера Ангелов Ада в Сан Бернардино. Монголы там показались, но уже уезжали, когда за ними на парковку последовали Ангелы Ада. Весь пиздец случился и президент чаптера Ангелов Ада был зарезан. Затем был убит Ангел Ада в Сан Диего. В 1987 двое Монголов, Рыжая Борода и Джинглс, направлялись домой с пробега, ехали по пятнадцатому шоссе, со своими женщинами на байках. С ними поравнялся минивэн. Кто-то открыл окно, высунул пистолет-пулемёт и отправил их всех на тот свет.

Какое-то время очень свободно использовалась взрывчатка. На одних похоронах, кто-то припарковал машину перед похоронным домом и взорвал её. Взорвали мастерскую в Хайленд Парке, заложив динамит в покрывку мотоцикла. Они притащили туда байк и сказали, что хотят починить. Она взорвалась и убила младшего брата Монгола. Он не был в клубе, просто там работал. Монголы не сдаются, ни им, ни кому бы то ни было ещё, не важно, сколько пуль в нас летят. Монголы будут защищаться, не важно, сколько умерло.

Как и во всех других войнах, рано или поздно, было достигнуто некое соглашение. Война с Ангелами Ада иссякла – два МС встретились и пришли к миру. Монголы стали первым клубом, кроме Ангелов Ада, которые носили «Калифорния» и мы до сего дня являемся единственным клубом, который заслужил это право.

Я начал тусоваться с Монголами и ездил с ними на пробеги, говорил о них с людьми. Я всегда мог наладить контакт.

Затем, в одни выходные, должен был пройти национальный пробег, событие, на которое приезжает весь клуб. Я был просто вне себя от ожидания поездки. Это был великолепный день. Единственной бедой было, что оно проходило в открытом поле, не было ничего – ни музыки, ни групп, ничего, даже туалета. Одно из самых скучных событий, какие только можно представить. И приехало лишь двадцать Монголов, ни одному из которых не было тридцати. В тот день я говорил с Джуниором, национальным президентом клуба – всегда звали его «през» - который был белым парнем, примерно пять футов, пять дюймов ростом и покрыт татуировками. Я его спросил, почему остальные не приехали. «Мужик,» сказал он, «вот до этого мы дошли»

Я глубоко вздохнул и стоял среди Харлеев. Я просто поверить не мог. Это был клуб, в котором, в своё время, было более сотни членов с сильной и жёсткой репутацией. Я спросил его, почему тогда не поехали на более интересный пробег, где есть люди или что-то ещё происходит. Я просто не мог поверить в его ответ. Из-за снижения членства, сказал он, дана была команда, чтобы Монголов на людях кучей не видели, потому что тогда люди узнали бы, как мало их осталось.

Затем он представил меня национальному вице-президенту, Длинноволосому Дэйву (Дэвид Ривера), который был довольно неплохим парнем, но, по моему мнению, не тем,

кого я бы назвал подходящим лидером. Я поговорил с ещё некоторыми членами клуба и в ходе этих разговоров и по моим наблюдениям за ними тогда и позднее я понял несколько интересных моментов. У них было так мало членов не из-за насилия или старения. На самом деле, много бывших Монголов вышли из клуба из-за хуёвого руководства. Менталитет был полностью проёбан. Не просто «мы против них», а «весь мир – хуйня, пока не докажет обратного» например, их понимание в обращении с новыми членами было таково: если ты приходил, тебя били. Если ты возвращался, то били снова. Если ты возвращался и в третий раз, то ты оставался. Какой уважающий себя парень поставит себя в такую хуйню? Им повезло, что они не пытались бить меня; стало бы ещё меньше членов клуба.

Но когда тебя принимали, ты начинал проспектом, то есть, ты обязан был делать всё, что тебе скажут примерно год. Некоторых проспектов по-настоящему оскорбляют – член клуба мог ударить или пнуть проспекта. Я помню были олимпиады проспектов, когда четверых или пятерых заставляли пить до двух часов ночи, а потом гоняться наперегонки или лазить по деревьям – делать странную фигню. Кто-то мне рассказывал, что раньше даже были «зефирные гонки». Они клали зефир между полужопий проспектов и заставляли гоняться от одного конца поля, до другого. Проигравший ел весь зефир. Это было не в каждом чаптере и не постоянно, но случаи бывали. Заставляли становиться на колени, на твой байк и держаться, пока тебя били деревяшкой, пока зад не закровоточит; двигаться нельзя, изобьют ещё сильнее. Как ты приведёшь в клуб, отсидевшего человека, если члены клуба занимаются такой глупостью?

Были и довольно стандартные вещи. Были взносы, по сто или, скажем, тридцать долларов на сбор информации. Это была цена выяснения твоего прошлого и того, годишься ли ты в Монголы, но позднее я выяснил, что было нечто ещё.

Как и в большинстве клубов того времени, ты должен был отдать им свои документы на байк.

Это было не таким уж безумием, как это звучит. Надо помнить, что полиция думала, что мотоклубы – по крайней мере, Ангелы Ада и Монголы, наряду с несколькими ещё – просто преступные организации. Они до сих пор так думают. Как бы то ни было, полиция всегда пытается вынудить членов клубов стать стукачами. Были те, кто носил с собой оружие, потребляли наркотики, игнорируя закон, так что за то или другое их задерживали, даже если они и не вредили никому, кроме себя. Так что полиция забирала члена клуба и угрожала ему большими сроками, если он не согласится «стучать» на клуб. Но, поскольку документы были у клуба, у них тоже были свои рычаги давления. Это также делалось, чтобы удержать человека от ухода из клуба. Им настолько не хватало людей, что даже было правило, что надо привести двух новых членов в год, иначе платишь штраф в размере пятисот долларов.

Ещё я заметил, что в те времена вокруг клуба не было девушек. Ну, как минимум, таких, которых ты хотел бы видеть вокруг. Но когда я провёл некоторое время с членами клуба на вечеринках, я понял причину – они полностью не уважали женщин. Они их били. Если женщина возражала одному из Монголов, она сразу же получала пощёчину. Они относились к женщинам, как к дерьму – иногда даже и вовсе били без причины, это была полная хуйня. Они считали это мужественным, но с моей точки зрения было совсем наоборот; в этом ничего мужественного нет. Хочешь быть мужиком – попробуй ударить кого-то из Hells Angels.

Чем больше я узнавал о клубе, тем больше я думал, *Это всё глупо*. Но в то же время, я знал, что там есть и репутация. Название «Монголы» было просто чудесным, идея Монголов, в истории, была чудесной. Эти ребята ездили по округе и захватывали всё, что видели. Думаю, это очень мощный образ мышления для людей в клубе. Монголы никого не боялись. В клубе уже были латиносы, так что проблем с этим не было. Было идеально. Это была организация, которую я мог бы превратить в нечто. Я хотел, чтобы клуб рос и я думал, что способен на это.

Наверное, некоторые люди подумали, и, вероятно, всё ещё думают, что для меня всё дело было во власти. Но на само деле в этом никогда не было вопроса – я никогда не управлял никакой организацией, никогда не был во главе чего-то, кроме меня самого и Рубена Младшего. Я лишь видел, что клуб является чем-то, от чего все могут выиграть.

Знаю, это звучит безумно, но, верьте или нет, когда я думал наперёд, о тех временах, когда у нас будет много членов клуба, я воспринимал это как бизнес, а о членах клуба я думал, как о сотрудниках. А чего хотят сотрудники? Безопасности и заработка. Так что я думал о собрании в группу для покупки медицинской страховки – разумеется, это трудно представить. Ещё один момент, который я представлял, состоял в получении такого количества мемберов, чтобы мы смогли получить деловую лицензию и продавать что-то оптом. Мне хотелось, чтобы был клябхаус, даже больше, чтобы он был частью Уолмарта. Я хотел, чтобы было можно купить сразу много – хоть молока, хоть моторного масла, что бы нам ни понадобилось. Я хотел открыть мотомастерскую, где мы могли бы купить детали и перепродать их подороже, чтобы оплатить свои расходы. Мы могли бы вести учётные книги, чтобы нас не обманули. Я хотел, чтобы мой клуб был не только великим и крупным, но и чтобы членам было легче в финансовом плане. Иными словами, я хотел, чтобы это была огромная организация.

У меня была встреча с Джуниором, на заднем дворе дома в Пико Ривера и я сказал ему, что я хочу войти в клуб, стать проспектом, или сделать то, что надо. Он ответил, «Вместо того, чтобы быть проспектом в имеющемся чаптере, почему бы тебе не создать свой чаптер и не управлять им самому?» То есть, он сразу делал меня президентом чаптера, без того, чтобы быть обычным членом клуба. Такого раньше не делали. Обычно это целую вечность занимает, чтобы стать президентом чаптера. Я думал, что повлияла моя биография, то, что я был серьёзным человеком и им это нравилось. Я выучил многое за эти годы с клубом.

Я уже говорил с некоторыми людьми, которые были бы хорошими членами клуба, хорошими для клуба и они согласились войти. Один был Джо «Эйпман» Мендес, ему было пятьдесят пять лет, у него был свой магазин покрышек, и он ездил уже целую вечность. Членом клуба он до того никогда не был; просто обожал ездить на байке. Был ещё Пони (Гильермо Лара), он был молодой парень с длинными волосами, собранными в хвост и множеством татуировок, двумя детьми и женой, без бандитского прошлого. Третьим был Ларго, шесть футов один дюйм, с густой бородой, огромными усами, владевший компанией по производству кованого железа. И четвёртым был Мани (Мартин Гевара), чисто выбритый парень с городской работой, которого я знал с детства; именно он меня представил остальным. Ни одному из них не надо было быть проспектами. Мне они ничего доказывать не были должны.

Но затем я проехался по разным районам и повидался с людьми, которых я знали либо по тюрьме или просто по улицам, было много кого, кто владел Харлеями. Я решил устроить

встречу у себя дома и объяснить свои мысли, так что я всем дал знать. Ну, пришло так много народу, что все не влезли в дом одновременно.

Пришлось разделить встречу на два разных вечера, по восемьдесят – девяносто человек за раз. Большая часть из них были бывшими членами банд или людьми, которые жили в районах, наполненных ими, те, кто, как и я, желал от банд отдалиться. Они всё шли в мой дом, в своих рубашках, куртках Dickies, лысыми головами, парковали свои мотоциклы снаружи. Не все были бывшими бандитами - были и просто длинноволосые байкеры, но никто из них не состоял в группе. Комната была битком набита, и они стояли снаружи. Представьте, что думали соседи о восьмидесяти Харлеях, стоявших на улице.

Так вот, я вышел ко всем и сказал им свои мысли. Я просто сказал, что если мы присоединимся, то мы бы смогли провести свои собственные идеи и сможем многое привнести в клуб. Есть вещи, которые сейчас мне в клубе не нравятся, но мы можем их изменить, сказал я, если будем достаточно сильными.

У них было много вопросов. У клуба была твёрдая репутация, что касалось защиты себя, но все знали, что Монголы дерутся и с народом. Было много историй о клубе, некоторые правдивы, некоторые нет. По одной из них, Монголы имели право на часть твоей зарплаты. Другая была о том, что у них было право на твою жену в любой момент. Это всё звучит безумием, но надо помнить, что в то время это была строго тайная организация. Никто даже не знал, сколько в ней членов. Было и несколько «основных» из разных районов на встрече, не те люди, которых стоило трогать.

Слух об изъятии документов на байк был правдивым и многие из этих парней на это бы не пошли. Они были людьми своего слова. Они не хотели подписываться под что-то, что потом им вернётся боком. Я сказал им, что если мы все пойдём туда, то сможем всё изменить по-своему. Я рассказал им о том, каким я видел клуб: мы могли делать своё дело вместе, стоять друг за друга. Я сказал, что клуб будет братством, местом, где все друг за другом приглядывают.

По окончании встречи, никто не пожелал вступить, кроме изначальной четвёрки, потому что у Монголов была настолько плохая репутация. На самом деле, телефон не звонил неделю, но я не волновался, потому что я знал, что я справлюсь. Я не знал, сколько народу придёт и когда, но знал, что они точно будут. Неделю спустя я поехал к Джуниору с Эйпманом, Ларго, Пони и Мани и сказал, «Вот мои ребята. Я хочу открыть новый чаптер» Не было крупной церемонии по этому поводу, мы просто получили свои «цвета», но для нас это был большой момент. Мы пожали руки и обнимались, а я думал, что с этого момента мы все связаны.

Сразу после этого мы поехали на Харлеях в пробег в Палм Спрингс. Мне надо было спросить разрешения на то, чтобы привести свой чаптер, потому что они всё ещё не желали большого скопления членов клуба в одном месте. «Как же вы собираетесь расти, если вы всё время прячетесь?» спросил я. «Как люди вас увидят и скажут, «Эй, в прикольные ребята, я тоже к ним хочу» Наконец, они согласились. Так что мы туда поехали и были горды быть там, как отдельный чаптер, чаптер Монголов Пико. И нас заметили. Я помню, как мы сидели у клуба под названием Чиллерз с ещё четырьмя парнями, все в «цветах», а люди подходили и говорили типа, «Привет, Док, мы слышали, ты всё сделал, нам интересно. Есть некоторые моменты, которые надо проработать, но идея нам нравится»

Многие эти люди спрашивали, могу ли я гарантировать, что они будут со мной, а не со старыми Монголами. Я ответил, что могу это обещать, поскольку мне обещали, что у меня будет свой чаптер. Собирались ли Джуниор или Длинноволосый Дэйв, или Рэд Дог соблюдать это обещание, меня не волновало, потому что я не позволил бы им это у меня отобрать.

Вероятно, людям понравилось увиденное, поскольку все выходные ко мне подходили люди. Полагаю, оттуда я привёл примерно пятнадцать - двадцать человек. По большей части латиносов, был ещё один Гаваец и один или двое белых. Те, кто меня не знал, задавал вопросы, и, как я понимаю, они получили позитивные ответы, потому что я начал получать много звонков после Палм Спрингс. Я не всем подряд говорил «да», но я могу сказать, что люди и правда хотели верить, что так может случиться. Они хотели носить нашивки Монголов. Мне надо было собрать их деньги на расследование и сказать, что мы вернёмся к ним, но я провёл все необходимые расследования.

Следующий чаптер, после Пико был Эль Серено и они его начали сами по себе. Двое ребят, по имени Люцифер и Багс знали несколько ребят из Эль Серено. У них была встреча, они позвонили мне и спросили, можно ли им открыть чаптер, «потому что нас тут маловато» Я подумал, что это здорово и сказал, что попробую это проработать. Разумеется, это значило, что мне придётся пообщаться с Джуниором и выяснить, заинтересован ли он в этом.

Но репутация Монголов всё ещё была препятствием. Пока я ждал решения от Джуниора, чаптер Эль Серено просто испарился. Лишь двое из них сказали, что всё ещё хотят прийти. Двух человек, Люцифера и Багса было не достаточно для открытия чаптера, но я их мог сам принять в Пико. Так и случилось, их приняли в Пико, я выдал им нашивки и буквально через пару часов им начали названивать те, кто не решился. В итоге все согласились. Так что я сказал, что лучше всё же открыть Эль Серено, поскольку Пико будет слишком большим чаптером со всеми ними.

Но это создало новую проблему, поскольку в старые дни, у них было правило, что надо было пробыть в чаптере год или два. Это просто поразительно, что в старые времена всё было только для того, чтобы тебя заставить что-то делать. Зачем же тебе кого-то принуждать, если всё не было через жопу? Очевидно, я не собирался играть в эти игры, но и правила я хотел соблюдать.

Были правила о расследованиях касательно людей, поскольку у Ангелов Ада и некоторых других клубов было такое правило, но люди, которых приводил я, отличались. Ангелы Ада приводили людей, которых они не знали в своём сообществе и он не могли их отследить. Но латиносы, которых я встречал, имели корни – или хвосты, смотря как посмотреть – в районе. Если ты латинос из Восточного ЛА или иного района латиносов, я мог всё про вас узнать. Очень просто. Всего скорее, вы росли в районе, где была банда. Либо вы сами были в банде, либо банда знала вашу репутацию и имя. Если парень из Авеньюс хотел прийти, мне лишь надо было поехать в его район и поспрашивать о нём. Если приходил тот, кто был конкурентом Авеньюс, я не прогонял его. Мы собирались от этого отойти.

По той же причине, я не просил их становиться проспектами. Другие клубы требовали от новых членов прохождений через препятствия, но если парень отмотал восемь или десять лет в тюрьме Фолсон или Пеликан Бэй, стоял там за себя или даже был «смотрящим», то

мне не надо было сомневаться, что в нём есть то, что я ищу. Неужели я ему скажу, «Эй, пацан, принеси-ка мне пиво?» Такого не будет. Это и не нужно. Я многие эти правила ослабил, и это помогло нам вырасти, хотя некоторые меня за это критиковали.

Другой стороной критики было то, что мы, якобы, не байкеры, потому что не носим длинных светлых волос, мы моемся, не нюхаем мет. Многие ребята брили головы и очень следили за чистотой. Я не думаю, что для того, чтобы быть байкером, надо плохо пахнуть, да и длинна и цвет волос не имеет значения.

С другой стороны, когда мы впервые появились в культуре, люди говорили, «Они не байкеры, они просто бандюги», потому что они видели бритоголовых латиносов. Но всем новопривыкшим я давал знать, что мы не банда. Мы не для того существуем, чтобы вредить тем, кто не навредил нам. Мы не для того существуем, чтобы связываться с криминалом или наркотой. Это лишь очередной предрассудок, не пускать человека в клуб из-за его бандитского прошлого. Я сам таким был. В итоге, если ты уже не был бандитом и если тебе были интересны поездки на мотоциклах, то ты мог быть Монголом.

В ходе своего первого года в клубе я привёл порядка двух сотен новых членов. И это стало проблемой.

Старая братва.

Я был так занят приводом новых членов клуба и изобретением способов к открытию новых чаптеров, чтобы привести ещё больше народу, что иногда забывал думать о происходящем за моей спиной. Я сделал клуб в десять раз больше, но не все думали, что клуб стал в десять раз лучше. Те, кто копал всё глубже в этом направлении были, естественно, «старрики», особенно лидеры клуба – Джуниор, Длинноволосый Дэйв и Рэд Дог.

Я всегда думал, что Джуниор совсем не плох. Он был низкорослым парнем, белым, со светлыми волосами и я всегда считал, что у него есть «яйца». Но давайте смотреть правде в глаза, клуб стал хуже, как раз во время именно его руководства и именно тогда были все эти дибильные привычки и устои. Он мог быть прекрасным парнем, но национальный президент из него был не очень.

Ещё был Длинноволосый Дэйв, который был национальным вице-президентом. Он был хорошим человеком, но не очень агрессивным. Например, Дэйв работал в центре Харли-Дэвидсон Бартелл, который является центром вселенной Харлеев, туда приходили люди из других клубов и орали на него, унижали, пока он работал. Другие сотрудники звонили нам оттуда, чтобы дать знать о происходящем и нам приходилось собираться, чтобы с нашим национальным офицером ничего не случилось. Когда мы его спросили, почему он позволяет этим людям так к себе относиться, он отвечал, «Ну, я их знаю. Знаю долгое время»

Это могло не иметь значения, но когда весь наш мир вертится вокруг уважения, мы не могли позволить никому бить нашего национального офицера. Однажды, когда я ехал туда заступаться за него, я заехал в магазин инструментов и купил несколько молотков. Я был готов ломать пальцы. Я бы принял от Дэйва любое наказание, какое бы Дэйв на меня не возложил за такой поступок, но надо было положить конец их действиям. Когда я туда приехал с этими молотками, люди из других клубов просто уехали на своих байках. Разумеется, Дэйв никак меня наказывать не стал.

Национальных офицеров назначает национальный президент; Джуниор и Рэд Дог позднее сказал мне, что они выбрали Вице-президентом Дэйва потому, что они знали, что он не будет угрозой и потому, что он был латиносом, что давало плюс в отношении большей части представителей клуба в те времена.

Ещё был Рэд Дог, тот ещё тип. На его углах век были вытатуированы паутины и была огромная свастика на животе. Он постоянно носил кожаный плащ, как у нацистов. У Рэда Дога и Джуниора было много общего. Оба носили много золота – массивные цепи и кольца. Оба очень увлекались метом, оба не работали. Оба управляли материнским чаптером, который известен как чаптер Южной Калифорнии. Это единственный чаптер, не базирующийся в городе. Но Рэд Дог много тусовался с чаптером Сан Фернардино Вэлли – полагаю, в основном потому, что те ребята были идиотами. Именно в тот чаптер внедрился Билли Квин. Джуниор и Рэд Дог получили руководство клубом потому что большинство тех, кто в клубе оставался, были такими же, как они. Их больше прикалывало нюхать, чем что-то защищать. А моими людьми были твёрдые *soldados*.

Сначала они были рады, что я приводил новых членов клуба. В конце - концов, были взносы на расследования, и, я полагаю, они получали от сорока до ста долларов за продажу нашивок и символики клуба новым членам. Так что, им всё нравилось, к тому же они обожали факт того, что при выходе одного из этих ребят, они считали, что могут забрать его байк. Однажды Рэд Дог сказал мне, что они позволили мне приводить всех этих людей, потому что считали, что они долго не продержатся.

Они не только отбирали байки у выдавленных ими проспектов, но отбирали почти всё. Они вынуждали людей выйти из клуба, чтобы забрать принадлежащие им вещи. Они нанимали грузовик с прицепом и ехали к ним домой, пока их не было дома и забирали всё, что можно было утащить – тостеры, пишущие машинки, стереоцентры, телевизоры, всё. Потому что они были просто торчками. А торчок схватит сковородку и попытается её продать за пять баксов на улице. Это было всё в те времена, когда мет был очень дешёвый. Не знаю, сколько он стоил точно, потому что я не потреблял его со своего вступления в Монголы. Я против наркотиков, они ослабляют армию. Я помню, как однажды приехал к Рэду Догу и там было полно ящиков, пишущих машинок и других мелочей, которые продают торчки.

Отпора никто не давал из страха – репутация Монголов была мощной вещью. Я знал, что происходят кражи. Я в этом никогда не участвовал, чему я рад, но я знал, что они заходят и воруют всё. Я придерживался своей программы – выстроить клуб и сделать всё по-своему. Так и вышло. Жадность Рэда Дога стала его же причиной падения.

Жадность заставила его принимать новых членов клуба, но страх делать что-либо ещё замедлил процесс и свёл его к ползкам. Одна из самых сложных для мужчины вещей в том, когда ты видишь, что твоя активность не срабатывает и надо меняться. (Я говорю «мужчина», но я говорю обо всех. Просто в клубе это всегда мужчины) В любом случае, легче для них было оставить всё, как есть, сидеть тихо и временами пиздить «цивилов», не желая расти и встречать сопутствующие риски. О таких рисках я узнал позже – но и более раннее познание этих рисков меня бы не остановило.

С самого начала многие люди, которых я знал, говорили мне, что старая гвардия попытается меня выдавить. У них было много мелких фокусов. Скажем, трое людей хотели открыть новый чаптер, они соглашались, мол, давайте. Но как только новые члены

начинали, Джуниор или Рэд Дог начинали неожиданно жаловаться, что чаптер управляется не правильно и что они поставят нового президента, одного из их людей, из их чаптера. Затем они находили способ давить на новых членов. Просто разделяй и властвуй. Это было широко известно.

Но не все в клубе были плохими. Один из моих лучших друзей и мой настоящий союзник, был парень по имени ДжейСи¹⁸, который пришёл в клуб после меня. Он в то время очень помогал. ДжейСи был здоровым, светловолосым парнем и он просто выделялся в комнате, в которой заходил. Он был очень убедителен – ты просто не мог сказать ему «нет», если ты только не был полным дураком. У него всегда были проблемы с некоторыми вещами, происходившими в клубе, но он клуб любил и хотел сделать его лучше.

Ещё был Монстр. Монстр был очень большим парнем, борзо выглядевшим и бывший отличным бойцом. Его отец был хорошо известным боксёром в Лос-Анджелесе, он привёл своих детей в бокс, так что Монстр мог за себя постоять. Поначалу у нас были проблемы со сбором взносов с него и подобными моментами, но он всегда был рядом, когда надо было помочь, и он умел оживить вечеринку. У него было отличное чувство юмора. Он мог заставить тебя смеяться вечно. Мы сидели на собрании – встреча материнского чаптера – а мы все хохотали от его приколов.

Однажды, когда Монстр был ещё проспектом, клуб готовился к «пробегу» и этот давний член клуба, настоящий бычара по имени Крэйз, зашёл и протянул руку, якобы пожать её. Монстр подал руку, а тот схватил его большой палец и начал выкручивать. Из-за того, что Монстр был проспектом, ему приходилось терпеть всё, что с ним делали. Так вот, тот старый пытал Монстра, чтобы увидеть, сколько боли тот готов вытерпеть. Монстр начал потеть – не от боли, а от злости. Это пример того, как «старая гвардия» относилась к новым членам.

Я вмешался, потому что увидел, что что-то не так, а тот отпустил руку и ушёл. Монстр был готов взорваться, так что я позвал секретаря – казначея моего чаптера, Мани. Я велел ему принести верхний рокер для Монстра. Когда ты получаешь верхний рокер, то ты полноправный член клуба, что означает твоё равенство со всеми остальными. Я велел Мани дать нашивку Монстру и быстро её пришить. Он вернулся с пришитой нашивкой через пару минут, а я просто сказал, «Давай, вломи ему». Монстр побежал, будто зверь из ада. Это было лет семь назад, больше я Крейза не видел. Таково было вступление Монстра.

Но были и классные вечеринки, хорошие времена. Мы изменили понимание того, каким должен быть «выезд» Монголов. Нас не только было видно, но и было видно, что мы хорошо проводим время. Когда весь клуб выбирался в «пробег», у каждого чаптера было место для их лагеря. То есть, куда бы ты ни пошёл, братья были всюду, но у тебя так же был уголок, где был именно твой чаптер. Наше местечко, для Пико, и несколько других мест, тех чаптеров, которые открыл я, отлично тусовались. У нас была музыка, были красивые женщины, стулья, еда и выпивка, всё, что нам было надо. Если было что-то, что нам было надо, мы это привозили. Мы дошли до момента, когда начинали думать, *Что бы ещё добавить сверху этого?*

Над нами много посмеивались, потому что всё для комфорта мы возили на байках. Члены постарше думали, что это всё понты или ещё что-то. На самом деле, я даже припоминаю

---

¹⁸ По данным сайта Монголов, некий ДжейСи скончался двадцатого мая 2017.

слова, что мы «барби-чаптер». Но в лицо никто не говорил – без риска получить – потому что мы были жёсткими. Нас бы скорее можно было назвать отрядом бойцов, потому что мы решали любые вопросы для клуба. Так что обижать нас никто не хотел.

Но я всегда следил, чтобы вечеринки не опустились до тех глупостей, за которые были известны старые Монголы. Я ввёл некоторые свои правила, и я следил, чтобы им следовали. Я не позволял драк с гражданскими людьми и не позволял проявлять неуважение к женщинам. Никто не мог требовать от проспекта того, чего член сам не смог бы сделать. Никому не позволялось бить женщину другого Монгола, но это правило есть почти у всех клубов.

Так что всё эволюционировало от простого сидения в палатке, глядя друг на друга. После того, как чаптер Пико просуществовал примерно год, мы решили провести вечеринку по случаю годовщины. Разумеется, это был выезд и я думал, что стоит приехать в Палм Спрингс, где, по сути, чаптер начался и привлёк внимание в первый год. К тому моменту мы уже знали, что «старая гвардия» ищет любого повода от меня избавиться, так что я догадывался, что любой эксцесс там, если кто-то напьётся или будет арестован, то они это используют как предлог, чтобы меня выгнать. Но я всё же хотел провести «пробег» там, потому что хотел найти ещё людей.

Мы решили провести «пробег» в отель, впервые в истории Монголов – и впервые мы собирались показать свою силу на публике. Мы нашли небольшой отель на краю Палм Спрингс, в котором были отдельные маленькие домики у бассейна. У каждого чаптера было своё бунгало. Соль была в том, что если ты напивался, то оставался в комнате своего чаптера. Если ты ощущал, что не в состоянии ехать домой, то ты оставался в комнате чаптера, пока это не менялось. Мы за всё платили, из взносов чаптера. Весь год мы собирали дополнительные деньги. Каждый член вкладывал чуть больше. Мы сэкономили достаточно, чтобы снять весь отель и нанять группу. Для полного счастья был даже стол для бильярда, возле бассейна. Мы привезли всю еду и выпивку, кому какую хотелось. Таким образом, никому не пришлось бы кататься по городу или попадать в проблемы с «цивилами», или в аварию, чтобы там ни было. Это был огромный успех. Все, кто приехал отлично отдохнули.

Вместе с тем, многие из старых членов клуба бойкотировали Палм Спрингс. Это не удивительно, полагаю, ведь я постоянно с ними серьёзно спорил, с национальными офицерами материнского чаптера, почти с самого начала. Как и ДжейСи. Я помню, как в голове была мысль, что всё, что ДжейСи делает для клуба здорово, что его труд невероятно тяжёлый, но все те парни только добавляли ему проблем. Я довольно неплохо вижу людей по характеру и справедлив, но мне просто не нравилось всё, что они делали – Джуниор и Ред Дог, а также некоторые остальные, те, кто были просто «быками». В глубине души, мне не нравились они, как личности.

В результате, я никогда не говорил им всего, что хотел для клуба, каков был мой план в итоге. Ну, по большому счёту, это не было планом, мои мысли для любого, кроме меня, звучали бы далекоидущими. Но я и не подталкивал к большим делам, просто хотел, чтобы ко всем относились честно и порядочно.

Мы обо всём спорили, потому что они всё время пытались на нас нагнуть чушь. Помню, они как-то пытались сказать ДжейСи и мне, что мы должны следовать за ними, ведь они старшие члены. Такой вещи, как «старшие члены» нет, нет никаких рангов, основанных

на длительности пребывания человека членом клуба. Слова Джуниора и Рэд Дога о том, что они «старшие члены», в то время, как мы знали, что такого статуса нет, было, своего рода, проявлением неуважения. *Какая хуйня*, подумал я тогда. Я пытался говорить на собраниях материнского чаптера, когда только мог. Некоторые президенты чаптеров передавали мне листы с вопросами, которые они бы хотели спросить, но они не хотели, чтобы в их дела влезал Джуниор. Мне было похуй, нравится ли ему вопрос или нет, я просто его задавал.

Джуниор и Рэд Дог всё время пытались придавить новых ребят, пытаясь подловить их на чём-то не том и опять понизить их до проспектов или заставить их уйти. Они пытались пристать ко всем, кого я приводил в клуб. Они звали их на собрание и орали на них, чтобы ДжейСи или я начали за новых ребят заступаться. Мы начали действовать, как их неофициальные представители. Мы заранее выясняли ситуацию и спорили с ними на собраниях. Обычно это всё оказывалось туфтой и Джуниор снимал вопрос.

Мы портили им веселье, так что они создали правило, по которому я и Джуниор не могли быть вместе на собрании. Ещё было правило, что когда один из нас был на собрании, он должен был лишь сделать своё дело и уйти. То есть, они пытались всё выстроить так, чтобы они могли давить на новых ребят без нашей защиты или возможности оспорить их слова. Но материнский чаптер должен быть открыт для всех, потому что это было наше руководство. Это как если бы ваш городской представитель заявил, что представителям определённого сегмента нельзя ходить на совещания, а остальным можно. Я даже в некотором смысле, гордился таким правилом, потому что оно показывало успешность нашей тактики по защите новых ребят. Но они пытались всё замедлить, просто упирались всеми способами. Иногда они даже делали «периоды отдышки» и не принимали новых членов, скажем, три месяца, чтобы меня остановить.

Я привозил Рэд Догу анкеты новых членов и деньги на расследования, а он отвечал, «Давай сюда», и совал всё в карман. Иногда он даже что-то писал на задней стороне чеков из Jack in the Box, будто хотел что-то запомнить, но я-то понимал, что происходит. Через несколько недель он спрашивал у меня деньги на расследования, я отвечал, что уже дал их ему, а он говорил, что не помнит. И такое бывало часто. Бывало, что я платил сам. В то же время, Рэд Дог не работал, как и Джуниор, оба просто как-то выживали, у обоих были мотоциклы, а Рэд Дог всё ещё любил «нюхать».

К тому же, Рэд Дог начал приводить народ в клуб, особенно в чаптер Сан Фернардино Вэлли. Он пытался привести побольше тех, кто его бы поддержал, но большая часть их них не были настоящими Монголами. Именно так Монголом стал Билли Квин. Несмотря на то, что Рэд Дог сам подозревал Билли, он его впустил и позволил платить взносы.

Эти ребята увидели такую угрозу, что в клуб придёт чужак и попытается превратить клуб в свой отряд, что всё стало совсем плохо. Однажды Джуниор и Рэд Дог позвали меня на собрание. И Рэд Дог сказал, «Знаешь, Док, мы с Джуниором тут играли в «а что, если» Я спросил, что с того, а Рэд Дог ответил, «Ну, всё просто. Мы спросили, «Что, если Док пытается прибрать к рукам клуб?»»

Я видел, к чему они ведут, но я не собирался так делать. «И как я это сделаю?» сказал я. «Есть правило пяти лет. Я всегда буду следовать правилам, которые у нас есть» Они ввели правило, что никто не может стать национальным офицером, если он не пробыл в клубе хотя бы пять лет. Я и, правда, хотел делать всё по правилам. Хотел, чтобы клуб был в

правильном направлении, так что против правил я бы не пошёл. «К тому же» сказал я, «Я не хочу руководить клубом. Члены будут голосовать, а разве они станут голосовать за кого-то, кто не так давно в клубе?»

«Всё верно, Док» сказал Ржд Дог. «Я рад это слышать, потому как иначе у нас бы были проблемы» Я не думаю, что этот торчок был способен создать лично мне проблемы, но он пытался сказать, что они не одобряют мысль, что я буду руководить. Меня устраивало. Я уже был занят работой по расширению клуба, что мне пришлось оставить некоторую часть своей работы радиологом. Я работал в больнице по ночам, чтобы днём больше времени провести с клубом.

Рэд Дог всё ещё видел лишь деньги, а не сильный клуб. Его так слепили деньги, что он уже не понимал, что уже поздно что-то менять. Но я думаю, он многого не видел. Я не возражал против того, что он «кайфует», но меня волновало, что остальные тоже начинают это делать. Многие тоже начали «нюхать» и это стало проблемой. У пары ребят из старых членов, были тату комнаты, а мои ребята хотели с ними тусить и общаться. К несчастью, приобрели они только привычки. Монстр и многие мои ребята подсели на мет из-за них. Я делал два шага вперёд, а они меня отталкивали на шаг назад, дошло до того, что я был вынужден ограждать своих ребят от посещений этих тату комнат и общения со старыми членами.

Потом они пришли ко мне со словами о выдаче зарплаты национальным офицерам, которая бы шла из взносов. Они сказали, что все клубы платят национальным офицерам и были готовы выдавать чек мне. Я увидел, что меня пытаются подкупить, а люди, которых я привёл в клуб, с ними ладят. Они начинали беспокоиться, но в то же время пытались найти способ, чтобы новое положение вещей было им на пользу. Это лишь ещё показывает их глупость.

Они не очень хорошо меня знали, явно не достаточно, чтобы знать, когда ты вырос в банде Восточного ЛА, тебя нельзя купить. И ты не подпишешь друзей заниматься чем-то не тем за деньги. Ты действуешь так просто для выживания. Эти правила просто часть меня, я не думаю о них, но по опыту банд я понимал, что с этим надо разобраться.

Одним из ключевых ребят, которых я только приводил, был Хэнк Мюноз, которого всегда знали как Кьют, что значит «искорка» на Испанском, но это так же означало пистолет. Он невероятный парень, известный на всю Южную Калифорнию. Что в нём заметно, так это его разносторонний характер. У него ум и спокойствие Дона Корлеоне и «яйца» Лица-со-Шрамом, если позволите описать его сравнением с персонажами фильмов. Он чрезмерно опасный человек, но у него больше сердце. Но есть и рассудительность. Если у него с тобой проблемы, он тебя выслушает. Он смотрит на проблему со всех точек зрения и принимает решение, очень быстро, если требуется, что же будет правильным сделать. Я даже удивился, что ему вообще это интересно и у него есть байк. *Этому чуваку и так ничего уже не нужно для уважения, думал я. Неужели мы ему и правда интересны?* Но так и было. Из-за этого я ещё больше вдохновился возможностями клуба.

Он был членом банды в Монтебелло и сидел в тюрьме. Когда он впервые появился, и старые ребята услышали, что я его приведу, они знали, что он - настоящая угроза. В том и была наша разница. Их идея была не в том, чтобы усилить клуб, а в том, чтобы сохранить над ним контроль. Джуниор и Рэд Дог не хотели его вступления. Они начали орать и разносить о нём слухи – что он не будет верен, что он принесёт только проблемы. Я видел, что парень будет большим плюсом и так просто не сдался бы.

Однажды они сказали, «Если он и правда хочет прийти, то пускай приезжает и поговорит с нами» Встреча была в моём доме, и они были готов. Спереди была охрана, вооружённая, это устроил Рэд Дог. Он с Джуниором был там с ещё несколькими членами клуба, у всех были стволы. Настолько была сильна репутация Кьюта.

Никому не надо было говорить ему, что там будет оружие. Как и то, что кучка этих ребят ему не симпатизировала. Но он прошёл по дорожке к моему дому, будто не было в этом ничего дурного. В нём было порядка пяти футов восьми дюймов роста, он был плотно сложен и солиден. Я думал, *Вы гляньте на этого парня. Любой на его месте сейчас думал бы, выйдет ли он на своих ногах.* Он сел перед ними. Его спросили, хочет ли он в клуб, он ответил утвердительно. Затем Рэд Дог начал спрашивать глупую херню. «Знаешь, есть некоторые люди» говорил Рэд Дог, «которых мы бы хотели приструнить. Мы хотели бы, чтобы ты с ними потрудился» Он имел ввиду подставить их. Рэд Дог так и не понял менталитета баррио: Мы не сдаём людей, не стучим.

Кьют посмотрел на него и сказал, «Я не сделаю такой хуйни»

Я думал, *Ни хуя себе, вот чувак, в чужой гостиной, у него вокруг вся эта толпа, он понимает, что они все взвинчены, а он сразу шлёт Рэда Дога нахер.* Я думал, этот парень либо самоубийца, либо его «яйца» больше, чем у кого-либо ещё из тех, кого я знаю. И я был несколько смущён, потому что Рэд Дог попросил от него сделать нечто, что было против всего, с чем мы выросли.

А Рэд не знал, что сказать. Просто смотрел на него. Кьют сказал, что он всё равно хочет в клуб, а Рэд Дог ни слова ему ни сказал. Так что Кьют вышел и предоставил нам решать. Прежде, чем я пообщался с членами клуба, я перекинулся словом с Кьютом, пока он не уехал. Я заверил его, что сделаю всё, чтобы его приняли в Монголы, не важно, что говорит Рэд Дог, ведь он был как раз таким человеком, какой нам был нужен – кто-то, кто представлял будущее, не прошлое.

Он ушёл, а я вернулся назад, и как раз услышал слова Рэда Дога, «Нихуя, я не хочу, чтобы этот чувак был в клубе. Он не желает играть по-нашему»

«Вы бы поверили парню», спросил я всех в комнате, «если бы он повернулся сейчас спиной к своим братьям прямо сейчас, через пять минут? Вы бы доверились такому? Я считаю, что он дал тот ответ, который мы хотели бы услышать»

Рэд Дог и Джуниор этого не поняли. Так что их ответ был отказом.

Несколько позже они устроили пробег в какой-то парк, который был по большому счёту, просто болотом в центральной Калифорнии и я думал, что будет бунт. Там был весь клуб, и всё обернулось в дискуссию о Кьюте. Старые ребята не хотели, чтобы он приходил. Некоторые из них были настолько «убиты» что еле стояли, но всё продолжали говорить херню про него, про то, что клуб управляется неправильно. Тогда я впервые ощутил, что могут начаться проблемы, потому что мой чаптер вдруг просто сомкнул ряды около меня. Они буквально выстроились в круг, чтобы меня закрыть. Помните, я их всех знал, это были серьёзные люди. С ними было лучше не спорить.

ДжейСи тогда сказал одному из стариков, «Знаешь что? Посмотри на мужика. Он будет вашим следующим национальным президентом» Я попросил всех остыть. Я не хотел начинать драку, которая разорвёт клуб. Но и сдаваться я не собирался. Клуб начал расти и меня критиковали, но надо помнить один момент: Если ты во главе чего-либо, то тебя всегда будут критиковать. Даже президента США критикуют по любому поводу. Надо просто смириться с этим фактом, что будет так и забить.

Всё натянулось ещё сильнее, когда Джуниора отправили в тюрьму. Я не помню, что было причиной, но точно помню, что это было не за дела Монголов. Но началась реальная борьба. Хотя он и был в тюрьме, Джуниор формально оставался президентом, но Рэд Дог решил, что настало время, чтобы он встал у руля, поскольку Джуниор явно не вышел бы в скором времени. Согласно традициям клуба, как вице-президент, Длинноволосый Дэйв должен был стать президентом, но Рэд Догу было похер. Он знал, что Дэйв отступит, если надавить сильнее.

Рэд Дог звонил мне, говорил, что я должен его поддержать и дать своим людям знать, что я его поддерживаю. «В противном случае» говорил он, «будут проблемы» Я прекрасно понимал, что он имеет ввиду; он собирался дойти до стрельбы. В нём было полно дерьма, но кроме того, ему хватало глупости поставить себя под угрозу. Я не очень хорошего мнения был о Дэйве, но поддержал его, поскольку считал его меньшим из двух зол. К тому же, было не так много членов клуба, которые пробыли в клубе пять лет, которых я был готов поддержать. Я предлагал свою поддержку Леонарду «Ленни» Уоллесу, он был президентом чаптера Восточного ЛА, но он хотел оставаться только со своим чаптером. Ребята, которых я мог поддержать, были более реалистичны о себе, либо и правда хотели управлять клубом. А те, кто думает, что могут, как правило, на деле оказываются наоборот.

Когда стало ясно, что я не собираюсь поддерживать Рэда Дога, это просто взбесило его, его угрозы стали более частыми. Стало настолько плохо, что члены моего чаптера выставляли вооружённую охрану у моего дома. Однажды Рэд Дог позвонил мне и сказал, «Майк Мюнц выходит из тюрьмы. Я отправлю Майка к тебе, пообщаться» Я сказал, что меня это устраивает, но я ещё поспрашивал об этом человеке. Люди говорили, что Майк безумен, в нашем мире это, своего рода, комплимент – это значит, что он способен на всё. Он был белым парнем из Сан Диего, который долго сидел. Смысл веселья для Майка был в том чтобы зайти в тюремный двор и сказать, «Я Майк Мюнц. Если у кого с этим проблемы, давайте сразу их решим» Так Рэд Дог пытался меня напугать. Майк должен был выйти из тюрьмы и разобраться со мной. Он был их тайным оружием. И вот ещё один момент, который Рэд Дог не понимал, это жизнь, которую я прожил в баррио. Он не понимал, что наш образ мышления был в том, что *У всех идёт кровь*.

Когда Майк впервые появился, у нас была вечеринка в Ла Вида Хот Спрингс, бар в горах, мы частенько туда катаемся. Монстр снова исполнял обязанности проспекта, что частенько случается, так как он часто попадает в истории. Это так же может быть способом лёгкого наказания, если не платишь взносы или каким-то образом нарушаешь правила. Как бы то ни было, Майк пришёл и начал давить за что-то на Монстра – ничего необычного, ведь Монстр выполнял обязанности проспекта, но я ждал Майка. Я к нему подошёл и сказал, «Эй, в чём проблема?»

Мы оба знали, зачем он здесь, так что зашли за дом, возле бара, чтобы решить вопрос. Майк начал говорить, мы обменялись парой фраз, и тут я понял, что он не ищет проблем. Забавно, что Майк то же самое решил обо мне. Спор утих не начавшись, и мы нормально разошлись. Позднее мы стали друзьями. Он был белым парнем, но прожил жизнь, похожую на мою. Он сидел за решёткой и знал, как всё устроено и не боялся меня или чего-то ещё. И, как и я, он никогда не бил людей первым, если только они не начинали драку. Я никого не боюсь, но я рад, что Майк оказался уравновешенным человеком.

В то де время, клуб рос и старикам было не так просто этот рост замедлять. Ворота были открыты и я приводил новых серьёзных людей, которые вставали на мою сторону. Так что старики оказались не у дел. Единственный остававшийся у них рычаг для остановки прогресса – правило пяти лет.

Я ходил на собрания, где они обвиняли меня в чём-то, надеясь вывести меня из себя, чтобы я нарушил их правила, дав им возможность «выкинуть» меня, не начиная бунтов. Я прикрывал свою жопу всеми возможными способами. Был парень, один из основных «барыг», который имел тёрки с клубом. Они с его командой подрались с несколькими Монголами, ему набили лицо и он потерял свои Ролексы. Он был на взводе, так что когда я об этом услышал, я устроил встречу, чтобы разузнать о произошедшем и прийти к решению этой ситуации без того, чтобы погибали люди. Так что я отправился к одному национальному офицеру, которого я знал, Бобби Локо, он тогда был национальным сержантом-по-оружию, и сказал ему, что хочу встретиться с тем парнем. Бобби сказал, «ОК, попробуй»

Но когда офицеры узнали о встрече, они сказали, что я не должен был проводить такие встречи без разрешения «сверху». Они и правда думали, что в этот раз я попался. Думали, что получают голоса, чтобы меня «выкинуть» из клуба, они столь усердно над этим работали, что я стал думать, а что я буду делать, если у них получится. Я никогда не думал о создании своего клуба. Я очень любил свою нашивку. Я думал, что если они решат забрать мои «цвета», то будет два клуба, оба будут зваться «Монголы». Один с этими старыми торчками, а другой с моими людьми. Но с самого начала, когда всё покатило, я решил, что ни за что не сдамся. У них могли быть свои встречи с двадцатью парнями, а я повёл бы остальных Монголов. На одном собрании я сказал Рэд Догу, «Если тебе потребуются мои «цвета», ты знаешь, где я живу. Но тебе бы лучше по той дорожке к дому не идти первым» Я бы не задумываясь дрался с ним за это, на любом оружии.

Хотя я думал, что у Дэйва не хватит сил, чтобы вести новых Монголов, он мог, по крайней мере, быть президентом. Если он и правда был столь слаб, как они думали о нём, я бы мог делать то, что мне нужно. Но я узнал один интересный момент, когда говорил с Дэйвом о президентстве. Он не был в клубе пять лет. Дэйв сказал мне не волноваться, это не было проблемой, ведь в то время было и другое правило: если ты уже был национальным офицером, то мог занимать любой пост, вне зависимости от твоего срока пребывания в клубе. Получалось ещё интереснее, ведь Джуниор и Рэд Дог знали, что Дэйв не очень сильная личность. Его не выбрали; просто назначили. Могли выбрать и Майка Мюнца, например, но знали, что он встанет против них.

Летом были выборы, я встал и сказал, что голосую за Дэйва, его легко выбрали. Рэд Дог был зол, но он не многое мог сделать. Было слишком много членов клуба на моей стороне, а они бы никакой чепухи не потерпели. Ещё больше Рэд Дога бесило, что он потерял человека, которого он выбрал марионеткой. Рэд Дог потом просто исчез. Кроме того, он уже не мог делать на клубе столько денег, как раньше. Я считал, что это значит, что старики увидят, что стал новый клуб Монголов. Но я не знал, что Рэд Дог уже причинил Монголам больше вреда, чем я когда-либо представлял.

Падение Ангелов.

Выбор Дэйва ясно дал понять, что власть в клубе у меня, но меня всё ещё больше интересовал рост клуба, чем удержания власти. Я всё ещё держусь той же позиции, но по работе с Дэйвом и следующим президентом я узнал, что власть может быть очень опасной вещью. Я всегда думал, что Дэйв не агрессивный человек. Так говорил Рэд Дог, во многом это было именно так. В то время, я чувствовал, что его недостаток агрессивности сойдётся с моим пониманием о направлении движения клуба – или, как минимум, не замедлит меня.

Одной из первых вещей, которые я сделал, когда Дэйв стал президентом, я снова попробовал принять в клуб Кьюта. Он всё ещё хотел к нам, так что он стал чаще с нами бывать и показал, что ему есть среди нас место. Кьюта приняли с его корешем

Коротышкой (Алекс Алкантар), молодой, высокий, очень приятный персонаж, который вместе с тем, был чрезвычайно опасен. Это вдохновляло.

Рэд Дог и Джуниор боролись со мной против открытия новых чаптеров и расширения клуба. Я понял, что у Дэйва не хватит «яиц» чтобы вообще бороться. Он просто получал преимущества, сопутствующие президентству – в основном уважение людей, тебе частенько ставят выпивку и, вероятно, проще «клеить» девочек – и позволял мне приводить новых членов и открывать новые чаптеры. После пары лет в клубе, я дал понять свою цель; стало очевидно, что я хочу роста клуба и что Дэйв президент только потому, что я дал ему голоса. Но как только его выбрали, он начал принимать решения сам по себе, без консультаций с членами клуба. Эти решения не принесли добра клубу.

Я тогда не подумал о паре вещей. Это плохо, но в то время это был мой первый опыт руководства организацией. До того, я всегда мог сначала подумать, а потом сделать. Когда была работа, которую надо было сделать, я просто шёл и делал. Я узнал, что Дэйв так делать не привык. Первой проблемой, которую я заметил, заключалась в том, что нехватка агрессивности Дэйва означала, что ему некомфортен столь быстрый рост клуба и я во главе такого роста. Он был не тем человеком, чтобы позволить кому-то привнести хорошую идею и просто дать её воплотить. У него в друзьях были номады, группа стареющих Монголов, которые более не принимали в жизни клуба активной роли – они не обязаны были платить взносы, не обязаны были отвечать на вызовы и тому подобное. По большей части они просто сидели на диванах, как Мистер Роджерс и пиздели обо всем, что происходит с клубом.

Дэйв не понимал, что рост клуба ему не остановить. Было просто слишком много хороших людей, сильных людей, которые хотели быть Монголами. Ещё очень важный момент, другие люди тоже начали замечать, что вокруг стало кататься куда больше Монголов – не только мотоклубы, хотя с ними пришлось иметь дело с самого начала. Они начали бросать нам вызовы, а от таких вещей так просто не уйти, иначе ты рискуешь снова оказаться с двадцатью-пятью овощами на диване. Быть Монголом значит, что ты всегда стоишь на своём, всегда готов защищать себя при угрозе. Кроме того, это значит, что если ты хочешь что-то сделать, то ты не станешь спрашивать разрешения это сделать.

Я знал, что будет плохо, когда появилась проблема с чаптером Аризона. Аризона является большой цитаделью Ангелов Ада, но пока Джуниор был во главе, он открыл там чаптер. Это было жёстко. Всегда была проблема с давлением Ангелов на наших людей. Были небольшие драки время от времени, но наши ребята не сдавались. Тогда Ангелы начали доставать Дэйва. Они всё говорили ему, что если он ставит чаптер в Аризоне, то будут проблемы, я думаю, что Дэйв принял это на свой личный счёт, типа, они придут за ним.

Вероятно, он просто не понимал, что за него встанет целый клуб, в котором теперь было полно бесстрашных людей, чтобы прикрыть его. За годы до моего прихода в клуб, большая часть хардкорных воинов, тех, кто выстоял против Ангелов, вышли из Монголов, потому что в клубе творился пиздец. Дэйв толком не знал новых членов. Он не пытался пообщаться с ними, так что он, вероятно, не понимал, что за ним стоит маленькая армия. На улицах я понял, что не нужно, чтобы за тобой стояла сотня или две людей. Надо лишь десяток топовых ребят, десять, которые будут стоять до конца, невзирая на последствия. Это просто невероятно, как много можно сделать, имея лишь несколько человек, которые ничего не боятся и не сдаются.

Как бы то ни было, Дэйв принял решение о закрытии Аризонского чаптера. Был невероятный шум. Члены Калифорнии не желали его закрывать, как и члены из Аризоны. Этот шаг был не только не нужен и бессмыслен, но и нанёс урон репутации Монголов. С того момента я знал, что Дэйву придётся уйти. До того я придержусь своей программы. Но я знал, что если я хочу преуспеть, то клубу нужны сильные лидеры и члены.

Ещё одна вещь, которой я очень хотел, это увеличить количество членов клуба в Северной Калифорнии. В Южной Калифорнии было порядка двадцати чаптеров, но я знал, что двинься мы на север, то будет ошутимая разница.

Я также знал, что Ангелы Ада считают Северную Калифорнию своей территорией. Они были очень сильны в Окленте и Сан-Франциско – Оклентский чаптер принадлежал Сонни Баргеру, президенту Ангелов, в нём он провёл большую часть своего времени в Ангелах. Так что я начал предпринимать туда поездки. У меня были люди, у которых были кузены там, они давали мне адреса, а я ездил в гости. Я арендовал минивэн – на свои деньги, не клубные – и брал с собой нескольких членов чаптера Пико. Мы заезжали к их кузенам, знакомились и иногда спали у них в гаражах. Но если там были семьи, то мы не хотели мешать и спали в минивэне снаружи, заводя его, чтобы согреться. Мы провели там не одну холодную ночь.

Днём я также ходил в мотто магазины и шоу, как в те времена, когда я узнал о Монголах. Я начал «забрасывать удочку» и просить тех, кто двигался на север, искать байкеров, которые хотели бы стать Монголами. Это должен был быть кто-то с «яйцами», чтобы ездить в «цветах» Монголов там, где есть много Ангелов Ада. Мне надо было убедиться, что новые люди не только вытерпят от Ангелов их подачи, но и смогут ответить. Даже вдвоё сильнее.

Я начал искать разные группы – да, группы ребят, которые катались бы вместе, не просто клуб – которые имели бы проблемы с Ангелами Ада. Когда я о таком спрашивал, многие просто тушевались и сходили с темы. Со мной не хотели говорить, потому что знали, что хоть сейчас мы и не воюем, но Ангелы Ада с Монголами далеко не лучшие друзья.

Довольно странно, но я нашёл таких людей в Тихуане. Каждый год мы с другими клубами возим игрушки детям в Тихуану. Так что, в тот год я встретился с группой в десять – пятнадцать человек, которые были из Сан-Хосе. Они мне понравились, а когда я их проверил, они оказались стоящими. Часть байкеров из группы Сан-Хосе были белыми, но большая часть была латиносами. Ангелы Ада всё ещё не очень активно принимали в клуб Латиносов из-за инцидента на *Queen Mary*. Ангел Ада, который был убит на шоу *Queen Mary* был латиноамериканского происхождения, один из немногих, кто тогда был у них в клубе.

Так что я очень хотел показать тем ребятам, какой классный клуб Монголы. Мы начали брать в аренду минивэн побольше, куда уместилось бы человек пятнадцать и я возил туда весь чаптер Пико. Мы тусовались вместе, пили пиво, знакомились, естественно, говорили о клубе – как он управляется, каково быть Монголом, обо всём.

В какой-то момент я спросил их, не хотят ли они открыть чаптер Монголов в Сан-Хосе. Они ответили «Ещё как». У Ангелов Ада был чаптер в Сан-Хосе, мы там для них были совсем лишними. Это был их худший кошмар, потому что изначально эту территорию контролировали они. Так что я произнёс для новых парней небольшую речь. «Есть немалый шанс, что вам придётся защищаться, просто за то, что вы тут есть» сказал я. «Если вы станете чаптером Монголов, вы будете должны защищать своих братьев и стоять за клуб, не важно, кто вас атакует. Надо, чтобы чаптер жил» Они поняли и были готовы; все согласились на это.

Я не потерпел бы закрытия чаптера потому что кто-то их атакует. Единственный способ получать силу заключался в поддержании силы. Таков наш мир. Именно наша репутация приводит новых людей в клуб, а наша репутация в том, что мы не сдаёмся до самой смерти. После того, как Дэйв закрыл Аризонский чаптер, я поклялся себе, что никогда не позволю национальному президенту закрыть чаптер, который я открыл.

Я не уверен, что смогу этот момент объяснить тем, кто не живёт в этом мире или не вырос в моих условиях, насколько был опасен наш шаг на север. Как только Ангелы Ада узнали бы, что мы открываем новый чаптер на их земле, они сочли бы это агрессией, и, естественно, ответили бы на неё. Кого-то порезали бы, или подстрелили. Таков наш мир. Если другие клубы увидят в Монголах слабость, они нападут. Если бы я открыл чаптер в Сан-Хосе и Ангелы Ада всех там прибили – что они вполне могут сделать – тогда я бы нашёл ещё пять человек, которые переехали бы туда и остались. А потом ещё пять и ещё, пока чаптер бы не устоялся.

Но дело не только в других клубах. Если полиция сочтёт, что они могут убедить или запугать тебя, или навредить тебе в достаточной мере, чтобы ты заговорил о других членах клуба, то они сделают всё, что в их власти, чтобы так и вышло. Давление полиции является частью жизни Монголов, как я и говорил. Так что я сразу очень чётко всё объясняю людям, касательно прихода в клуб. Они должны всё это знать и быть готовыми. Надо им всё говорить, иначе ничего не получится.

Когда группа из Сан-Хосе согласилась, я отправился к Длинноволосому Дэйву, говоря, что у меня есть люди, чтобы открыть чаптер в Сан-Хосе. Дэйв мямлил и бормотал, «Слушай,» сказал он мне, «они там, мы здесь, мы не нарушаем территориальность» Это была фигня. Я знал, что он думал об Аризоне. Я напомнил ему, что у Ангелов есть чаптеры в Сан-Диего, Сан-Бернардино, Орандж Каунти, и в Сан-Фернандино Вэлии. «Они уже тут» сказал я ему. «С чего бы нам не открыть чаптер там?» Он делал какие-то левые оправдания о том, что те чаптеры открыты давно, либо были открыты тогда, когда Монголы не имели сил сопротивляться, и так далее. Я не видел разницы. В итоге, чаптеры существовали, так что не было причин не открывать чаптеры на севере. Я пытался оставаться уважительным к своему национальному президенту, но я напомнил ему, что на нашем нижнем рокере написано «Калифорния», а не «Южная Калифорния».

По моему мнению, Дэйв просто испугался. Он знал, что Ангелы Ада взбесятся, так что будут проблемы, как в прошлом – стрельба, поножовщины, динамит. Но дело было даже не в том, что его лишат должности, а в том, что он станет целью. Будем честны, обычно целятся в того, кто во главе. Не только Дэйв не желал открытия нового чаптера в Сан-Хосе. Многие Номады тоже боялись. Они прошли через войну и знали, что их ждёт.

Меня это очень расстроило и длилось вечность. Я всё говорил Дэйву о ребятах из Сан-Хосе, что они готовы, а потом ещё им объяснял, почему всё так долго. Парни в Сан-Хосе не боялись, но были в нетерпении. Они всё поняли и осознали, что рано или поздно всё случится. Я дал им своё слово.

Ещё одной причиной, по которой старики упирались от создания мной новых чаптеров, была в том, что я становился всё сильнее с каждым приведённым мной человеком. Каждый новый член клуба был ещё одним человеком, который меня поддержал бы. Старики предпочитали быть большой рыбкой в малом пруду, даже если можно было стать большой рыбой в большом пруду.

Но пруд всё разрастался, вне зависимости от их действий. Люди начали замечать, что клуб начал отличаться, что у нас классные вечеринки. Дело было не только в приходе новых членов клуба, но и в возвращении старых. Один парень, Роджер Пинни, годами не являлся на клубные мероприятия, но снова начал приходить. Оказалось, что он прервал контакт, потому что считал, что предыдущее лидерство было хуёвым. Ему нравилось тусоваться и мы сдружились. Я говорил с ним и ДжейСи о своих мыслях о клубе, но я всё ещё не желал идти против правил. В чём смысл президентства в организации, если ты не уважаешь свои же правила?

Уже прошёл год с того момента, когда я впервые предложил Дэйву открыть чаптер в Сан-Хосе, а он всё не принимал никакого решения. Я уже сам был в нетерпении. Я сказал ему прямо, что он не вывозит. В итоге, на собрании, я толкнул небольшую речь о происходящем, всё очень напряглось. Дэйв привык к посту главы Монголов, так что он стоял на своём, а все старики его поддерживали. Все они кричали о «правиле пяти лет», а я ответил, ОК, нет проблем, я понимаю. Помню, как я посмотрел на Дэйва и спросил, «Ты не хочешь дать членам клуба решить? Дать им проголосовать, кого они хотят» Дэйв просто отвернулся от меня, что является неуважением. Он мог хотя бы ответить.

Но он всё ещё оставался моим национальным президентом, а я держался своей программы. Я не собирался нарушать установленное клубом правило, но я и не желал позволять Дэйву продолжать. Так что я поговорил с ДжейСи и отправился к Роджеру, который провёл в клубе пять лет ещё до того, как перестал являться на собрания, и мы его спросили, не хочет ли он поруководить.

«Я не знаю, как управлять клубом,» сказал он. «Мне просто нравятся вечеринки. Я не хочу руководить»

ДжейСи глянул на меня и кивнул, так что я сказал, «Не парься. ДжейСи и я поможем тебе с руководством»

«Не, я же нихуя об этом не знаю»

«Это не важно, Роджер» сказал я. «ДжейСи и я сделаем всю работу. Нам лишь нужен тот, кто даст клубу расти»

«Но это же, в своём роде, обман по отношению к ребятам? Они же должны знать, за кого голосуют»

«Нет проблем, Роджер» сказал я. «Мы им скажем»

«Хорошо» сказал он в итоге. «Давайте» Мы пожали руки. Так что ДжейСи выдвинул Роджера, а он встал и сказал всем, «ОК, смотрите, я буду иметь должность президента, но на самом деле это будут Док и ДжейСи. То есть, голосуя за меня, вы голосуете за Дока» Никто не возразил.

Оказалось, что выдвинуты трое. Бедняга, который был членом клуба, наверное, лет тридцать, был национальным вице-президентом в то время и был, в общем, неплохим парнем. На самом деле, он это доказал, проявив в Дэйве неуверенность и пойдя против него. Так что были Дэйв, Бедняга и Роджер.

При первом голосовании мы просто руки поднимали. У Дэйва была поддержка из старой гвардии, как и у Бедняги. Но Роджер победил без вопросов; так много рук поднялось, даже было пару криков в поддержку. Но так как официально контроль осуществляли Дэйв и его команда, голоса считали они. Неожиданно они сказали, «Погодите, мы сбились со счёта. Число не совпадает. Надо переголосовать» Очевидная не честность; у нас было на порядок больше голосов. Сказать, что было 115, а не 120 не делает большой разницы.

Но мы ещё играли по их правилам – даже если их меняли на ходу. У них случился какой-то разговор и когда он окончился, Бедняга снял свою кандидатуру. Вероятно, для того, чтобы голоса за него и Дэйва не делились. Вот такой фигнёй они занимались всё время, но я не стал вмешиваться, ради блага клуба. Я пытаюсь не устраивать разборок, пока они не касаются лично меня. Я легко в тот момент мог выгнать из клуба некоторых парней. Но не стал, но я их не забыл.

Как бы то ни было, мы победили, с большим перевесом. Это было начало конца Длинноволосого Дэйва в клубе. Он не попал в тюрьму или ещё что, просто отошёл от дел клуба и начал тусоваться с Номадами. Он всё ещё бывал на собраниях время от времени, но он редко что-то говорил, даже если кого-то и интересовало его мнение.

Итак, сейчас мы были во главе, ДжейСи и я по сути, но титул был у Роджера. Я думал, что это лучший вариант, ведь, по большей части, Роджеру нравилось выпивать, а люди всегда ставят выпивку национальным президентам. Я незамедлительно начал исполнять обязанности по руководству клубом – люди шли ко мне с вопросами – а ДжейСи стал национальным вице-президентом. Меня спросили, кем я хочу быть, а я ответил, что мне не нужен титул. Мне было не важно – я лишь хотел оживить этот монструозный клуб – но они настаивали. В итоге решили дать мне нашивку национального сержанта-по-оружию, поскольку с деньгами разбираться я не желал. Но мы назначили двух членов, Дэйва Малого и Черепашку, чтобы выполнять обязанности национального сержанта.

В итоге, после почти двух лет, я смог отправиться на север и выдать нашивки чаптеру Сан-Хосе. Сначала они не хотели часто носить «цвета», потому что надо было увидеть, какой будет ситуация. Насилие должно было произойти, но определять как и где мы хотели сами. Всё было отлично, потому что парень во главе Сан-Хосе, Датас, был храбрым парнем. Они начали с примерно двенадцатью или пятнадцатью членами в чаптере, но даже в первый месяц, до того, как они начали активную деятельность, Ангелы Ада уже начали угрожать. Они со мной связались, и я согласился на разговор.

Мы летели в аэропорт, скажем, в Сан-Хосе или Сан-Франциско. Аэропорты и казино считались безопасным местом из-за охраны и камер. Они могли лететь из Окленда, но это значило бы, что всех обыщет охрана, так что всё было бы без оружия. Охрана тогда была не так уж велика, но было сложно что-то пронести. Но если кто и хотел драки, то не мы, ни Ангелы того не желали. Так что мы летели в аэропорт Сан-Хосе, сходили с самолёта и встречались в ресторанных двориках на территории аэропорта.

На самом деле, там не было долгих разговоров. Они говорили, «Этого не будет», а мы отвечали, «Будет», а они говорили, «Почему бы вам, ребята, не оставаться в своих местах?», а мы отвечали, «Мы так и делаем». Мы просто говорили ни о чём. Затем они предоставили этот мошеннический список того, о чём было договорено после первой войны – в том числе, что мы не откроем чаптеров в их районах. Я просто поверить не мог, что они пытаются протолкнуть такую хуйню.

Так продолжалось какое-то время. Была ещё пара встреч, когда на одного нашего парня прыгнули около Холлистера, который посреди пустоты, в девяноста милях к юго-востоку от Сан-Франциско. Ему было порядка шестидесяти лет, с севера, они его поймали на заправке и избили. Это был первый акт насилия между нами. В больницу его не отправили, но ему хорошо досталось. На следующей встрече между мной и Ангелами Ада, они отдали мне часть его вещей, его кольцо и что-то от жилета. Я просто обезумел, когда увидел его вещи в их руках. Полагаю, он потерял это в драке, но я мог только думать, *Если тронул Монгола, то будут проблемы.*

Должны были быть проблемы, потому что я знал, что они так просто всё не оставят и нам придётся защищать себя. Так что я начал планировать. Я считал, что у нас есть чаптер в Сан-Хосе и нам это и было надо. Так что нам оставалось только стоять на своём. Он попробуют заставить нас уйти, но я собирался бороться с ними до тех пор, пока было бы возможно. Сохранить чаптер и не создавать лишнего шума, таков был мой план. Как грабить банк – ты не привлекаешь внимания, когда деньги у тебя.

С клубами это обычно работает так, что вы обговариваете этот момент. Если соглашение не достигнуто, то следующим шагом обычно прерываются всякие контакты, а когда это случается, значит, надвигаются проблемы. Они прекратили контакт.

На улицах становилось всё напряжённей. У чаптера было пару столкновений с Ангелами, пару драк. Они избили одного из наших членов, а одного из них порезали. Но до серьёзного пока не дошло. Именно так, никого не убили. Один из наших парней нашёл динамит под днищем машины, но он избавился от него, не поранившись.

Одно из самых крупных событий в Сан-Хосе, а может и во всей Северной Калифорнии называется Благословение Байков. То есть и правда, священник освящает мотоциклы. Я не знаю, с чего это началось, но это всегда было большим событием для Ангелов. Вы удивитесь, узнав, как много таких освящений происходит по всей стране каждый год. То, что в Сан-Хосе происходит на Пасху, превращаясь в небольшой фестиваль. Чаптер Сан-Хосе сказал мне, что они хотят присутствовать, в «цветах». Так как Сан-Хосе был первым чаптеров, который собирался появиться там, где считалась исключительно территория Ангелов, я хотел защитить их всеми силами, пока всё не кончится, кроме того, они только появились, я не желал их терять. Хотя эти парни и были храбрецами, я считал, что если кто и должен получить, то это я. Я им сказал, «Смотрите, я пойду первым. Я возьму одного человека с собой, мы поглядим, как пойдёт. Если на нас прыгнут, то чаптер сможет явиться в другой день. Если всё пройдёт ОК, то мы придём туда все»

На Благословении Байков закрывают улицы в части города, квартала четыре, а пускают только мотоциклы, никаких машин. Копы сидят всюду в патрульных машинах, но с тех пор, как Ангелы Ада правили тут балом, никаких больших боёв тут не было. Другие клубы тоже приходили, коль скоро они не бросали вызов Ангелам, они могли жарить мясо и тусоваться. Ангелам не угрожают эти небольшие клубы. Им уже угрожают Монголы. Торговцы прибыли и поставили столы для продажи байкерской атрибутики. Как уличная ярмарка, но для байкеров.

План состоял в том, что я с другим братом подойдём ближе и оденем «цвета», пройдемся по улице до центра событий, выясняя, будет ли движение. У нас будут рации и некоторое прикрытие, так что если всё станет плохо, но мы будем ещё в состоянии говорить, то сможем вызвать себе машину. Если она до нас доедет. Когда у тебя в нескольких кварталах сотня Ангелов Ада, то нельзя предугадать, что будет, если они спят. Чаптер Сан-Хосе ждал в доме неподалёку. Они хотели явиться, но я приказал им ждать. Я встретился рано в тот день с другими Монголами. Вероятно, хорошо, что я не знал, что они тусовались всю ночь и не спали. Выглядели они как всегда. Я поглядел на Монстра, он примерно моего размера и полностью безумен, так что я решил, что если кто и пойдёт со мной в логово Ангелов Ада, так это он. «Эй, бро,» сказал я, «ты «цвета» взял?»

«Да, взял»

«Хочешь поносить их?»

«Черт возьми, да» улыбнулся он. «Каков план?»

«План в том, что мы с тобой пойдём на вечеринку»

«Блять. Ты мой през. Я прикрою тебе спину»

Я думал, что всё отлично. Ему не надо было думать, просто «Всё хорошо, брат, я с тобой»

Пока другой брат вёз нас на мероприятие, я рассказал Монстру весь план и пояснил, что Майк и другие ребята будут прикрытием, без «цветов». Когда мы вышли из машины, то

были на той стороне улицы, где были лоточники и барбекю. У одного из клубов была такая бочка на двадцать пять галлонов, разрезанная пополам, они там готовили целую тонну мяса. И всюду были Ангелы Ада – видно было по красно-белой колористике. Пока мы шли по улице, всё замирало и затихало. С каждым нашим шагом, тишина шла вслед за нами. Люди просто останавливались и глазели. Все были просто в шоке от присутствия здесь Монголов.

Так вот, мы дошли до середины главной улицы, до перекрёстка и остановились выяснить, что будет дальше. Ангелы Ада начали подходить к углам. За нами был парк, где играли дети, а люди жарили барбекю. Их мотоциклы были выстроены прямо там. Ангелы Ада начали выстраивать линию через перекрёсток, и вскоре я видел только красно-белую стену.

Я обернулся, чтобы увидеть, окружают ли нас, а улица позади была совершенно пуста. Там, где было 75-100, человек не было никого. Даже той бочки на 25 галлонов не было, будто её там вообще не стояло. Звук шёл только от полицейских машин, которые отъезжали в стороны на всех парах. Полиция не станет влезать в драку между двумя мотоклубами. Они много куда полезут, но не между двумя клубами. Им страшно.

«Надо было брать нож» сказал я Монстру.

«Нахуй нож. Тут надо гранату»

Ангелы Ада не знали о наших намерениях, но выглядело так, будто нас ждали. Ангелы, что стояли вокруг нас, были огромными. Во мне и Монстре шесть футов два дюйма, а Монстр говорит, что они были дюймов на четыре или пять выше нас и сложены, как настоящие рестлеры. Я думал, что если нас достаточно сильно побьют, я могу тут умереть. Получить ногой в голову, когда ты молод, это одно, но в моём возрасте это может убить. Я видел у них пистолеты за поясами. Я проверил по рации команду прикрытия. Их задержала полиция. «Монстр» сказал я, «остались только ты и я»

«Будь, что будет, Док»

Кто-то в толке на той стороне крикнул, «Вам тут не рады»

Монстр и я просто смотрели на них. Мы изобразили «боевой оскал» Потом я сказал «Мы никогда не уйдём» Они всё собирались, но, скажу я вам, когда ты Монгол, то ты доходишь до момента, когда думаешь, что на всё способен. Ты честно веришь, что неважно, что с тобой сделают, ты выйдешь с победой.

«Эй, Док» сказал Монстр.

«Что?»

«Знаешь, нас тут сейчас отпиздят до смерти»

«Увидим»

«Я бы хотел под конец хотя бы палец средний им показать»

«Не надо. Мы безоружны»

«Док, да лучше мне набьют лицо Ангелы, чем Монголы»

«В смысле?»

«Когда братья узнают, что я не поцапался с этими типами, они сами на меня прыгнут»

«Просто стой, как стоишь. Делай, как я»

Позади нас было пусто, как и перед нами, до стены Ангелов Ада. Было так тихо, что можно было слышать, как щёлкают фотоаппараты. Там были профессиональные фотографы на крыше, я их видел. Люди фотографировали, двух Монголов, которые сейчас выхватят. Я не знаю, работали ли они на правоохранителей или на газеты, но я постоянно слышал щелчки. Теперь, когда нам бросили вызов, надо было оставаться, пока мы не отстояли своё. Даже, несмотря на то, что там было двое против огромного количества, это было не важно. Так что мы стояли и смотрели на этих Ангелов Ада, а они на нас.

Но это был не Дикий Запад, где, в какой-то момент, надо вытаскивать пистолеты. Я лишь хотел тогда и там доказать, что мы не побежим от Ангелов. Если они хотят бросить нам вызов, если хотели драться, то нас это устраивало. Но мне не надо было начинать драку. Через какое-то время, когда стало ясно, что Ангелы не будут что-либо делать, я перешагнул на тротуар. Рядом с ними.

Я там постоял секунду или минуту – не уверен, я потерял счёт времени – и затем некоторые Ангелы пошли на нас. Полагаю, это были абсолютные бойцы, в коже и шипах. Они прошли так близко от нас, что мы ощутили их, когда те обошли нас. Но они просто прошли мимо, не тронув нас. Думаю, они хотели увидеть нашу реакцию, станем ли мы паниковать или начнём что-то, но, разумеется, мы не собирались как либо показывать свою слабость.

Монстр утверждает, что как раз в тот момент он видел Сонни Баргера, выходящего оттуда. Я его не заметил. Мы стояли там до тех пор, пока не стало ясно, что мы не побежим. Затем я сказал, «Пойдём», и мы пошли между ними. Пока я шёл, я не знал, прилетит ли мне сейчас кастет или молоток в голову. Мы шли по тротуару полтора квартала, когда одна из наших машин прикрытия, которую отпустила полиция, подобрала нас.

Двадцать минут спустя мы вернулись на байках всем чаптером.

Два шага вперёд, один шаг назад.

Имидж – это всё. Всем в Сан-Хосе мы дали понять, что не боимся Ангелов. Репутация Монголов возросла, потому что люди знали, что мы будем стоять за своих членов клуба до конца в любом бою с Ангелами. В чаптере Сан-Хосе прибавилось членов, и они начали ездить всюду, но Ангелы Ада не вступали в открытую конфронтацию. Я знал, что ещё ничего не кончилось, но ещё я знал, что между нами и Ангелами всегда будут столкновения – по крайней мере, пока они не оставят мысль о том, что у них есть право диктовать другим людям, как поступать.

Ещё я смог исправить одну ошибку, дав новую жизнь чаптеру Аризона. С моей точки зрения, всё шло очень хорошо. Роджер оставался в стороне от нас, делая то, что он делает лучше всего – пил. Я всё думал о новых способах расширить клуб. Я начинал понимать, что наш рост создаёт новые проблемы. У нас была сложная ситуация с Ангелами, а копы постоянно давили на нас. Я смог сократить количество драк и подобных моментов, но чем больше Монголов становилось, тем больше объектов для полицейского давления

появлялось. Кроме того, я видел, что копы воспринимают нас, как бандитов, а значит, мы делаем что-то нелегальное, по их мнению. Они знали меня и они знали многих ребят в клубе, с тех дней, когда мы ещё были в бандах, так что они считали, что мы занимаемся всё тем же, просто зовёмся Монголами, а не Авеньюс или ещё как-то.

Теперь, я не пытаюсь сказать, что в клубе не было людей, которые продолжали так делать, и я никак не мог следить за каждым из этих ребят. Это не то чего я хотел бы, и, взглянем в глаза правде, не то, что я мог бы сделать. Пришлось бы просто всех выгонять их из клуба – либо они бы выдавили меня из клуба. Но у нас было правило, если случалось так, что ты нарушал закон, то «цвета» носить не следовало. Приходилось «воспитывать» Монстра, потому что однажды в его комнате случилась стрельба. Он привёл в свой дом кое-кого, кто не был Монголом, но принёс пистолет. За это пришлось лишить его офицерской должности – есть правило, не позволяющее проносить оружие на вечеринки ли встречи Монголов. Мы его заберём и вернём человеку - пустым – потом.

В любом случае, полиция нас замечала, а Ангелы Ада замечали ещё в большей степени, и мне показалось, что следует наладить связь с другими клубами. Как я и сказал, если ты не общаешься с людьми, то могут случиться проблемы. Я хотел выяснить, можно ли всё обустроить так, чтобы Монголы, открывая новые чаптеры в новых местах, не спровоцировали войну с другими мотоклубами. Я хотел пообщаться с главами всех других клубов, чтобы создать отношения. Я полагал, что если я смогу пояснить, кто мы есть, я дал бы им понять, что, несмотря на наш рост, мы не собираемся их уничтожить. Я хотел, чтобы мы могли посещать их места без создания проблем, и чтобы они могли ездить к нам.

Я звонил Фрэнку Вайтлу¹⁹, главе Outlaws, которые начинали в Иллиноисе, и Джорджу Вегерсу²⁰, главе Bandidos, которые базируются, изначально, в Техасе. У некоторых из них очень преуспели, у них есть большие ранчо, со львами и тиграми. Я сказал, что, может, имеет смысл попить пива вместе, что-то такое. И меня пригласили в клубхаус Outlaws в Оклахоме. Нас пригласили туда на вечеринку, хорошо к нам отнеслись, а потом мы уселись вместе и один из Outlaws в лоб спросил, «Так чего вам, парни, надо?» Видите, для нас приехать из ниоткуда и просто встретиться, быть дружелюбными было столь редким делом, что они не знали, чего от нас ждать. Нас знали как клуб из Восточного ЛА, но мы разрастались, но не в виде антагонистичности. И всё прошло хорошо.

Мы даже открыли чаптер в Оклахоме, так что я к ним заезжал, когда бывал в тех краях. Он был очень маленький, но живой. Единственный Монгол, который тоже туда ездил, был Джуниор – и он требовал, чтобы они жили в этих рамках. Так что я поехал к ним, и я вдохновил других людей из Калифорнии тоже ездить туда. Так между нами начался настоящий обмен, который был очень важен, потому что те ребята делали, то, что должно делать Монголам, но их не признавали. Думаю, сейчас они выросли от пяти или шести членов до пятидесяти.

Вскоре Outlaws, Bandidos и Pagans приезжали к нам на вечеринки время от времени, и когда мы все познакомились, мы уже не были столь подозрительны. У нас со всеми были нормальные отношения, кроме Hells Angels, которые всё посылали нам сообщения, что-то вроде, если Outlaws зайдут в Лос-Анджелес, то будут большие проблемы. Думаю, они опасались, что мы пытаемся выстроить против них альянс, то же самое утверждают и правоохранители. Возможно, они и, правда, решили, что мы настоящие Монголы, а я – Чингиз Хан, пытающийся захватить мир.

---

¹⁹ Застрелен 24 июня 2007 года.

²⁰ Был национальным президентом клуба до 2005. Отсидел небольшой срок после ареста федералами. В 2010 году получил тяжёлые травмы позвоночника в ДТП, с тех пор практически не участвует в движении.

Разумеется, это было глупостью. Во-первых, нельзя всех к этому принудить; это совершенно против духа клубов. Каждый из них имеет очень независимый образ мышления и каждый член очень верен своему клубу. Во-вторых, когда ты в одном из основных клубов, то помощи ты ни от кого не принимаешь. Помните, что произошло с Satan's Slaves, когда они попросили у Ангелов Ада помощи против Монголов? Наша мысль об это моменте в том, что если ты не можешь сам решить вопрос, то тебе стоит уйти в сторону. Монголы никогда даже не думали о том, что им может понадобиться помощь против Ангелов Ада. В каком-то смысле, это даже оскорбление думать, что мы пошли бы к кому-то за помощью.

Мы лишь общались с теми парнями, выяснив, что у нас со многими из них много общего. Большая часть членов разных клубов в любом месте, хочет просто кататься на мотоциклах и хорошо проводить время. Пока вы уважаете друг друга, можно выживать бок о бок, по большому счёту. Если, например, Бандидос пожелали бы открыть чаптер в Калифорнии, то об этом была бы дискуссия – но именно дискуссия, не война.

В то же время, ДжейСи и я начали понимать, что Роджер становится проблемой. Он всё ещё любил пить, как и всегда, но по какой-то причине он начал думать, что он должен принимать решения. Вновь, мы дали кому-то власть, а тот человек решил, что он всё знает лучше, чем члены клуба. К несчастью, его решения обычно не были хороши для клуба. Например, ему нравилось влезать в драки. У него было немало храбрости, но так как он не рос на улицах, он не подходил к вопросу драк с умом. Он цеплялся ко всем вокруг – не с Монголами, с «цивилами». А если президент дерётся, то все его прикрывают.

Роджер собрал вокруг себя группу братьев и начал тусоваться в барах, напивался и пытался начать шухер. Если с ним было достаточно людей, чтобы он чувствовал себя жёстче, чем он есть, то он вёл себя очень жестоко. Если всё выливалось в драку, то все удары получали его спутники, он выходил без царапины. Другим Монголам это не очень нравилось.

Однажды мы были в Тихуане, в клубе, где балкон на втором этаже выходит на улицу. Так сложилось, что ниже нас пили пару бритых – бандитов. Роджер решил, что будет забавно скинуть пару льдинок их ведра им на лысые головы.

«Какого хуя ты творишь?» спросил я его, когда увидел, что он забрал ведрышко со льдом.

«Кого ебёт, Док?» ответил он. «Нас тут две сотни, а их всего шесть»

Это могло вылиться в то, что нам было надо меньше всего – большая боевая зона прямо у нас во дворе. Нам и так хватало проблем с Ангелами Ада на севере; нам была не нужна заварушка с бандами здесь из-за такой фигни.

В каком-то смысле, хуже всего это было то, что однажды одна из подружек Роджера, стриптизёрша, напилась и при людях дала ему пощёчину. Нам не понравилась мысль, что люди станут говорить, что национальный президент Монголов получил удар в лицо от своей женщины. Пару недель спустя её арестовали, и она попыталась заключить сделку со следствием, что она назвала бы имена Монголов и связала бы их с теми преступлениями, которые бы захотели они на нас повесить, если бы её потом поместили под программу защиты свидетелей. Настолько ей хотелось уйти от Роджера. К счастью – куда больше для неё, нежели для нас – ничего из этого не вышло.

Примерно в то время я говорил с байкером по имени Сильвер (Рой Хилл), который хотел открыть новый чаптер в Карсон Сити, Невада. У него был хороший друг, который был Монголом, а тот человек за него поручился, но я знал, что будет тяжело. Ангелы Ада

приходили в его дом и говорили, что убьют его, если он попытается. Я сказал ему продолжать и собрать чаптер, и что мы с Роджером приедем в Карсон Сити и сделаем его с друзьями Монголами.

Сильвер нашёл людей, которые хотели тоже, Роджер, ДжейСи и я отправились туда повидаться. Мы оставались на ночь в отеле, а на следующее утро ДжейСи и Роджер встретили меня внизу. ДжейСи сказал мне, «Ничего не выйдет, Док»

Я не мог поверить тому, что слышу. «В смысле, ничего не выйдет?»

«Слишком опасно» сказал Роджер. «Что будет, если придётся закрываться, как было с Аризоной?»

Я сказал, «Нет, нет, нет», я был в отчаянии. «Погодите минуту, вы с ума сошли. Те парни преданы делу. У нас всё выйдет» Мы прошли и сели, а когда мы говорили, к нам подошёл Сильвер. Я его подозвал и попросил сказать Роджеру и ДжейСи, что он чувствует.

«Я хочу быть Монголом» незамедлительно сказал он. Они посмотрели на него и отвели взгляды, будто не знали, что сказать, а Сильвер добавил, «Если мне не позволят быть Монголом тут, то я перееду в Калифорнию и буду Монголом там»

«Вы же слышите его намерения» я почти кричал. «Вы его слышите? Он хочет быть Монголом» И опять, я спорил со своим собственным клубом, чтобы всё случилось. Я уже решил, что если мы откроем чаптер, а Сильвер не вывезет, я приеду сам с ещё парой ребят. Мы просто переедем туда и останемся там, пока всё не уляжется. Я был твёрдо намерен не дать этому чаптеру закрыться.

Наконец, они дали согласие открыть чаптер. Было жёстко. Я помню, когда мы официально открыли чаптер, я пошёл с другими Монголами отпраздновать в местный бар и несколько Ангелов Ада тоже показались там, попытавшись нас выбить. Вышла драка, и рокер одного из них оторвался в бою и исчез.

На следующий день, кто-то, не представившийся, позвонил мне и сказал, что Ангелы Ада требуют назад свою нашивку. Я сказал им, что у нас её нет. Они мне не поверили, но, как оказалось, один из офицеров правопорядка, которого вызвали на эту драку, нашёл нашивку и забрал себе, как сувенир. Его надзорные офицеры заставили его вернуть нашивку, редкий случай честности с их стороны, которая предотвратила большие проблемы, которые могли быть между Монголами и Невадским Дорожным Патрулем. Большинство из них стремятся брать «сувениры», вещи, которые принадлежат нам, кольца, зажигалки, фотографии, статуэтки и любую символику, не отчитываясь за них. В тот раз нам повезло, и он её не смог себе зажать.

Сильвер прошёл через настоящий ад. Ангелы ездили мимо его дома, выпуская пару пуль. Однажды они явились на его собственность с оружием, ему пришлось с ними бороться. Он звонил мне ежедневно, рассказывал, что было днём. «Они мастера запугивания» говорил я ему, «но они не смогут вечно это делать. Я видел, как было на севере. Сиди ровно»

Три месяца спустя, на шестерых Невадских Монголов Сильвера прыгнули четырнадцать Ангелов Ада в пригороде Рино, и Ангелы хорошо получили. Монголы оставались в Неваде. Неделью спустя был обстрелян Невадский клубхаус Ангелов Ада.

Последней каплей для Роджера было, когда мы ездили в Колорадо. У нас было пару членов клуба в Колорадо примерно лет десять, но они не носили «цветов», потому что официально туда никто не ездил – что показывает ещё раз, какое было лидерство. Им

была нужна поддержка, потому что там был сильный клуб под названием Sons of Silence, уважаемый клуб. Я связался с Терри, национальным президентом Сынов. Я сказал ему, что мы собираемся заехать, а Терри выслушал нас и ответил очень разумно и вежливо. Что-то вроде, «Не уверен, что это хорошая мысль», но мы продолжили разговор. Мы четыре или пять раз говорили по телефону, в итоге он сказал, «Слушай, Док, я это донесу до своего клуба, но прежде, чем я это сделаю, я хочу личной встречи. Личная встреча о многом говорит» продолжал он. «Во-первых, что у тебя есть «яйца», чтобы прибыть сюда, а во-вторых, что ты отвечаешь за свои слова»

Меня устроило, я считал так же. Я знал, что придётся взять с собой Роджера, но я бы придумал, как с этим справиться. Мы решили встретиться на фестивале Харлеев, который проводили на Четырёх Углах, где граничат штаты Колорадо, Аризона, Нью-Мексико и Юта.

Я отправился туда с Роджером, ДжейСи и Майком Мюнцем. Мы собирались встретиться с Терри в большом доме отдыха – много комнат и центральное здание с рестораном и баром. Нас не особенно волновал вопрос безопасности, но всегда умнее встречаться в общественном месте. Мы оставались в маленьком отеле, в нескольких милях оттуда, так что мы арендовали машину и отправились туда.

Там было полно Ангелов Ада. Пока мы ехали, мы видели их проспектов, которых они использовали, как дозорных. Они подняли тревогу ещё до того, как мы припарковались. Пока мы ехали по комплексу, мы видели Ангелов Ада, стоявших с винтовками и дробовиками в окнах. Проспекты бегали туда и обратно, оставаясь с нами, наблюдая, куда мы идём и что делаем. Там было пару сотен Ангелов.

Мы решили, «Да ну нахуй, давайте парковаться» Пришлось бы драться, мы бы стали. Мы зашли внутрь и первым мы увидели Джорджа Вегерса, главу Бандидос. Так мы выпили пивка с ним и пообщались. Затем появился Терри и оказался милейшим парнем, какого только можно представить. Мы сели и всё обговорили. Он продолжил объяснения, почему он считает, что появление наших «цветов» в Денвере плохая мысль, но он выслушал нас. Мы поняли, что ему были не нужны проблемы для его клуба, да ещё и с полицией.

В итоге он сказал, «Давайте так, вы, вроде, приличные люди, так что я не вижу проблемы в вашем здесь присутствии, но надо будет носить «Денвер», не «Колорадо» Такого не могло быть. Мы прошли войну с Ангелами за это в Калифорнии, и для основного клуба, вроде Монголов, было просто неприемлемо оставаться ниже, кого бы то ни было. Я бы потерял уважение своих членов клуба, позволь я этому произойти.

Я сказал это на встрече и повторю сегодня: Я никогда не загоню свой клуб в соглашение, которое невозможно уважать. Когда я заключаю соглашение, то я всегда думаю не только о текущем дне, но и на десять лет вперёд, двадцать лет. Думая о том, чего я хочу для Монголов, я думал, что однажды они вырастут до того статуса, что они просто не смогут принять тот факт, что мы второсортные граждане в Колорадо. Возможно, причина войны с Ангелами была в том, что некогда было заключено соглашение, ставшее бременем для будущих поколений. Если я увижу, что я ставлю Монголов в ситуацию, которая станет для Монголов проблемой в будущем, я считаю, что лучше разобраться с ней сразу, чем дать ей нагноиться. Мы сегодня воевали, потому что Номады Монголов заключили дурное соглашение вчера.

К несчастью, Роджер не понимал этой точки зрения. Он сказал Терри, «Окей, я с этим согласен» Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и кивнул, будто желал, чтобы я с ним согласился. Я подумал про себя, *Боже мой, ты долбоёб*. А ведь он был тогда трезв, просто у него не хватало мозгов думать наперёд.

К счастью, все остальные были на той же волне. Майк Мюнц встал, схватил Роджера за руку и сказал, «Пойдём, поговорить надо» Затем он стащил Роджера со стула и увёл от стола. Майк большой парень. Если он хочет, чтобы ты пошёл с ним, то трудно ему отказать. Если вы спросите меня, стоит ли так обращаться со своим национальным президентом, я бы ответил, что это необходимо, если он делает что-то, не во благо клуба.

Я обернулся к Терри, который был в некотором удивлении, и сказал, «Слушай, братан, мы прошли войну с Ангелами Ада. Мы не перед кем не отступили. Мы всё выплатили сполна в этом мире. Мы что, не основной клуб?»

«Док, я о вас знаю. Вы серьёзные люди»

«Ну, ты же не станешь основные клубы просить о таком. Зная о нас то, что ты знаешь, как ты можешь просить нас принять рокер города?»

Терри остановился и глянул на меня, а затем сказал «А знаешь что, Док? Ты прав. Дай мне всё это передать клубу» Я согласился, и мы пожали руки.

Я не в курсе, что Майк Мюнц сказал Роджеру. Мы об этом не говорили, но думаю, что догадываюсь. В общем, я устал от Роджера. Он принимал хуёвые решения. Когда мы вернулись в Калифорнию, я сел с ним и начал разговор с ним об этом. Я сказал ему, что мне плевать на его титул, уговор был о том, что я и ДжейСи будем руководить клубом. Он возразил, что он является национальным президентом, не я, а я ответил, что мне похуй. Если он собирался всё и дальше портить, то я хотел, чтобы он оставался в стороне от принятия решений. «Сосредоточься на халяве, Роджер» сказал я. «Дай людям ставить тебе выпивку или ещё что, пусть на тебе виснут девушки и наслаждайся. Но если ты продолжишь всё портить, то мне придётся с этим что-то сделать»

«Ты мне угрожаешь, Док?»

«Я напоминаю тебе, что члены клуба, голосуя за тебя, знали, что голосуют за меня и ДжейСи. Если я скажу им, что ты стал проблемой, они не будут рады. Им придётся решать вопрос»

Роджер затих, но было очевидно, что он не доволен. Мне было плевать. Но я кое-что усвоил. Лучшим лидером является тот, кто приходит к этой работе, уже имея уважение и восхищение своих людей. Его не прельщают девушки, которые на него кидаются, или люди, дающие ему что-то бесплатно, которые говорят ему, что он всегда прав.

С неделю спустя мне позвонил Терри. «Док, всё на мази. У вас официально есть чаптер в Колорадо» *Хорошо для него, подумал я. Он умный мужчина и лидер, заслуживающий своего уважения.*

Мы отправились туда на официальную церемонию вручения нашивок, и произошло нечто интересное. Мы отправились на обед, за день до встречи, а пока мы сидели, зашёл Сонни Баргер, во всём своём антураже. Проходя мимо моего стола, он кивнул мне. Мы рискнули и ставка сыграла. При первой схватке в Сан-Хосе их было сто к одному, но если ты не делаешь что-то стоящее, уважения не получить. И твой клуб никогда не будет иметь смысла.

Год, начавшийся столь хорошо, перешёл в ещё один сложный. Мы достигли большого прогресса, но я всё ещё чувствовал, что я иду сквозь песок. Каждый два моих шага вперёд заканчивались одним шагом назад. Огромным скачком назад стал инцидент в Казино Моронго.

Один из наших членов клуба, Рик Слэтон, был участником в Ultimate Fighting Championship, одно из вариантов боёв, где соперники могут делать друг с другом почти всё, что угодно. Есть пару движений вне правил, но не очень много, и это не постановочные шоу, как в матчах реслинга. Одним из больших событий той серии был бой, проходивший в Казино Моронго, которое в двадцати милях к западу от Палм Спрингс, естественно, много Монголов хотели посмотреть бой Рика. Это было больше событие. Нас было много, прямо у ринга, подбадривали Рика, мы отлично проводили время, наблюдая за боем. Затем Слэтон получил предупреждение за удар ниже пояса. Мы не возражали против слов судьи, но некто на сидениях позади очень рассердился тем, что сделал Рик и начал кидать на ринг свои напитки. Разумеется, нельзя бросить воду, не разлив всё вокруг, так что всех Монголов забрызгало. Всё стало совсем плохо. Без верного руководства, началось полное месиво. Естественно, Монголы выдали всем по - полной, так что казино вызвало полицию. Было порядка сотни копов, согласно газетам, некоторые были вооружены винтовками M16.

Этого беспорядка бы не случилось, если бы лидер, поставленный во главе что-то сделал. Даже Рик с ринга орал, чтобы все прекратили драться. Несколько человек получили ранения, нескольких Монголов арестовали. Это было во всех новостях. Это было глупостью. Я не позволил бы такой драки, я бы попытался заставить людей подумать о своих действиях, чтобы президенты чаптеров подумали о последствиях. Но я не офицер полиции, чтобы гоняться за членами клуба, говоря им что делать, а что нет. Сегодня я всё ещё пытаюсь всех заставить себя контролировать; всё время я говорю, «Слушайте, туда идти не обязательно. Всё, что случится, будет касаться клуба. Подумайте об этом»

Из событий в Моронго я вынес урок, и поклялся, что всё будет исправлено. Но, на самом деле, вещи стали только хуже.

Лафлин.

Одно из самых больших событий в байкерском мире в году – это ежегодный пробег в Лафлинские казино, Невада. По какой-то причине, так сложилось, что именно там все клубы встречаются весной. Это начали дилеры Харлеев в 1983 году, в первый год приехало четыре тысячи райдеров. Затем всё продолжило расти. Газеты заявляли, что от сорока до восьмидесяти тысяч байкеров могут явиться туда. Думаю, Неваде с этим надо что-то делать. Не просто промоутерам и казино, а всей Невадской культуре. Законы об оружии проще, законы о вождении легче, и там ты посреди пустоты, прямо на самом южном краю Невады.

Обычно городок становится нашим на круглосуточную вечеринку с четверга до воскресенья. Город – всего лишь дорога, с казино на одной стороне, рекой Колорадо на востоке и пустотой к западу. Годами определённые клубы занимали определённые отели – клуб едет в тот же отель ежегодно, так что все в курсе, что это их отель. Монголы всегда останавливались в отеле Риверсайд Резорт и Казино, который на севере дороги. По соседству стоит Фламинго (сейчас называется Аквариус), который всегда был отелем Ангелов. Я знал, что будут проблемы.

К 2002 году, весь мир знал, что между нами и Ангелами есть тёрки. Весь мир, включая правоохранителей. Многие между нами произошло за прошедший год или около того. Было Благословение Байков в Сан-Хосе и усиление чаптера Сан-Хосе Монголов. Ангелы были в напряге, из-за роста Монголов, так что между Монголами и Ангелами бывали стычки. Когда бы мы ни ехали в большой численности, даже по своей домашней территории, полиция всегда была рядом, в большом количестве, на байках позади, чтобы на нас давить.

Так что казино, клубы и полиция, все были в курсе о проблемах, и вы можете представить, в каком состоянии тревоги была полиция в Лафлине в 2002 году. Все знали, что есть шанс серьёзных проблем. В Лос-Анджелесе нас предупредили, что в Лафлине в этом году будет множество полиции на праздники. То есть, все – местная полиция, полиция штата, АТО, ФБР, кого бы вы ни вспомнили, все были там.

Я сломал себе весь мозг, думая, как бы остудить ситуацию. Всё опять свелось к менталитету банд, когда одна сторона что-то делает, а вторая отвечает, что продолжается до бесконечности, пока кто-то не умрёт, а полиция уничтожит жизни всех остальных. Так что я работал с главами многих основных клубов – Outlaws, Bandidos, Vagos, с другими – пытаюсь устроить большую общую встречу, чтобы всё проработать так, чтобы больше не было проблем, как в прошлом. Даже Ангелы Ада должны были бы присутствовать на этом мероприятии, хоть я и не успел ещё с ними связаться. Это должно было быть нечто, чего ещё не делали, но я лишь думал, что всем сэкономлю покой, деньги и боль. Когда мы уезжали в Лафлин, я был близок к мысли, что всё выйдет.

После Моронго, последнее, чего я хотел, это новых историй о том, что Монголы избивают людей и вызывают беспорядок. У нас был чаптер в Сан-Хосе, так что у нас было за что стоять. Идея была в том, чтобы держаться подальше от Ангелов, пока чаптер не устоится, и Ангелы не остынут. Роджер месяцами был проблемой, так что стратегию на эти выходные планировал я.

Я решил, что впервые в нашей истории, вместо Риверсайда – прямо у дверей сотен Ангелов Ада – мы отправимся в противоположный край дороги. Это был Харрас. Но Харрас не только расположен в противоположном конце дороги, но и находится в большой низине. Надо съехать вниз с основной дороги, чтобы доехать до входа и парковки. Я полагал, что мы так никаким образом не пересечёмся с Ангелами, оставаясь в Харрас.

Дальше, я подумал о том, как туда добраться. Большая часть клубов едет в Лафлин по Пятнадцатой Трассе. Так что практически неизбежно мы пересеклись бы с Ангелами Ада по пути, а поскольку там всего пара мест, где можно заправить бак и поесть, мы точно столкнулись бы с Ангелами там. Помните, мы собирались двигаться колонной в минимум сто, максимум двести байков. Это было бы как прятать слона. Не то, чтобы мы их боялись; мы просто пользовались своими мозгами – война с Ангелами могла только навредить нам и Сан-Хосе.

Так что мы решили, что поедем в объезд – по Шестидесят второй трассе на восток, пока не свернём на севере Девяносто пятого шоссе Невады. Это мало используемая дорога, чего нам и было надо, но она в, большей части, гравийная. Если вы сами не ездите, то и представить не можете, как тяжело ехать по гравию на мотоцикле. Если только ты не впереди, это как настоящий бой. Жарко, сухо и ты пытаешься увернуться от ям, которые в паре футов от твоего байка. Тебя бьёт гравий на скорости 60 миль в час, в то время, как ты едешь навстречу ему с той же скоростью. Я ощущал себя как те парни, на Второй Мировой войне в танках, в пустыне Сахара.

Когда ты едешь по трассе таким количеством байков, особенно по плохой дороге, надо быть очень дисциплинированными. По всей колонне у нас есть дорожные капитаны. Каждые пять-шесть байков у нас есть капитан, есть в начале, середине и конце колонны. Дорожные капитаны удерживают колонну вместе, следят, чтобы все ехали ровно. Все они на связи, с помощью сигналов руками. Показывают, когда тормозить, ускориться, быть осторожнее, поехать влево или вправо. Это очень напряжно, ведь нельзя остановиться и поехать, и ты не можешь толком общаться, только жестикующией и воплями в большом количестве, которые всё равно никто не слышит из-за рёва байков. Ты знаешь, что есть опасность, но не можешь просто крикнуть, «Аккуратнее!» Другая часть работы капитанов

в том, чтобы следить за какими либо препятствиями. Они едут, образно говоря, везде и всюду, если есть проблема с механикой или байк ломается, это тоже их работа.

Всё отлично прошло, несмотря на жалобы об условиях, которые я мог понять, даже если и знал, что это было необходимо. Мы проехали весь путь без кронфронтаций с кем-либо. Мы приехали в Лафлин в четверг, с юга, там нет ни казино ин байкеров, мы заехали в казино на противоположном от Ангелов Ада конце городка. Многие ребята хотели проехать по главной улице до Фламинго, но я сказал им, что это не в планах на эти праздники.

Но, разумеется, Ангелы Ада уже начали искать нас и выяснили, в каком мы отеле. Когда мы прибыли в Харрас, там было четверо или пятеро Ангелов Ада неподалёку. Вероятно, это была разведка, но тут же начались словесные перепалки и споры, которые я тут же пресёк. Я отвёл Ангелов Ада в бар и сказал, «Дайте поставить вам пивка. Нам тут проблемы не нужны. Расслабимся» Мы говорили несколько минут, пока все не остыли и я очень понятно им изложил свою позицию, что мы не ищем драки, что мы не желаем с ними пересекаться. Если были какие-то непонятки, мы стали бы защищать своим членом клуба, но мы собирались оставаться в Харрас, так что это было бы просто нереально.

Я весь следующий день провёл в тревоге, смотрел за всем и всеми. Полиция была всюду, на парковке, ездили по улице, на лошадях, байках, машинах и джипах. Рубен Младший был там со мной, помогал с охраной, но большинство членов клуба там просто тусовались и хорошо проводили время. Пару наших ребят приглядывали за байками, у них были рации, но там было много байков и много народу всюду.

Пятница прошла нормально. Отель предоставляет полный пакет и всё, что надо байкерам. Есть бар и ДиДжей, танцпол во дворе отеля, так что можно просто тусоваться самим по себе. Там были наши женщины, погода была отличная, мы прекрасно проводили время.

Вечером субботы мы все были во дворе, когда Роджер решил, что нам надо сходить в другое казино. ДжейСи и я попытались сказать ему, что это плохая идея; если все разбредутся, что тяжело будет их контролировать. Я со всей убеждённостью говорил, что у нас и здесь есть всё, что надо. Я даже подошёл к управляющему, и он согласился, чтобы Диджей работал, а бар был открыт, пока мы готовы платить. Двести Монголов потратят много денег, так что менеджмент был доволен, как и мы. «Роджер, давай останемся тут. Мы сделали всё так, что отель всё нам предоставит. Зачем ещё куда-то идти?»

Но, разумеется, он был в своём состоянии «главного в движухе», да и выпил много, так что он был полностью уверен, что он действует в рамках плана. «Не, не, Док. Мы Монголы, так что идём, куда хотим, когда хотим» Я не мог не пойти в такой ситуации, ведь я Монгол, и если мои соклубники идут, то иду и я. Кроме того, я знал, что нужен кто-то, кто присмотрел бы за всем. С таким настроением Роджера могло случиться всё, что угодно, вероятнее всего, ничего хорошего.

Мы вошли в соседний клуб, Палмс. Большая часть членов клуба пошла на вечеринку, но я остался снаружи с Виктором, членом клуба Бандидос, всё наблюдал и осматривал. Пока мы были там, ко мне подошли полицейские. В то время ночи полиции было ещё больше, чем днём, они постоянно ездили по улице туда-сюда. Те копы не были дружелюбны, но и не вели себя так, будто мы уже совершили преступление. В конце - концов, почти половина бюджета города поступает от байкеров, которые приезжают на праздники, полиция хочет обострять ситуацию не больше, чем владельцы казино. Так что они сказали, примерно следующее, «Мы очень озабочены тем, что вы ушли из Фламинго. Мы бы этого не хотели»

«Слушай, парень, мы никуда не пойдём» сказал я как можно более разумно. «Это самое невероятное, что может случиться. Мы тут не для проблем. Я на эти праздники планирую всех держать в пределах вне улицы»

Я полагаю, что они были убеждены, потому что они отошли, но была проблема в казино. Кто-то из «цивилов», получил от Монгола, по крайней мере, мне так сказали. Наконец, я всех вернул в Харрас, но я всё больше расстраивался. Я знал, что это глупая ошибка. Если бы Роджер просто делал всё по плану, ничего бы не случилось. Мы отлично и сами проводили время отлично; неожиданно мы оказались снаружи, и влезли в конфликт. Я намеревался стать ещё более внимательным.

Мы вернулись, вечеринка продолжилась. Сразу после полуночи или около того, часть членов клуба начала вырубаться, из-за долгой поездки. Вечеринки Монголов легко проходят сутками, но некоторые ребята уже в возрасте, у кого-то жёны или ещё какие причины. Как бы то ни было, примерно половина клуба поднялась в свои комнаты, чтобы лечь спать. Примерно в то время охрана отеля подошла к Роджеру и сказала, «Мы планируем обыск ваших людей, так что пусть уберут в номера своё оружие»

Отели в курсе, что чем дольше идёт ночь, тем больше шансов на проблемы. Проблема нам тоже известна, или, как минимум, мне. Я знал, по своим старым дням с бандой, что никогда не стоит оставаться беззащитным. Может, ничего и не произойдёт, но может и наоборот, что окончится смертями. В Казино были и «цивилы», там же были и наши женщины и молодые члены клуба – включая Рубена Младшего, которые всё равно бы от меня не ушёл. Я не хотел, чтобы они пострадали.

Но у Роджера не было такого опыта, так что он сам себя назначил на ту ночь принимающим решения. К несчастью, решение Роджера было в согласии, как всегда. Он велел Кёрли, которого зовут Кен Дайстарт, пройтись по всем и передать им, чтобы они спрятали оружие в комнаты. Многие ворчали и жаловались. «Нет» сказал Роджер, «надо их убрать, потому что они будут проводить случайные обыски. Могут отобрать то, что найдут» ребята знали, что прямому приказу президента надо подчиняться. Некоторые из них, кто прожил похожую на мою жизнь, оставили оружие. Они не хотели начинать проблемы, но хотели иметь возможность их закончить.

Роджер был полон ощущения безопасности, из-за толп полиции на улице. Он считал, что даже эти копы не настолько некомпетентны, чтобы не заметить Ангелов Ада, идущих к нам. Он думал, полиция сделает то же самое, что и с нами – подойдёт к Ангелам и попробует заранее всё предотвратить. «Я не переживаю» сказал людям Роджер. «У меня при себе ничего нет, но я окружён копами, которые мне говорят, что не желают нас видеть в том отеле. Думаю, они и в другой стороне делают то же самое»

Кроме того, казино – самое осматриваемое место в мире. Камеры повсюду. *Повсюду.* Нельзя и двинуться в казино, чтобы не попасть на камеру. Ангелы должны были бы быть просто безумными, чтобы начать что-то в казино.

И вот, мы были там, человек тридцать или сорок, в большей часть, безоружные и хорошо проводили время. Помещение Харрас является кругом из игровых автоматов и столов для карт, вокруг Роза Кантина, который является большим баром, вокруг которого есть стены и небольшим стоячим баром спереди, где можно взять напитки с собой. Напротив бара есть касса. Я сидел у игровых автоматов, говорил с парой девушек, когда я глянул на вход.

В дверь вошёл Ангел Ада.

Я перестал играть, пока я глядел, вошло ещё несколько. Той ночью в Харрас были Ангелы Ада, они словесно цеплялись к нашим ребятам. Но мы смогли всё разрешить спокойно. Но эти выглядели иначе. Они не пошли к столам для бильярда или игровым автоматам. Кроме того, я видел оружие в их руках, даже не скрытое за пояса. Некоторые из них держали пистолеты в руках, перед собой, одна рука на оружии, вторая его закрывает, у некоторых были банданы поверх рук. Другой был с молотком, ещё один тоже с пистолетом. Не надо быть гангстером или гением, чтобы понять, что если кто-то входит в казино при оружии, зная, что там есть камеры, то он идёт не фигнёй страдать. Они собирались этим оружием воспользоваться.

В ту же секунду я связался со всеми по телефону. Если нажать определённую клавишу на телефоне, то происходит рассылка главе каждого чаптера. «Мне нужен каждый человек немедленно. Берите оружие» Я знал, что люди выпрыгивают из кроватей и бегут к лифтам. Это не заняло бы долго, но несколько минут бы ушло.

Я внимательнее посмотрел на тех Ангелов. Они ошивались у бара, выпивали, взгляды у них были стеклянные, сосредоточенные. Было очевидно, что они под метом или чем-то таким. С такими людьми не договориться. Я стоял там, а ко мне подошёл Роджер и сказал, «Что думаешь? Я думаю, надо попробовать всё разрулить» в том смысле, что он смог бы разрядить ситуацию. Обычно я бы тоже так попытался, но в тот момент я не особенно думал, во мне говорили инстинкты гангстера: *Если не выйдет, их больше, они вооружены, а мы нет и мы – покойники.*

Всё во мне, весь мой жизненный опыт говорили мне, что это так просто не уладить. Было два часа ночи, эти парни сюда пришли устроить заварушку, они не думали об ином. Я сказал Роджеру, «Не, сиди ровно, ты глянь на них. Они тут не за разговорами. Они пока не нападают, так что дай ещё пару минут, пока остальные не подтянутся»

С наличием большего числа Монголов рядом мы получали два варианта: с одной стороны, мы говорили бы с позиции силы, так что у нас был большой шанс избежать проблем. С другой стороны, если эти тупоголовые не желали мира, мы бы могли их раздавить. Очевидно, что мир лучше войны, но я бы сказал вам не правду, заяви я, что желал мира любой ценой. Если бы они не пожелали мирного исхода, я бы прыгнул на них.

«Пойдём, побазарим с ними» сказал Роджер.

«Нет. Роджер, они под кайфом. Они проблем ищут. Там не о чем говорить»

«Надо что-то сделать, пока не поздно»

«Уже поздно, Роджер. Посмотри, они под кайфом, у них в руках оружие, им хочется драки. Нам нужны люди, все и сразу, чтобы встретить тех парней» Но он не был в трезвом уме, чтобы видеть очевидное. Мы спорили, но надо было решать быстро, потому что Ангелы Ада всё быстрее и больше заходили в казино. Роджер просто сказал «Иди нахуй» и пошёл к Ангелам Ада в бар. Роджер попросил Пампера и ДжеяТи пойти с ним и прикрыть ему спину. Я оставался с ним, но когда мы подошли к Ангелам Ада, двое Монголов, один из них был сержантом по оружию, начали спорить между собой. Один орал, «Уйди назад», а второй говорил, «Пошёл нахуй», они вот-вот сцепились бы.

Я остался там. Я не хотел междоусобной драки, но я остановился не только поэтому. Я знал, что то, что делает Роджер, не есть умный шаг. Я был практически уверен, что кого-то подстрелят или порежут, а мне было надо организовать людей. Генерал должен знать, как командовать и как расположить солдат в самой выгодной позиции для боя. Заставлять солдат прыгать с обрыва просто потому, что ты – главный – глупость. Я хотел подождать, пока у нас будет достаточно оружия – чтобы дать отпор Ангелам, если те нападут.

Роджер подошёл и положил руку на одного из Ангелов Ада, в дружелюбной манере, давая понять, что он хочет всё решить. Его намерения были хорошими, но его подход был абсолютной глупостью. Он начал разговор, но Ангелы были не особенно дружелюбны. Они пытались его спровоцировать. Я стоял возле него, рядом с игровым автоматом, оглядывался.

Я видел, что Кьют встал у кассы, справа от меня. Его приятель Коротышка был недалеко. Коротышка так же опасен, как Кьют, обычно он носит с собой два пистолета сорок пятого калибра. Будь мы на Диком Западе, он стал бы «скорострелом». Он не любит проблемы, так что именно к нему надо идти, если есть проблема, которую ты не можешь решить. Той ночью он сдал только один пистолет, когда Роджер велел всем сдать оружие. Другой Монгол, по прозвищу Бронсон, он был похож на актёра Чарльза Бронсона, был левее меня на несколько футов. Между нами и Ангелами не было ничего, кроме Роджера.

Роджер пытался секунд тридцать выработать мир, но тем временем один из Ангелов обошёл за углом маленький бар и ударил ногой Монгола в грудь. Немедленно начался пиздец. Ангелы достали пистолеты и ножи. Они схватили Роджера и начали его резать в спину, буквально. Он упал. Я обернулся, чтобы зайти за игровой автомат, как только я это сделал, Монгол, стоявший рядом, достал пистолет и начал ответный огонь. Я ощущал, как пули летят возле уха, я быстро нырнул вниз. Я понимал, что другой Ангел целится в меня. Они знали, кто я такой.

Пули неожиданно засвистели всюду, и казалось, это будет длиться вечно, хотя прошло лишь тридцать или сорок секунд. Бронсон сразу же получил удар ножом и лежал на пору, страдая. Коротышка получил пулю и удар ножом, но он вытащил пистолет и стрелял в ответ. Кьюта схватился за опору у клетки кассира и получил пулю в живот, как только её поднял. Пятеро Ангелов гоняли одного из наших, загнав его в нишу, они начали его избивать. Всё случилось так быстро, что я бы этого не знал, если бы не видел записи с камер охраны казино.

Двое Ангелов и один Монгол, Бронсон, умерли на полу той ночью. Была бы просто бойня, если бы не несколько Монголов не подчинились приказам Роджера.

Как раз тогда, когда все, даже с пистолетами, начали искать укрытия, и стрельба прекратилась, зашла полиция. Охрана отеля вызвала их, когда Ангелы всё ещё бродили. Подожди Роджер пару минут, вошла бы полиция и всё бы остановила до начала. Я не рассчитывал на это, но если бы он просто подождал две минуты, Лафлина бы не случилось.

За полицией сразу вошли медики. Тринадцать человек отправились в больницы, в том числе шестеро Монголов, девять из них с тяжёлыми травмами. Некоторых из них доставили в травматические центры. Кто-то отправил Роджера в такси до местной больницы, оттуда его воздухом перевели в Аризонскую больницу. Весь отель был закрыт, как только началась стрельба, полиция отделили всех – Монголов в одно помещение, Ангелов – в другое, свидетелей – в третью, чтобы всех опросить и просмотреть видеозаписи с камер казино. В ту ночь не арестовали ни одного Монгола, но несколько Ангелов были задержаны.

Лафлин всё испортил. Всё перемешалось. Во-первых, мы потеряли хорошего человека и у нас были тяжелораненые люди. Эта боль никогда не пройдет полностью. В целом, драка случилась из-за того, что наш клуб зашёл на их территорию, но когда всё было сказано и сделано, мы оставались с Сан-Хосе. В чём польза от гибели людей? Что Ангелы Ада приобрели, придя в наш отель?

К тому же, у правоохранителей теперь было видео, которым они могли показать общественности, что Монголы просто звери. Полиция считала нас преступниками и общественной опасностью, а теперь за это говорили ещё и заголовки. Многие ранние репортажи в газетах и всюду утверждали, что драку начали Монголы, как и в Моронго. К такому заключению легко прийти, поскольку всё случилось в нашем отеле.

Газета Лас-Вегаса цитировала заявление полиции, «У нас есть данные, что Монголы намеревались ещё больше раздуть свой статус, напав на членов клуба «Ангелы Ада» Это была полнейшая чушь, но средний человек думает, что мы только и ищем повода для драки, так что когда Ангелы Ада вошли, мы тут же на них прыгнули. Газеты раздували шумиху, что это первое массовое убийство в казино с самого 1931 года. Все предрассудки против нас вернулись в полной мере.

Разумеется, идея встречи с главами всех клубов просто испарилась. Дело было не в насилии, ведь мотоклубы в курсе, что такое случается, но вся атмосфера была отравлена. Различные клубы начали принимать стороны между нами и Ангелами, что лишь укрепило противоречия между всеми и всюду были напряги.

Были ещё аресты и суды, которые всё шли и шли. Полтора года федералы расследовали происшествие – против Ангелов Ада. Они всё пересматривали записи снова и снова, всех допрашивали, кто там был, и решили, что Монголы действовали из самозащиты.

Но затем все в Неваде стали вооружаться, потому что всё ещё была идея, что мы злодеи – близ Аризоны, цитадели Ангелов Ада. Так что два года после этих событий, штат Невада выдвинул обвинения в убийстве против Коротышки и Роджера. Вы верите сами в это? Роджер, который получил несколько ножевых сразу же, встал и начал нападать. Это ещё один пример, почему мы считаем, что очень трудно уважать систему правосудия. Кроме того, были обвинены те же семеро Ангелов, которых подозревали и федералы.

Тремя неделями позднее туда же попали Кюрли, Педро «Пайпер» Мартинез, Уолтер «Бампер» Рамирез, и Бенджамин «Секрет» Ливайа, с ещё несколькими Ангелами Ада. Затем, в 2006 в верховном суде Невады были сняты все обвинения по техническим причинам и адвокаты штата были должны переписать обвинительные заключения. Ещё несколькими месяцами позднее, Ангелы пошли на сделку со следствием. В итоге, пять с половиной лет спустя, Коротышка согласился признать вину за выстрел и убийство двух Ангелов, а остальные ребята сознались в различных обвинениях по нападению и избиению. Даже Роджер. Кюрли пришлось признать вину в том, что он выстрелил в стену из пистолета.

Разумеется, это было лишь пять лет расстройств и кучи бумаг, это так же были пять лет счетов, залогов и оплаты адвокатов. Залог за Коротышку составил шестьсот тысяч долларов и за остальных примерно так. Мы наняли Коротышке лучших адвокатов, не просто крючкотворов. Всё пошло из фонда, собранного на юристов, ещё одна моя идея. До того, ты был сам по себе, если тебя арестовывали за что-то, если ты носил «цвета». Я решил, что так вернее. Вот были ребята, которые защитили клуб, кто рискнул жизнями за клуб, так что они заслуживали лучшей защиты, что мы могли бы им дать.

Мы просили у всех повышенные взносы. Взносы клуба зависят от нужд клуба в определённый месяц или год, но обычно это пять - десять или пятнадцать долларов в неделю. И передать не могу, как я гордился, когда пришло время защищать наших братьев в Лафлине и мы просили ребят о взносах в триста в месяц и четыреста в следующий, и так далее, несколько месяцев. Вот были парни, которые еле сводили концы с концами, у которых были семьи и работа, а они всё равно приходили и выкладывали на стол свои тяжёлым трудом заработанные деньги. Некоторые наши члены богаты, но большая часть из них не имеет особенно много свободных денег. Это им не важно. Их нельзя не любить,

даже если ты не одобряешь их образ жизни – эти парни поражают своей сплочённостью, верностью тому, во что верят, своему миру. С этими деньгами мы собрали лучшую команду адвокатов.

Были и потери, которые таковыми и не являлись. После Лафлина, ко мне подошли трое и сказали, что больше не хотят быть в клубе. Они не понимали, чем это грозит, сказали они мне, но это значит, они просто не понимали, что значит быть Монголом. Я был рад. Им было хорошо в простое время, но ни не выстояли в трудные времена, так что они не были настоящими Монголами. Ещё хуже было, когда некоторые решили вернуться, после того как шумиха в прессе улеглась. Я просто сказал, «Это хуйня. Даже не пересекайтесь со мной больше никогда»

Некоторых из этих неудачников вы можете видеть на ТВ – за скрытыми лицами и изменёнными голосами, жалующимися на меня и Монголов. Я знаю, кто они такие, каждый из них вышел из клуба. Все они злятся на меня, потому что думают, что, возможно, другой национальный президент будет с ними помягче и примет их назад. Некоторые отправились к Мексиканской мафии и сказали им, как можно меня достать. Кто-то отправился к полиции и выдал всю информацию обо мне. Я это знаю точно. Они всеми путями пытались меня устранить, надеясь, что когда-то у них появится путь назад. До тех пор, пока у меня есть с клубом хоть что-то общее, эти люди никогда, ни за что не вернутся назад.

Так что Лафлин навредил всеми возможными способами, я всё ещё временами просыпаюсь и думаю, сколько было потеряно, как всего этого можно было избежать. И чем больше я думаю, тем больше задумываюсь, как это вообще не было предотвращено. Если призадуматься, то всё не сходится. Вот маленький городок – буквально в одну улицу – который был просто наводнён правоохранителями всех видов. Как только мы вышли из Харрас, в пятницу вечером, нас просто окружили копы, примерно сотней. ДжеСи и я считали, что то же самое и во Фламинго. В смысле, понятное дело, что копы не могли поймать двух-трёх Ангелов, желавших выскользнуть в Харрас, но там было не два или три.

В суде местный коп по имени Смайтли заявил, что когда он вернулся из Харрас, он подходил поговорить с Ангелами во Фламинго и попросил их оставаться там всю ночь. Лидер Ангелов Ада, по словам Смайтли, сразу начал возмущаться и сказал, «Мы выбрали жизнь вне закона, мы собираемся продолжать жить так, нам не нужна полиция, мы сами себе полиция. Нам похуй, что вы делаете, мы сделаем всё, что потребуется, чтобы себя защитить» Нужен ли был лейтенанту Смайтли более ясный сигнал о том, что Ангелы ищут проблем? Один из копов, бывших с ним, заявил, что Ангелы «были очень агрессивны. Казалось, что им и правда плевать, что мы офицеры полиции при исполнении»

И есть ещё нечто, что я не понимаю. В Харрас камеры есть не только внутри, но и снаружи, направленные на вход в здание. Если посмотреть запись, то видно обычные машины и людей, прибывающие и уходящие из отеля, ещё несколько Монголов. Затем видно полицейскую машину – полицейский джип – проезжающий мимо входа к парковке. Пять секунд спустя – время на плёнке – первый Ангел Ада тормозит у Харрас, в своих «цветах». Не просто два или три человека, а пятеро. А за ними ещё столько же.

Разумеется, я не полагаюсь на правоохранителей в вопросе защиты Монголов, мне просто интересно, чем они занимались. Копы в том джипе не могли не знать, что позади едут Ангелы. Помните, надо съехать с главной улицы, чтобы по проезду добраться до входа в Харрас. Почему этот джип не встал у входа?

На суде, офицеры из Подразделения по Борьбе с Бандами Лас-Вегаса показали, что они видели Ангелов Ада по пути в Харрас, большой группой и тут же поехали в казино, «но буквально на минуту потеряли их след» От Фламинго до Харрас полторы мили. Почему было не радировать вперёд? Почему не предупредили казино?

И не только это, позднее мы выяснили, что у Ангелов была пара внедрённых копов во Фламинго и они были рядом, когда Ангелы уже собирались в Харрас.

Но несмотря на всю подготовку, все эти правоохранители упустили тридцать или сорок Ангелов Ада, что те доехали через весь город к нам при оружии и начали стрельбу. Кто-нибудь мне это объяснит?

Никто об этом уже не узнает. Помнить будут, что Монголы – кучка кровожадных убийц. Станете ли вы винить меня в том, что я горжусь Коротышкой? Что я горжусь каждым братом, кто стоял там насмерть против большего числа вооружённых Ангелов Ада и отбились от них? Я не такого исхода хотел бы для этой ситуации, но раз уж так вышло, я всё ещё скажу, что я точно доверю свою спину скорее Монголу, чем кому-то ещё.

Наше собственное место.

После Лафлина было столько последствий, что я не мог отдыхать, даже желай я этого. После окончания событий, домой мы ехали все вместе. Это было не спланировано, но надо было отдать должное ребятам, они всё сделали как надо, даже если и чувствовали себя херово.

Были и несколько странных инцидентов уже после Лафлина, которые так и не нашли объяснения. В ночь стрельбы в Харрас, полчаса спустя после начала стрельбы, на выезде был убит Ангел Ада. Причины не известны. После Лафлина несколько Ангелов Ада были убиты в Аризоне, в барах. Разумеется, мы не имели к этому никакого отношения, но все винили в инцидентах нас. Когда я вернулся в ЛА, я пообщался с Сонни Баргером и Джорджем Кристи²¹, другим лидером Ангелов Ада. Баргер сейчас во многом отошёл от дел – у него был рак горла и он переехал в Аризону²² – но у него и Кристи было влияние. Мы пытались решить вопросы, только и всего. Мира не было.

Несколько недель спустя событий в Лафлине, Кьют должен был вернуться в Лос-Анджелес, но мы получили информацию, что будет попытка его убийства на шоссе, по пути домой. Я не собирался давать таких возможностей, чтобы лишили Кьюта жизни. Он всё ещё был в реанимационном режиме, но его могли отпустить к семье. Я связался с его женой и мы придумали план, как его безопасно привезти в Лос-Анджелес.

Мы одолжили передвижной трейлер у Монгола по имени Грампс и переделали его так, чтобы Кьют мог доехать как можно удобнее через пустыню и юг. Я так же нашёл официальную медсестру, Марту Флорес, которая поехала с нами, чтобы с Кьютом всё было в порядке по пути.

Я ещё добавил один трюк, который я вынес из изучения военной тактики. Передвижной дом медленный и неповоротливый, как бомбардировщик. Бомбардировщики обычно летают с истребителями сопровождения, которые могут маневрировать вокруг них и

---

²¹ Был президентом чартера Вентура, в 1984 году нёс Олимпийский огонь, уже будучи членом клуба. В 2011 году вышел из клуба. По его словам, по телефону ему сообщили, что его статус изменён на «out bad» и стоп - контакт. Сам он заявлял, что это происки Баргера. Сейчас является вместе с дочерью консультантом для преступников в заключении, а также консультирует СМИ по вопросам преступных групп. Именно при нём в отдельно взятой Вентуре установились вполне терпимые отношения между Ангелами и Монголами.

²² В 2017 году прошла информация, что Сонни решил вернуться в свой оригинальный чартер Оукленд, в котором он начинал лет шестьдесят назад.

защитить их от атак других истребителей. Так что я добавил Камаро в сопровождении всей группы. Он мог бы ездить вокруг и защитить нас, в случае нападения.

Жена Кьюта подобрала его из больницы в своей машине, мы смотрели издали постоянно. Но она доехала буквально до соседней улицы, где стоят мобильный дом. Мы перенесли его туда и отправились домой. Мы были в полном вооружении – винтовки, дробовики, пистолеты, всё легально – и каждый раз, когда с нами ровнялся минивэн, мы проверяли оружие в машине. Мы предупредили водителя, чтобы тот уворачивался, если заметит, что открывается окно. При первом же виде стровла оружия мы бы изрешетили пулями машину. К счастью, никто не предпринял попыток напасть. Кьют полностью выздоровел.

После Лафлина пришло время новых выборов. Как мы и делали пару лет, мы сняли зал для встреч – нам нужно было место. Теперь, когда я уже имел пост национального офицера, мне не надо было ничего представительства – к чёрту правило пяти лет. Сколь бы ужасен не был Лафлин, я был намерен больше, чем когда-либо сделать Монголов величайшим клубом Америки. Эти ребята меньшего не заслужили.

С момента Лафлина Роджер на самом деле не особенно исполнял обязанности президента. Даже после своего восстановления после ножевых ранений, он не появлялся, не помогал со взносами – даже не ходил на сборы денег. Тем не менее, его выдвинули. Клуб был в ярости, что он приказал убрать оружие в Лафлине и был к нему безжалостен. Из сотен голосов он получил всего два, один из них – его собственный. Понятия не имею, кто был его приятель – вероятно, тот, кто его и выдвинул – и это хорошо. Иногда моя плохая память служит добрую службу людям. Вроде бы, меня выдвинул Майк Мюнц, но мог быть и ДжейСи. Я точно не помню, но был громкий рёв одобрения, когда он это сделал. ДжейСи стал моим национальным вице-президентом.

У Роджера всё стало хуже, но это уже его собственные дела. Есть чёткое правило, мы не дерёмся со своими же членами клуба на собрании. То есть, драки в любой момент не желательны, но это довольно жёсткие люди, я не могу всюду их сдерживать. Но на собраниях мне требовался мир. У Роджера был спор с другим соклубником, который начался со словесной перепалки, но потом на одном из собраний я заметил, что Роджер выглядит как-то иначе. Волосы он собрал в хвост и у него был тот взгляд, который мне хорошо известен, того, кто собирается драться. Но до того, как я успел что-то сделать с этим, он подошёл к парню, с которым у него были проблемы и ударил его исподтишка, кастетом.

Брат отскочил к стене, но он был довольно крепок и начал избивать Роджера. Когда всё кончилось, мы увидели, что Роджер нарушил ещё одно главное правило клуба: он пронёс оружие на собрание. У него к ноге был прикреплён большой нож. Он был готов биться с братом.

Но потом он всё совсем испортил. Пока мы ожидали передачи обвинительных заключений, некоторые наши ребята подали заявления на правоохранителей и Харрас, за то, что они позволили начать драку. То есть, мы изначально говорили, что они не предоставили должной охраны, которая предотвратила бы приход Ангелов в отель и обезоружила бы их. Мы были не одни такие, некоторые гости отеля сделали то же самое.

Как бы то ни было, у клуба есть очень чёткое правило, что члены не говорят, кто во главе, на уровне нации или чаптера. Ты просто не называешь их никому, но сказать это правоохранителям и в суде – это серьёзное оскорбление клуба. Роджер Пинни пошёл и всё им сказал. Всё были в ярости. На общем собрании члены проголосовали за его исключение из клуба. Это очень и очень редкое дело, но показывает, насколько злы они были. Я вмешался, несмотря на то, что Роджер так долго был идиотом. Мне было не по

себе от мыслей забрать его «цвета». Для меня быть Монголом значит столь многое, что отобрать это у кого-то, даже Роджера, очень тяжело.

У нас была настоящая проблема. Ситуация была серьёзная. Несмотря на идиотизм Роджера, для меня тяжело было видеть, как бывший национальный офицер исполняет обязанности проспекта. Как если бы генеральный директор компании был понижен до уборщика и прибирал бы за рабочими. Несмотря на проблемы, которые Роджер создал лично мне, я лично не хотел так делать, для клуба это было бы плохо. Это бы просто смущало. В итоге, я сказал Роджеру, чтобы он просто побыл в отпуске. «Я не желаю смотреть, как ты собираешь банки и бутылки по клабхаусу. Вместо проспектства, я хочу, чтобы ты был вне клуба год»

Роджер воспринял это, как отличную сделку. К несчастью, он не умел молчать и чем заниматься в свободное время. Он начал ездить по городу, распространяя слухи обо мне, ДжейСи и других. Он жаловался на сбор денег на адвокатов, но он был одним из богатейших людей в клубе. А взносы давать не хотел, лишь жаловался, когда так делал, потом его чеки прекратили действовать. Всё окончилось фиаско. Члены устали от него и проголосовали за его выход. В этот раз я не возражал.

Я знал, что мне надо многое поменять в клубе и в том, что люди думал и о нас. После Моронго, Лафлина нас считали просто животными. И преступниками. Мы всё боролись с судами и юристами. Вышедшие из клуба говорили с репортёрами и делали свои трусливые появления на телеканалах и в местных новостях. Одним из решений было воздержаться от посещений пробежек, на которые мы обычно появлялись. Многие всё ещё нервничали из-за опасности драки, если Монголы и Ангелы соберутся в одно время и в одном месте, так что мы говорили со многими организаторами и заявили, что сами решили не появляться на таких мероприятиях, как Пляжный пробег в Вентуре, Байкерская Неделя Палм Спрингс и Холлистерский фестиваль. Члены клуба были разочарованы, но нам нужна была дистанция между Лафлином и Монголами для общественности.

Копы давили на нас больше, чем когда-либо, и я должен сказать, что то, что они делали, было за гранью глупости. Из Сан-Хосе я вынес урок, что имидж создаёт большую разницу, и я очень сильно трудился над изменением клубного имиджа, как и над реальностью, но действия правоохранителей лишь мешали мне в этом. Позвольте привести вам пример.

Я постоянно вдохновлял членов на поиск работы. Я хотел, чтобы у них была работа, ведь так они могли бы платить взносы и чинить байки, не имея соблазна красть или торговать наркотиками. Суды с этим согласны – так тебе говорят при освобождении. Когда ты на УДО или условном сроке, по очевидным причинам, получение работы одна из лучших вещей. Суды считают, что если ты трудоустроен, то ты трудишься, вкладываясь в общественную жизнь – что правда. Однажды Джон Чикконе²³, агент АТО, сказал мне, «Док, если бы ты смог удержать ребят от шатания оп улицам и дракам со всеми подряд, у нас бы не было проблем» Можно было подумать, что они будут рады, если ребята найдут работы.

Но это не так. Даже на работе тебя прессовали. Полиция звонила на твоё место работы, скажем, в компанию эвакуаторов, которая изначально зависит от работы, которую им даёт полиция, и говорят, «Вы понимаете, что тот парень – часть криминальной организации?» Да, Монголы. Если владелец компании ничего не делает, некоторые копы повторяли звонок: «Почему вы нанимаете членов ОПГ?» И не важно, что этого человека ни разу не арестовывали. Не важно, что он может быть отличным водителем эвакуатора. Таким образом, после нескольких таких звонков и прямых намёков, что твой бизнес может

---

²³ Внедрялся в клубы под прикрытием, много занимался различными МС, плотно взаимодействовал с полицейским стукачом Чарльзом Фалько, внедрявшимся в Outlaws и Mongols, а также Vagos.

рухнуть, ты просто увольняешь этого Монгола. У нас были люди, которые так теряли работу. К счастью, есть те работодатели, кто нас знает и просто отвечает, то мы – хорошие сотрудники, которые ничего дурного не делали. Но я совсем этого не понимаю, разве что, приходится думать, что такова личность полицейских – если ты им враг, по какой-то причине, то они всё сделают, чтобы тебе навредить, и не важно, как это отразится на обществе.

Так же я пытался снизить ситуации, которые привели, был к дракам. Например, после Лафлина, многие меньшие клубы имели достаточную глупость, чтобы попытаться одеть рокер Калифорния, за ношение которого мы так долго боролись. Члены моего клуба куда-то ехали и встречались с кем-то в нашивке «Калифорния». Естественно, будучи Монголами, они задавали вопросы человеку, «Эй, ты не должен это носить» А те сразу же вызывали полицию, тут же случалась драка и кто-то из моих попадал в тюрьму. Я устал от насилия из-за этой нашивки. Мне больше этого не хотелось, так что я сказал, «Давайте прекратим драться за это. Это больше не имеет такого значения. Нас уже и так достаточно знают, ничто не пошатнёт нашей репутации. Нам не обязательно носить этот рокер Калифорнии, чтобы показать, кто мы есть»

Я считал, что мои соклубники достойны большего, чем просто эксклюзивного права носить этот рокер. Я так горжусь этими ребятами и так люблю их, что мне и правда больно, если их арестовывают по такой глупости. «Я устал от того, что парни попадают за решётку» орал я им, «из-за того, то вы отпиздили идиота, у которого не хватает мозгов, чтобы знать, что ему не стоит носить такие вещи, который возомнил себя Джоном Уэйном»

Я просто чувствовал, что что-то надо сделать, и, разумеется, Лафлин всё ещё не шёл из головы, и я подумал, что можно сделать две вещи сразу. Так что я написал объявление в журнал на целую страницу – только слова, без картинок – которая была призывом к миру. Там было сказано, что мы сожалеем о случившемся в Лафлине и приносим извинения невинным гражданам, оказавшимся там, но там так же было сказано, что мы верим в своё право защищать себя. Там было сказано немного о произошедшем в Лафлине и указало многое, что спрашивала общественность, в том числе, некомпетентность правоохранителей. Там было сказано, что мы работали с другими клубами, чтобы предотвратить проблемы такие, как были в Лафлине, ещё до их начала. В последнем абзаце было сказано:

В доказательство того, что наше воззвание искренно и ставит своей целью мир, мы готовы изложить следующее. Последние тридцать лет лишь два клуба заслужили право носить «Калифорния» на своих нижних рокерах, а именно Монголы и Ангелы Ада. Так остаётся и по сей день. Но в качестве жеста чистой щедрости и доброй воли, мы, Монголы, готовы дать разрешение всем и каждому существующему клубу в Калифорнии, в том числе Hessians, Rare Breed, Vagos, Sundowners, всем LE MC и так далее, носить нижний рокер «Калифорния». Наслаждайтесь этим, но никогда не забывайте цену, которую за это заплатили те, кто это заслужил.

Никто не хотел печатать это объявление. Я не знаю, было ли так потому, что мы – Монголы, или просто из-за того, что мы, в большинстве своём, Латиносы, или ещё по какой причине. В итоге, журнал под названием *Hot Bike* согласился напечатать для нас это объявление по обычным ценам. Из клуба никто не жаловался, мне доверяли. Всем в байкерском мире была известна эта история.

Из-за женщин имидж тоже был испорчен. В байкерском мире, в большинстве клубов, женщина это собственность, а Монголы были ничуть не лучше. Члены клуба били жён и подружек слишком часто. Для меня это было просто неправильно. С женщинами не стоит так обращаться. Домашнее насилие для всех было просто бременем. Но мне надо было дать им причину, которая сработала бы. Если они бьют своих старушек, то рискуют

попасть в тюрьму на полгода или год, а ради чего? Пусть идут на радость управляющим, говорит я, будто меня волновали именно они, а не несчастные женщины, жившие в аду. Люди всё указывают на факт, что женщины носят жилеты с надписями «Собственность *таких-то*» Для остального мира это значит, что мы обращаем женщин в рабов и так и относимся к ним – ну, как к собственности. Это было бы правдой для ежедневного пригородного мира, но в нашем мире, «Собственность» даёт женщине чувство безопасности. Она говорит миру, что они с «такими-то» и никому бы лучше с ней не ссориться, иначе «такие-то» выбьют всё дерьмо из того, кто так поступит. Женщины хотят эти жилеты не меньше, чем парни хотят получить свои. У нас есть клубное правило, что нельзя увести женщину у другого члена клуба – если только он не разрешил – и это ещё одно строго исполняемое правило.

Забавно, один из первых раз, когда я заметил проблему с женщинами и Монголами был в клубе в Санта Монике, с Мани и другими ребятами, которые были с жёнами. Это было, когда я только стал Монголом. У Мани была пара реально сногшибательных женщин с собой, которые были одеты довольно провокационно. Если ты мужик, то было тяжело отвести от них глаза. Думаю, даже будучи женщиной, было трудно, потому что жёны некоторых других членов начали очень злиться, ругаться на девушек. Я смог всё успокоить, но я понял, что женщины могут быть так же опасны, как и Монголы. Так что каждый Монгол отвечает за то, что женщина, которую он привёл на вечеринку с собой, знает, как себя вести.

Ещё я настаивал на том, чтобы избавиться от свастики, ещё одной вещи, которая часта в байкерском мире, которая заставляет людей думать, что мы полны злобы и жестокости. Когда я поставил свастику вне правил, некоторые белые братья приходили ко мне и жаловались, что у латиносов есть татуировки с Мексиканскими флагами и всё такое на их жилетах. «Ну, я люблю своих белых братьев» ответил я «но должно быть нечто лучше, чем свастика, чтобы их представлять. Свастика не является символом белых, это символ ненависти»

Некоторые члены клуба были удивлены тем, что услышали, что показывает, что проблема не всегда в ненависти. Иногда это просто невежество. Я знаю это потому, что когда я рос, если люди хотели сказать, что кто-то очень жаден до денег, его звали жидом. Я вырос с мыслью, что «жид», это – синоним жадины. Я и понятия не имел, что это имеет что-то общее с чьей-то верой. Я не имел предрассудков, просто был невежественен. Многие из этих ребят и не знали, что свастика была символом Нацистов и Второй Мировой Войны, а так же уничтожения миллионов евреев.

Некоторые члены клуба так заморочились на этой свастике, что мне пришлось говорить с ними отдельно. Я говорил им, «Не глупите. Многие судьи и окружные прокуроры в Лос-Анджелесе евреи» Я помню, как однажды я приехал в больницу к Рэд Догу, после того, как он попал в аварию на байке. На нём не было рубашки, когда я вошёл, а у него на груди была набита большая свастика. Поскольку я работаю в медицине, то знаю, что многие доктора – евреи, и я подумал, *любопытно, что эти врачи думают об этом парне*. «Кого-то из вас, парни, могут подстрелить» говорил я клубу, «или кто-то попадёт в аварию или ещё что, и если вашим врачом окажется еврей, я не думаю, что ему будет приятно видеть эти свастики. Я имею ввиду, он сделает свою работу, но вряд ли будет стараться вам помочь в смысле удобства пребывания на лечении»

Так что вместо того, чтобы просто говорить им, что это всё не правильно и оскорблять, вредить многим людям без надобности, я сделал так, будто я это говорил только из волнения за них. Некоторые увидели в этом смысл и убрали свастики. А с жилетов некоторых пришлось просто срезать эти свастики. С татуировками ничего сделать было нельзя. Мы лишь могли просить их как-то прикрыть.

Некоторые парни говорили, «Это мне дал Монгол двадцать лет назад, а сейчас его уже нет с нами» А я отвечал, «Тогданими её и положи в стол дома» Я давал всем понять, что мы не группа ненависти, и мы не имеем общего со свастикой или молниями SS, которые тоже весьма обычны. Но всё ещё надо глядеть в оба. Изредка кто-то из очень старых членов клуба может попытаться пронести маленький значок со свастикой, который надо у него отобрать. Сейчас я уже очень давно не видел никого с этим символом – в большинстве своём они были на старых членах клуба, а они уже либо ушли на покой, либо умерли.

Но не всё, что я делал, было занозой в заднице для всех. Я решил, что Монголам был нужен клубхаус, место, где можно встретиться и устроить вечеринку. Это был бы неплохой инструмент для привлечения новых людей. Кроме того, я хотел убрать некоторые группы Монголов с улиц. Слишком часто члены клуба гуляли по трое или четверо, заходили в клубы и смешивались с народом, что вело к дракам. Слишком часто цивилиы, сидящие в баре и видящие Монгола, решают, что тот вовсе не так крут. Это вело к проблемам. И я терял ещё одного Монгола, из-за его попадания в тюрьму или в результате его смерти.

Так что я всем сказал, что раз в месяц надо назвать два-три места для потенциального клубхауса. Надо было найти место, где мы бы никому не мешали, так что это точно должна была быть не жилая зона. Там должна была быть парковка и доступ к шоссе, чтобы мы не ездили через тихие районы. Это должно было быть достаточно большое помещение, чтобы уместить всех. В конце - концов, кто-то назвал название места в Уитьер, в промышленном районе. Как только я туда зашёл с ДжейСи, я тут же представил, где будет бар, где будут столы для бильярда, всё сразу. Большая часть клубхаусов представляют собой дома, которые люди перестраивают, чтобы проводить там вечеринки, но то был огромный склад – куча пустого места. Я отправился к агенту по недвижимости и сказал, что мы являемся группой любителей мотоциклов, проводим байк - шоу и чиним мотоциклы, всё из этого было чистой правдой. Мы его сняли.

Работы было чертовски много. Мы красили, строили комнаты, строили бар. Они решили, что я спятил, когда велел, «Принесите мне три ванны старого фасона, поставим за баром, будем туда пиво складывать» но они всё сделали. И когда мы закончили, всё было именно так, как я это себе представил, когда я вошёл. Клубхаус был открыт с вечера четверга по вечер воскресенья, мы платили аренду каждый месяц, а так же электричество, плюс остальные взносы, но за вход плата не взималась. Мы просто вносили для всех членов «взнос на клубхаус», отдельно от обычных взносов. Через какое-то время, мы начали записывать в журналы всех членов клуба с этой местности, где было записано, кто и сколько внёс за месяц и сколько мы заплатили за аренду – могло быть сорок долларов, в зависимости от того, что мы в клубе за месяц.

Кроме того, я был очень рад, что Рубен Младший тоже увлёкся клубом. На членство его выдвинул ДжейСи после Лафлина, а поскольку он был при клубе столько же, сколько и я, а так же поставил себя под пули в Лафлине, сделав всё, что мог сделать Монгол, его быстро приняли. Ему не надо было пробить срок проспекта, но не потому, что он был моим сыном, а потому что он уже был Монголом.

Рубен Младший прошёл несколько курсов колледжа, но как раз тогда, когда мы сняли себе клубхаус, он начал работать в охранной компании. Однажды ночью, я не мог быть в клубе и он сказал, «Давай, езжай на работу. Я всё разрулю» Так что он был там той ночью, да так и остался. Он сразу начал всё организовывать. Так что он всегда был при клубхаусе и люди звонили с вопросами ему, если нужен был залог, или просто вопросы о клубе – обо всём. Вскоре он так наловчился отвечать на вопросы, что его избрали национальным сержантом – по - оружию.

Сначала все просто приносили то, что хотели пить, и мы давали на это билет. Если ты приносил четыре ящика Короны, мы давали девяносто шесть бумажек с надписью «Корона». У нас были холодильники, машины для льда, всё, что надо. Но это стало лишь ещё одним моментом, когда правоохранители действовали против того, что я считаю добром для общества. Они осложнили каждый шаг процесса. Например, очень быстро нам стали угрожать закрытием со стороны правоохранителей. Они заявляли, что не верят, что билеты имеют отношение только к напиткам. Тогда мы поменяли действия. Члены просто приносили что угодно на ночь. Всё остальное мы давали – стаканы, стопки, лёд, всё, что надо. Проблемы была только в том, что было много вёдер со льдом и ящиков со льдом, вода текла всюду, но мы справлялись.

Мы были идеальными арендаторами для землевладельцев. Мы там были лишь с четверга по воскресенье и только по ночам. Все, работавшие в районе, могли пользоваться нашей парковкой днём. Мы ничего не производили, так что у нас особенно не было мусора, чтобы его собирать. Мы сами за собой убирались. Будто мы призраки; они нас там и не видели.

Были и хорошие вечеринки, хорошие времена. Каждый чаптер мог провести выходные там, у нас были вечеринки на дни рождения, сборы взносов, байк шоу, совместные вечеринки с авто и мотто кастомайзерами, все такие мероприятия. Сначала мне пришлось усилить некоторые правила. Я сказал членам клуба, «Вам надо лишь избить одного чувака на этих вечеринках и люди снова испугаются. Это лишь укрепит их в мысли, что мы животные. Я не желаю видеть, чтобы кого-то били, чтобы обижали женщин. Дело не только в том, что они тоже люди, но в том, что если бы они не были дружественно настроены к нам, то их бы тут не было. Так зачем их обижать? Или плохо к ним относиться? Если женщина выпила слишком много и вырубилась, она должна проснуться не только в своих часах и кольцах, но и в одетых штанах, как и во всём остальном. Без исключений» Некоторые старые члены клуба сделали пару замечаний, что теперь в клубе верховодят женщины, но это было больше просто демагогией, нежели спором. Они просто злились, что изменились правила.

У меня никогда не было по – настоящему серьёзных отношений с женщиной, хотя в моей жизни было великое их множество. Я слишком быстро уходил, был в слишком большой опасности, чтобы мне было удобно иметь жену или постоянную подружку. Но это не значит, что мне не хочется иметь спутниц в жизни. И я хотел, чтобы они могли со мной тусоваться. Но сначала я приглашал девушек на вечеринки к Монголам, а они говорили, что слышали, будто Монголы насилуют женщин, или бьют женщин, типа такого. Но через несколько лет, женщины просили или даже напрашивались на приглашения на наши вечеринки. Я шёл на работу в больницу, и кто-то узнавал, кто я и говорил, «Моя кузина хочет сходить на одну из ваших вечеринок, но она не знает никого, кто её бы позвал. Вы могли бы помочь, пожалуйста?» В каком-то смысле, среди женщин, это стало привилегией, ходить на наши вечеринки, в том числе, среди молодых и симпатичных. Я чувствовал, что достиг чего-то.

Разумеется, и с этим полиция боролась. Копы стояли у клуба и останавливали женщин на подходе к клубу, особенно если те носили свои мини-юбки и высокие сапоги. «Вы ведь туда не собираетесь, так?» спрашивали они. «Они же просто кучка насильников и бандитов» Я лично считаю, что они ревновали. Они-то работали, а Монголы тусовались с красивыми молодыми девчонками. Я не мог не вспомнить времена, когда за милую от Монгола не было ни одной женщины. А новые Монголы знали только такую жизнь. Они говорили, «Это круто – эти ребята ничего не боятся, у них девушек столько, сколько их у рок-звёзд, и у них офигенные мотоциклы. Я хочу быть Монголом»

Копы сделали всё, чтобы нас закрыть. Они звонили владельцам помещения и говорили, что мы – преступная организация. Мы платили авансом, наличными и место было чище,

чем при ком- либо ещё. Я сам по ночам замечал художников граффити. Я им сказал, «Приятель, тут клубхаус Монголов, нам не надо, чтобы ты тут рисовал» Они просто находили другие стены. Мне не пришлось говорить дважды.

Полиция провела рейд на клуб в поисках наркотиков или нелегального оружия, или ещё чего – то незаконного. Ничего не нашли. В итоге, я думаю, они были расстроены, потому что однажды утром они просто привезли что-то вроде маленького танка. Они просто снесли переднюю часть здания. Обыскали всё и ничего не нашли. Вышли они грустнее некуда. Главный детектив сказал мне, «Откуда вы узнали?» Разумеется, им хотелось верить, что нас просто кто- то предупредил, и мы убрали все инкриминирующие вещи. Надо думать, они считали нас полнейшими долбоёбами, если думали, будто мы в самом общественном для Монголов месте будем хранить или делать нечто нелегальное, храня там краденые байки, наркотики или автоматы.

Когда это произошло, менеджеры позвонили ДжейСи и он перезвонил мне, потому что я был к клубхаусу ближе всех. Когда я туда приехал, полиция ещё была там, бродила всюду, пыталась найти что-то, что оправдало бы рейд. Они забрали все деньги из кассы и так их и не вернули. Так же они забрали журналы с записями.

Но полиция не закончила с клубхаусом. Мы получили извещение от менеджмента здания, что полиция обнаружила там краденые мотоциклы и нелегальное оружие. Это была чистая, простая ложь. Но для менеджмента это была последняя капля. Они поняли, что полиция от нас не отстанет, пока Монголов снова не выдавят на улицу. Так что нас оттуда выгнала полиция.

Мы отправились в суд, чтобы отбить свои деньги, но они заявили, что нам надо доказать, что это не деньги за наркотики. Пока мы этого не сделаем, они будут удерживать деньги, как доказательство. Так что мы потребовали показать журналы, которые доказывали, что сумма изъятых ими денег соответствует обозначенной в журналах сумме взносов за клубхаус и что каждый член пожертвовал некую сумму. Но представитель полиции в суде заявил, что таких журналов не существует. Они не пытались даже объяснить, что с ними стало, просто заявляя, что никаких журналов не было. Это была ещё одна прямая ложь, и судья это понял, приказав вернуть деньги. Два года прошло, и я всё ещё хотел бы увидеть эти деньги.

Я только никак не пойму, как они могут делать такие вещи и иметь чистую совесть. Я сделал клубхаус, чтобы мои Монголы не дрались с гражданскими, но полиция сделала всё, чтобы его закрыть, да ещё и отобрала деньги, которые мы заработали, а также журналы по ним, которые они в итоге потеряли, чтобы обвинить нас в производстве наркотиков.

Вдумайтесь. Мы потеряли аренду за месяц и заплатили тысячи долларов за ремонт двери, а также стены. Разве удивительно, что Монголы не уважают правоохранителей? Этих ребят не победить, но то, что они делают по отношению к нам, не имеет ничего общего с тем, чтобы предотвращать правосудие. Если проехать сейчас мимо того здания, то видно, что оно всё покрыто граффити, а район стал похож на гетто. У нас не было особых возмущений в клубе только потому, что мои братья привыкли к тому, что полиция создаёт им проблемы. Они просто утрутся, и будут сохранять каменное лицо. Они воины и стойкие. Нам это было нужно, потому что нам предстояло встретить врага намного сильнее как Ангелов Ада, так и полиции.

Война на два фронта

За свою бытность с Монголами я твёрдо усвоил из своего опыта, что нет ничего опаснее успеха. Монголы начали расти столь быстро, что трудно было уследить – мы приближались к тысяче членов, когда в 2004 полиция провела рейд на мой дом. Те, кого

мы потеряли в Лафлине давно были заменены новыми рекрутами, которые были куда лучшими Монголами, чем те, кто всё «выцеливал» меня. У нас были чаптеры по всей стране.

Но чем больше мы становились, тем больше Ангелы Ада волновались, что мы отберём у них статус самого большого, злого клуба в Калифорнии. Не то, чтобы нас это волновало. Чем больше мы становились, тем больше полиция хотела нас поймать на всех этих вещах, которые они о нас думали, с оружием, наркотиками и машинами. Не то, чтобы нас это волновало. Чем больше мы становились, тем больше местные новости выставляли нас насильниками и убийцами. Не то, чтобы нас это волновало. А всё из-за большого успеха.

Очень иронично, что в эти истории начали верить даже преступники. Мы знаем, что Ангелы Ада пытались сформировать союз с Мексиканской мафией и с Нуэстра Фамилья, Северо-Калифорнийскими бандами Латиносов, поскольку сами нас устранить не могли, но им отказали. Мексиканская мафия начала верить, что у нас огромные суммы денег, потому что нас теперь много Монголов и – тут они подумали точно, как полиция – наверняка мы производим наркотики или делаем нечто нелегальное. Что ещё более иронично, что мы – клуб, который всегда был известен, как мотоклуб Латиносов – стали целью группы, которая была создана для защиты Латиносов.

Конфронтация началась с инцидента, в котором участвовало несколько Монголов в Мотеле 6 Сан Габриель. В наше время мотели являются очень удобным местом для производства или фасовки наркотиков. Если ты наркоторговец, то ты можешь просто поехать в мотель, который не является обычным для тебя местом, так полиции будет труднее тебя найти, покуда ты не привлекаешь к себе внимания. Даёшь мотелю выдуманное имя и адрес, если спросят, и когда ты закончил, просто уходишь. Комар носа не подточит. Однако, особенно если ты работаешь с Ла эМэ, ты вообще не можешь привлекать к себе внимания. Ты перестаёшь заниматься деятельностью бандита, чтобы тебя не поймали с наркотиками.

В том инциденте, новенький барыга делал свои дела в Мотеле 6, но, по какой-то причине, он не озаботился соблюдением правил и начал спор с Монголом, который там тусовался. Он застрелил того Монгола насмерть и это привело к настоящей перестрелке. Монголы просто изрешетили его грузовик пулями, так что он уехал, пробив забор, выскользнув в кювет и выехав на шоссе. Полиция заметила грузовик с простреленными фарами и отверстиями от пуль, и остановили его. Разумеется, они связали его с убийством в Мотеле 6.

Вскоре после этого, ко мне приехал Кьют и сказал, что к нему подходил член Мексиканской мафии, по имени Дамбо. Я знал Дамбо. Однажды он попал в переделку в Аризоне и обратился ко мне за помощью от Монголов в смысле прикрытия. Он звонил мне, потому что мы можем достать до большего количества мест, нежели Ла эМэ. Я оказал ему ту услугу.

Дамбо сказал, что Ла эМэ желает поговорить с нами о проблемах нашего клуба с их членами организации. Мы этого ожидали. Кьют и я оба знали, чем это кончится: они потребуют денег, а мы откажемся.

Мы с Кьютом устроили встречу в мотомагазине, на углу Вашингтон и Соренсон в Уитьер. Магазин был закрыт на время встречи, так что гражданские не могли там оказаться. Там было два входа: один обычный, а второй – большие ворота, с раздвижными дверями. Кьют и я приехали раньше и сидели в шоуруме, когда приехал Форд Бронко. Я видел, что за рулём была большая, грузная женщина, а пассажиром был Дамбо, который вылез, как только женщина припарковалась.

Дамбо подошёл к нам, и мы сели за маленький круглый столик в шоуруме, такие же можно увидеть в барах. Он уставился на меня стеклянным взглядом, и сразу было ясно, что он не в ясном уме. Так же было видно, что он не очень-то преуспевает. Он начал болтать, но его изначальной мыслью было, что они хотели, чтобы мы начали платить дань. Мексиканская мафия вымогает деньги, это они называют «налогом», от сделок по наркотикам и определённого бизнеса по всей Калифорнии. Штат они делят на зоны, в каждой есть свой сборщик. Я возражал, что Монголы не производят наркотиков, в отличие от большинства людей, кого они таковым налогом облагают, но он сказал, что ему плевать. Он сказал, что Монголы расширяются, так что смогут платить налог.

Мы бы никогда такого не позволили, но мы дали Дамбо болтать и дальше, пока не стало ясно, что он пытается обмануть своих же людей. Он предложил снизить сумму налога, если мы дадим что-то лично ему - денег или, может, пару мотоциклов. Теперь я знал, что у нас настоящая проблема. Не оттого, что я боялся Дамбо или мафии, но просто потому, что вести дела с такими людьми трудно изначально – а делать дела с тем, кто обманывает своих сложно вдвойне. Я уже был зол, что у него хватило наглости требовать налоги с Монголов, но ещё то, что он предлагал подкуп, делало его презренным человеком. Мы никогда бы не стали платить за простое выживание, но мы могли бы, хотя бы вести дела с тем, у кого есть честь.

Но не только это, затем он сказал, что в обмен на налоги, мы сможем прессовать кого угодно. Так я понял, что он вообще не имеет отношений с реальностью, потому что, во-первых, мы просто не интересуемся бандитизмом, а во-вторых, мы сами себя защитим всеми методами, какими захотим.

Так вот, он сидел, бормотал о налогах с нашей стороны, а я позволял ему говорить, потому что было ясно, что он для себя самого куда опаснее, чем для меня, а чем больше он говорил, тем больше себя выдавал. В итоге, он сделал мне предложение. Он сказал, что если лично я соглашусь на налог, но клуб идею отвергнет, то лично ко мне вопросов не будет. То есть, если меня когда-либо арестуют, то проблем внутри у меня не будет. Это ещё больше меня разъярило. Он оскорбил меня, требуя налоги, вызвал отвращение, предложив взятку, а теперь оскорбил меня, предложив мне стать против клуба. Я был так зол, что все бандитские мысли всплыли в голове. У меня был пистолет 38 калибра в кармане, и я всё думал, как просто всадить ему пулю в лоб. В какой-то момент он спросил, где ванная. Он был так уверен, что никто не тронет представителя Ла эМэ, что даже не задумался, что он в большой опасности.

Пока он был в ванной, я открыл дверь и выглянул наружу. Женщина ждала в Бронко. Я отошёл к воротам и начал руками мерить проём, оглядываясь на то, что блокировало проезд. Кьют сразу же понял, что я делаю и сказал, подойдя ко мне, «Слушай, сейчас ничего делать нельзя. Я дал слово, что он выйдет отсюда живым» Слово Кьюта было важным аргументом, так что я отказался от плана. Честно говоря, мне не хотелось нести тело его девушки, что пришлось бы делать.

Тем не менее, что-то должно было быть сделано. Эти ребята ничто иное, как «пацаны с района», то есть, они понятия не имели, во что ввязываются и они бы вызвали проблемы для меня. Например, мои телефоны прослушивают федералы. Эти парни собирались звонить мне и говорить свои глупости, которые записали бы копы. Приведу вам пример, почему это было бы проблемой для меня. Национальному президенту Бандидос были предъявлены обвинения, и ему угрожали пожизненным сроком только из-за слов, сказанных по телефону. Теперь это пожилой парень, довольно богатый, владеющий мотосалоном Харли в Вашингтоне. Он бы никогда не приказал ничего незаконного; это не в его интересах.

Но младшие члены клуба звонили ему время от времени, потому что федеральные агенты стучались к ним в двери, а Джордж отвечал: "Ничего не говорите им. Не обязательно с ними разговаривать" Это попытки задействовать федеральную программу защиты свидетелей. Я знаю, это звучит смешно, но тоже прошёл через это. Они обвинили его на основании одних только телефонных разговоров. Они хотели доказать, что он был главой криминальной организации, и вот он говорил своим членам клуба не сотрудничать с властями. Они пытались посадить его на пожизненное, и хотя им это не удалось, он отсидел некоторое время.

Так что полиция просто воспользовалась бы всем, что сказал бы этот неудачник, и нашла бы способ возложить на меня ответственность за это или соучастие, так все бы оказались в тюрьме. Я даже сказал Дамбо, когда тот вернулся, что Монголы ему ничего не дадут, что я ему ничего не дам и что вся ситуация ведёт только в тюрьму, для всех, кто вовлечён. Он не обратил внимания. Он был не более, чем просто «районным быком». Он даже не представлял, куда лезет.

Неделю или две спустя, Кьют сказал мне, что Дамбо просит о второй встрече. Было бы неуважением с моей стороны отказать, но я не хотел снова и снова всё повторять. В этот раз, Дамбо был несколько более испуган, чем в первый раз, поэтому он устроил встречу в общественном месте – «У Дэнни». Снова у него был стеклянный взгляд. Он снова говорил о налогах, о подкупе и предательстве, я вновь ему сказал, что этого не будет. Единственной разницей было то, что он говорил, что будет с нами в тюрьме, откажись мы сотрудничать. Он только снова меня разозлил. Налоги для слабаков. Кьют тоже терял терпение, мы ушли.

Так получилось, что у нас была одна из наших полугодовых встреч организации в тот момент, и четыре или пять сотен наших были бы в конференц-зале отеля, чтобы обсудить дела клуба. Я почувствовал, что было важно, чтобы клуб знал, что происходит, потому что Я знал, что всё будет жёстко. Я встал на платформу и взглянул на четыреста или пятьсот лиц, с их бритыми головами или их хвостами, усами и татуировками. Они знали, что значит, когда мексиканская мафия что-то от тебя требует. Они знали, что кровь витает в воздухе. Каждый из них сказал: "Нихуя" Я знал, что они ответят так, но видеть, как все эти парни стоят плечом к плечу и говорят: "Ни единого ебучего доллара" действительно заставило меня очень гордиться. *А вот теперь*, мрачно думал я, *пусть игры начнутся*.

Неделей позднее Кьют сказал мне, что Дамбо хочет, чтобы мы встретились с некоторыми другими людьми из мексиканской мафии, но клуб счёл, что для меня слишком рискованно ходить на такие встречи. Люди из Ла эМе выбрали ресторан под названием Тако-бой в Пико Ривера, на углу Роузмид и Слаусон, для встречи, и они сказали, что хотят не больше трех человек с каждой стороны. Кьют взял еще одного члена, Лыбу, которого тоже очень уважают в нашем клубе, а потом нас представили специальному представителю. Очень высокопоставленный член мексиканской мафии, некто из Пеликан Бэй, услышал об этих встречах и решили, что Монголы заслуживают иного обращения, поэтому он послал представителя на встречу с Кьютом и Лыбой. Даже в Ла эМе есть фракции и иногда их цели противоречат друг другу. Даже за столом переговоров с этим представителем у них были разногласия. Это было очень необычно и говорило не в пользу Дамбо.

При таких встречах мы всегда беспокоимся за безопасность наших людей, и одна из вещей, которые мы делаем, чтобы убедиться, что все идет по нашему сценарию - это команда реагирования. Такая команда очень похожа на команду полицейского спецназа и имеет полное вооружение. Если встреча начинает выходить из-под контроля, первая задача группы реагирования - спасти наших людей. Если будет слишком поздно сделать это, то они должны убедиться, что никто с другой стороны не выживет, дабы оставить сообщение, с которым не стоит шутить. В тот день наша группа реагирования состояла из

девяти человек, я среди них. Я бы не позволил другим рисковать своей жизнью, не рискуя своей. У нас было четыре машины, АК-47, и рации.

Когда Кьют, Лыба и представитель Ла эМэ зашли в Тако Бой, то примерно сорок человек ждало их – кто-то в ресторане, кто-то снаружи в аллее, а некоторые на парковке. Всё немедленно накалилось. Кьют предупредил по рации меня. Мы тут же прыгнули по машинам и поехали. Представьте едущие по дороге машины, пассажиры в лыжных балаклавах, с Калашниковыми в руках. Как в Бейруте. В такой ситуации идёшь до упора. Если правоохранители встали на пути, надо их подвинуть.

Когда мы были в одном квартале от Тако - бой, я заметил фургон с двумя людьми, припаркованный на общественной стоянке у здания. Когда мы проехали, они начали говорить по рации. Они явно были наблюдением. Я вытащил свой АК-47, и я указал на фургон, когда радио разразилось. Кьют кричал: "Тебя видели, тебя видели! Пригнись!" Очевидно, один из наблюдателей побежал в ресторан крича: "Монголы окружают нас! Монголы окружают нас!" Он сказал, что люди в Тако – бой запаниковали, так что приедь мы туда, вышла бы полномасштабная битва. Я слышал крики людей на той стороне рации.

Я верил Кьюту, так что мы сняли балаклав, убрали оружие и поехали в Бургеры Джима, дальше по улице. Все заказали поесть и действовали, будто обычные клиенты, хотя мы были готовы в любой момент взять оружие и вернуться в Тако – бой, если что-то случилось бы. Но так вышло, что Кьют смог всех успокоить, и встреча продолжилась по плану, но это была всё та же хуйня. Никакого соглашения достигнуто не было, но они выказали ужасное неуважение, солгав о количестве своих людей на встрече и о том, что требует Ла эМэ, в присутствии самого представителя Ла эМэ.

Примерно в это время я уезжал с работы, а меня там ждал агент АТО Джон Чикконе²⁴, а также заместитель шерифа, который работает по Ла эМэ, сидели они на моём пикапе. Они поступили уважительно, по крайней мере, не вламываясь в больницу. «Мы должны предупредить тебя, Рубен» сказал Чикконе, «за твою голову есть награда, из Пеликан Бэй» Полагаю, он думал меня испугать, или заставить просить о помощи, как-то так. По крайней мере, он считал это стоящей попыткой. Я сказали ему, что я в курсе ситуации.

Затем стало только хуже. Следующий месяц с чем-то были перестрелки. Некоторых их парней подстрелили, Монгол словил пулю в ногу. Однажды, примерно пятнадцать Монголов ехали по шоссе, через Монтобелло, и чёрный минивэн поравнялся с ними, опустил окошко и открыл по Монголам огонь.

Кьют был в той колонне, как обычно, он сохранил спокойствие. Он свернул от колонны, дав им сигнал уезжать. Немедленно байки ушли по междурядью на недостижимой для машин скорости. Они быстро скрылись. Однако, Кьют увидел зону со стройкой и свернул туда, когда вся колонна уехала мимо. Это было на развязке 57 и 60 шоссе. Из-за войны Ла эМэ против нас, у него при себе были полностью автоматический ТЕК – 9. Он спрятался за бетонным барьером, а минивэн начал снова ускоряться, чтобы выехать на шоссе, тогда он и вышел на полосу разгона.

Представьте удивление тех парней, которые увидели того, в кого только что стреляли, стоящим на шоссе, и прежде, чем они успели отреагировать, он выпустил очередь им в лобовое стекло. Им повезло. Машина резко затормозила и уехала в обратном направлении. Когда они были вне зоны досягаемости, Кьют спрятал оружие под пояс и уехал на байке. Потом он мне жаловался, что обжог пах, ствол пистолета раскалился докрасна.

---

²⁴ Спецгент, принимавший участие в минимум трёх операциях против различных мотоклубов. Был связным Чарльза Фалько в операциях по внедрению в Vagos и Outlaws.

Какое-то время шло такое безумие. Потом я получил от другой стороны сообщение, что они хотят говорить. Я ответил, «Нет проблем». Они предложили встречу в Камачо Кантина в торговом центре Universal CityWalk, по шесть человек с каждой стороны. Я вынес урок из первой встречи. За столом было шестеро Монголов, но примерно двадцать пять, одетых, как туристы, гуляли повсюду, фотографировали. У меня самого была в кармане граната, и не только у меня. Я был рад, что ресторан пуст, когда пришёл Дамбо со своей командой.

В этот раз они сказали, что хотят тридцать пять тысяч долларов в качестве ежемесячного налога. Я просто рассмеялся; я просто не мог больше сдерживаться. Я сразу сказал им, «Идите нахуй и не беспокойте меня больше. Я не дам вам ни единого блядского доллара» Это было прямым объявлением полномасштабной войны.

Это были тяжкие времена. Каждые выходные была стрельба. Новостные каналы, особенно в Южной Калифорнии, муссировали всю историю. Моё имя и лицо каждый вечер показывали по ТВ. Был убит владелец тату - салона, не Монгол. Многие говорили, что его убили за то, что он нанял на работу Монгола, но на самом деле, он просто отказался платить налог Ла эМэ за несколько недель до того. Я чрезвычайно горд, что пока все вокруг боялись, клуб занимался обычными делами. В начале всех проблем, с дюжину членов сняли «цвета». Они ко мне не приходили, потому что знали, что я о них подумаю. В этом не было ничего страшного, клуб всё равно рос.

Теперь у нас была война с Ангелами Ада и Мексиканской мафией, клуб стал всё более озабочен моей безопасностью. У Ла эМэ свои методы, но Ангелы известны своим использованием динамита. Клуб начал проверять на предмет взрывчатки днище моей машины с помощью зеркал. Однажды они нашли несколько шашек динамита под машиной. Тогда Рубен Младший решил, что он лично встанет во главе моей охраны. Он привёл своего друга, Чики, который с ним работал в том же охранном агентстве, чтобы тот помог. Они все были в этом деле. У меня был постоянный телохранитель и целые слои охраны спереди и сзади. Очень плотная защита. Я был однажды в Палм Спрингс и слышал, как кто-то сказал, «У президента и то охрана меньше»

Один из фокусов Ангелов Ада прост – они проезжают мимо твоего дома и кидают в окно динамит. Так что Рубен решил обвязать окна моего дома проволокой, и ещё двор. Так ты, скорее всего, выживешь. Ещё они каждое утро проверяли мою машину, чтобы убедиться, что она не заминирована. У меня вошло в привычку заводить машину, стоя одной ногой на тротуаре. Так, если бы произошёл взрыв, меня бы отбросило наружу. Я такого не делал со старых дней.

Однажды меня позвали в дом к Монголу. Когда я туда прибыл, я был рад видеть некоторых членов клуба из других штатов, но я так же решил, что есть какая-то большая проблема. Мне об их приезде никто не сказал, так как они не хотели это афишировать, чтобы нельзя было это отследить. Они были экспертами по взрывчатке. Жили они в пригородных районах, так что они развлекались тем, что строили хибары, а потом их сами и взрывали. Они мне сказали, что знают о войне и хотели предложить свои услуги.

Меня это устраивало, если только не пришлось бы взрывать чей-то дом, там же не только враг – там могли быть жёны, дети, животные, дедушки и бабушки, друзья. Покуда мы умудрялись держать семьи в стороне от этого, я хотел, чтобы так и оставалось. Даже если остальные ребята хотели поубивать Монголов, я не желал мстить их семьям. Так что я вновь и вновь говорил – никаких взрывов, пусть всё будет между Монголами и Ла эМэ.

У нас весьма обширная разведывательная сеть, она упорно работала над тем, чтобы выследить Дамбо и его команду. Мы выяснили, что он ездит на японском байке, который он у кого-то отобрал. Мы получили описание этого байка и привычек Дамбо. Мы

поспрашивали девочек, с которыми он виделся на районе. Он и его команда постоянно двигались, оставаясь в разных отелях каждую ночь. Однажды мы были чрезмерно близки к его поимке, он был в Отеле Диснейлэнд в Анахайме. Он вышел из комнаты за пару минут до нашего прихода.

В ходе войны с Ла эМэ, я понял, что моя жизнь такова, что большая часть людей восприняли бы её как кошмар. Однажды я постригал газон у дома, подъехал шериф. Коп глянул на меня и сказал, «Что будешь делать, Док?»

«С чем?» спросил я. Я был и правда озадачен тем, о чём он говорил. Было подозрительно.

«С Ла эМэ» сказал он и я видел, что он и правда озадачен. «Это очень плохие парни, Док. Им убить кого-то как позавтракать»

Я чуть не рассмеялся. Мне было противно. Он и правда думал, что я боюсь. Это всё лишь часть моей жизни.

В то время мои соклубники ни разу меня не подвели. У меня был Харлей «особенной конструкции» - байк, построенный с нуля, ни единой заводской детали. Его построил Монгол по имени Наклз, он был президентом чаптера Орандж Каунти. Переднее колесо и вилка были выдвинуты вперёд, а задняя часть была софтейлом. Двигатель был стокубовый РевТек; там было шесть ступеней КПП с овердрайвом и увеличенное заднее колесо. Даже сидение было ручного изготовления, до совершенства.

На бензобаке и крыльях был рисунок, выполненный парнем из Восточного ЛА, Гектором из Кастом Кеар. В качестве сюрприза для меня, клуб выбрал и нанял другого художника, чтобы тот нарисовал дымящийся ствол дробовика и одну из моих любимых строк, несколько переделанных для меня:

*Не извинюсь за жизнь,
Которой я живу,
И я не стану дураком,
Что пляшет под дудку тех,
Кто «шишками» зовётся.
Не будет оправданий, такова жизнь моя.*

Это слова Вито Корлеоне, из *Крёстного отца*.

Со всех сторон ко мне шли люди, желавшие встать на сторону Монголов и воевать с Ла эМэ, но я почти всех их развернул. Я не желал эскалации конфликта, а наоборот. Я думал, что вся проблема в нескольких людях, которые не имели никакого понятия. Наши отношения с Ла эМэ были вполне неплохими раньше, и я был уверен, что рано или поздно война окончится.

Так и вышло. Как я и предсказывал, Дамбо оказался в тюрьме по своей собственной глупости – что-то ляпнул по телефону, когда законники его слушали. Он и его команда пошли под арест и оказались в тюрьме. Затем, пока они были там, Ла эМэ выяснили, что Дамбо пытался обмануть всю организацию. На встрече в Камачо он должен был просить одноразовой выплат тридцати пяти тысяч долларов, а не ежемесячной платы. Именно это его инструктировали спросить – но и на это бы мы не пошли.

Его старшие были очень расстроены его предательством. Следовательно, Дамбо был дважды порезан, пока сидел. Он выжил оба раза и сейчас он под программой защиты свидетелей в тюремной системе.

Следовательно, война с Ла эмэ сошла на нет. Один из них связался со мной и сказал, что нет нужны воевать за то, что случилось из-за недопонимания. «Мы же все Латиносы» сказал он. «Так за что нам драться?»

Что-то сгнило.

Если вы интересуетесь мотоклубами, то вы, вероятно, слышали о книге копа под прикрытием, Уильяма Квина, который зовёт себя Билли Ст. Джон, когда он был в Монголах. На обложке книги сказано, что Монголы «Самая жестокая банда вне закона в Америке», он продвинулся в карьере благодаря разговорам об этом и книге, *Одинок и подавлен*²⁵, когда он её издал в 2005 году. Может показаться, что он говорит о вещах, которые имели место лишь недавно. Но вообще, Билли Квин начал работать под прикрытием в 1998 году, в марте, а вышел в мае 2000, как раз, когда я только начал иметь в клубе какое-то влияние, но ещё не имел официальной должности. Я не хочу сказать, будто не имел отношения к клубу в то время, но я думаю, что многое за прошедшие восемь лет в клубе многое изменилось, а Билли Квин об этом ничего не знает. Вся информация поступает к нему от друзей из АТО, но это лишь их точка зрения.

Разумеется, если вы хотите верить от и до в его историю, то у меня не выйдет вас переубедить. Многие хотят верить в то, что говорят им правоохранители, или бывшие офицеры правопорядка, особенно, если это – книга. Как я и сказал в начале этой книги, я могу лишь предложить вам немного проехаться со мной и взглянуть на всё чуть более широко. Кстати, я начал писать эту книгу не как ответ на книгу Уильяма Квина. Несколько человек предлагали мне это, но я не представлял себя в роли автора. Однако, теперь у меня есть шанс предложить иной взгляд на события, о которых говорит Билли Квин.

Должен сказать, что нет ничего, что вы мне скажете о чаптере Сан Фернардино Вэлли, что я стал бы защищать или говорить, что такого не было или не могло произойти. В том чаптере было полно людей, которых я не хотел видеть в клубе. Те парни, Роки и Изи были просто презренными персонажами. Я наказывал Доминго и Эвела за то, что они тогда делали и они исправились. Вся та группа жила старыми путями, не так, как мы живём теперь. Им было трудно набирать людей, так что у них были самые отбросы. Даже мы сами не хотели с ними тусоваться – они были простым бычьём и делали много глупого.

Чаптер был полон некомпетентного лидерства и неразумных людей. Рэд Дог был там заводилой, и я думаю, ему нравилось с такими же наркоманами и неудачниками. Он на них зарабатывал. Я говорил, что Рэд Догу были нужны деньги на наркотики, и он заработал много денег на чаптере. Он приводил всех подряд, так что не удивительно, что именно в их чаптер был внедрён агент по Монголам.

Было много народу, в то время, кто не хотел с Билли иметь дела, не говорил с ним, его считали копом. Были и такие Монголы, кто в лицо его называл ментом. Они говорили Джуниору, но тот ничего с этим не сделал. Даже Рэд Дог его подозревал – Квин говорит, что Рэд Дог приставлял пистолет к его голове и спрашивал, сколько тот провёл в полицейской академии. Насколько я в курсе, он – единственный в истории Монгол, кто был открыто обвинён в том, что он коп²⁶. Так что, вероятно, ему не так уж и верили.

Он обвиняет нас во всех грехах в своей книге – в групповом изнасиловании, убийствах, беспричинном избиении людей, воровстве, запугивании свидетелей, и в том, что мы не покупаем своим же детям подарки на день рождения. Я понимаю, что такое могло быть до моего прихода в клуб, но этого уже нет, и это не то, что сейчас позволяет или

---

²⁵ В интернете есть эта книга на русском языке.

²⁶ Согласно информации АТО, за время правления Рубена Кавазоса, в клуб было внедрено семь федеральных агентов и шестеро полноправных членов клуба стали оплачиваемыми информаторами.

поддерживает мотоклуб Mongols MC. Однако, многое из того, что он написал, либо не правда, либо чрезмерно раздуто. Когда я возражаю против таких заявлений, правоохранители просто говорят, что я пытаюсь скрыть нашу жестокость, но это лишь оттого, что им надо, чтобы мы были злодеями.

Он написал, что ему давали списки членов клуба и офицеров различных чаптеров, что является чистейшим доказательством того, что Монголы – ОПС, что попадает под статьи акта РИКО. Если списки членов делают нас ОПС, то определённо им стоит внедриться в партии Республиканцев и Демократов.

Он писал, что видел записи о выплаченных взносах, которые шли от продажи оружия и наркотиков, а также вымогательства. Откуда ему знать, из какого источника идут взносы чаптера из Джорджии? Могу вас заверить, что мы понятия не имеем об источнике этих денег.

Он написал, что если мы выгоняем члена, то мы огнём выжигаем ему татуировки Монголов. Это глупость. Я слышал такие слухи, но я никогда не видел и не говорил с теми, кто через это прошёл. Все клубы требуют от вышедших членов удалить татуировки, но это в смысле закрыть их другими татуировками сверху²⁷. Эти байки теперь бродят сами по себе.

Каждый раз Билли Квина спрашивают на телевидении, как он, пробыв два с половиной года в клубе, ни разу не стал свидетелем преступления (не считая употребления наркотиков), но всегда отвечает, что ему повезло. У нас это даже стало шуткой – вот он пробыл в «самой жестокой мотобанде в Америке» два года и ни разу не видел, ни убийства, ни изнасилования, ничего такого. Мы всё говорим, что Билли Квин – удачливейший человек в мире.

Я не был бы удивлён, если бы оказалось, что Рэд Дог и те парни просто выдумывали байки, чтобы попытаться сломать Билли. Они любили поболтать и подавить. Есть в книге несколько моментов, когда он говорит, что Монголы обсуждали преступления, а он боялся стать его частью. Но ничего так и не происходило. Как так может быть раз за разом? Ну, так может быть, у нас есть парни, любящие пустить пыль людям в глаза чисто из веселья.

Он говорил о пробеге в Вентуре, когда на парковку свернул ком и двое Монголов говорили о его убийстве. Я не знаю, имел ли место такой разговор, но надо быть полным долбоёбом, чтобы говорить посреди парковке о том, чтобы «убрать» копа. Такого не бывает. Если ты достаточно безумен, чтобы такое сделать, то ты будешь тихонько сидеть и думать, как ты его уберёшь. Квин даёт нам мысль, что кто-то был оскальпирован, хотя его там и не было; он лишь говорит, что на флаге чаптера Сан Фернардино Вэлии есть волосы. Есть фотография, на которой предполагаемые волосы или скальп есть, но видно лишь хвост из длинных волос. Он говорит, что этот флаг – доказательство АТО, так что интересно, почему нет фото получше. Но я согласен, что те ребята были просто быками. Они на всё были способны.

Единственный известный мне случай, когда Монгол велел бы другому убить, был сам Билли Квин. Он пишет об это в своей книге. Он был в баре в Сан Фернардино Вэлии, в своих «цветах», там были четыре или пять Монголов при оружии, как он считал. Они играли на бильярде, а тут какой-то парень начал драку. Люди часто на нас бычат, хотя быть крутыми. Это как скорострелы на Диком Западе.

---

²⁷ Некоторые клубы позволяют бывшим членам, если они вышли и клуба сами, оставить татуировки, но снизу следует набить срок, в какое время человек был частью клуба.

Так вот, тот парень достал огромный нож и машет у груди Билли, но промахивается. Билли кричит Роки, «Стреляй в него!» На него нападают и там присутствуют Монголы. Он хочет, чтобы они убили парня с ножом. Эти кровожадные Монголы смотрят, как угрожают их члену клуба, такого бы мы никогда не позволили. Что сделали Монголы? Убили его? Нет, его обезоружили, поколотили, пока тот не перестал представлять угрозы, и выкинули его на улицу. Если уж мы убиваем по любому поводу, что ж мы не убили того, кто напал на нашего брата Монгола?

Представьте иную ситуацию. Представим, что бар полон офицеров полиции и Монгол напал на одного из них. Неужели они не всадили бы в него столько пуль, что он бы пять раз умер? Не так давно был инцидент с бездомной женщиной, с участием полиции. У неё была тележка из супермаркета, она достала отвёртку и её просто нашпиговали свинцом.

Дело в том, что это ежедневное дело для нас. Мы имеем дело с насилием каждый день. Не важно, что Билли думал, но там не было ничего страшного.

Билли Квин видел, как Монголы избивают людей, которые им мешают, и видел, как они употребляют наркотики. Такие драки я прекратил в первую очередь. И я не удивлён тем, что он видел, как люди употребляют, поскольку каждый раз, как я его видел, он просил меня достать ему немного. Я помню, как одном большом пробеге в Лафлинские казино, приехал и Билли, я его видел в холле нашего отеля. Он вновь спросил – один из огромного множества раз – «Док, ты не в курсе, где можно достать дозу?» я сказал, что не знаю. Затем он меня спросил, «А смог бы найти, если бы захотел?»

Наконец, устав от его расспросов, я хотел лишь веселиться. «Слушай, Билли» сказал я, «возможно, пожелай я того, я бы их нашёл, но я просто этим не занимаюсь. Это не моё дело. Я не занимаюсь этим ни ради бизнеса, ни ради удовольствия. Просто не занимаюсь» Это ещё один момент, в котором клуб изменился, потому что я удостоверился, что Монголы не занимаются наркотиками. Я знаю, что некоторые наши члены клуба употребляют. Но они не делают этого, когда они занимаются делами Монголов. Сколько людей в Америке за свою жизнь употребляли наркотики? Я не употребляю, я их не покупаю, я их не продаю, и я не ищу их для кого-то другого. Я не одобряю их употребление, так что для меня помощь в их поиске для брата не имеет смысла.

Квин утверждает, что мы сходим с ума по оружию, но мы не носим оружия на наших собраниях и клубных вечеринках. Как я и сказал, я люблю оружие и его коллекционирую. Многие так делают. Чак Норрис. Стивен Спилберг. Бывший сенатор от штата Техас, Фил Грэм, однажды сказал, что у него больше дробовиков, чем надо, но меньше, чем он хотел бы.

Клуб изменился, с тех пор, как Квин провёл время в чаптере Сан Фернардино Вэлли. Он говорит, что на официальных собраниях ему говорили принести наркотики для клуба. Но есть клубное правило, что на собрании их быть не должно. Кроме того, нельзя принуждать брата к совершению преступления. Я не пытаюсь сказать, что такого не было в чаптере Сан Фернардино Вэлли, но если так было, то они нарушали правила клуба. Он говорит, что Эвел был главой крупной сети по продаже краденых машин на миллионы долларов в Калифорнии и на Юго-западе. Так куда же делись все эти деньги? Почему мы так бедны? Я помню, что несколько мотоциклов были украдены в Сан Фернардино, мы на них надавили, «Если вы делаете глупости, то рискуете попасться и привлечь внимание полиции ко всему клубу»

Эвел даже не был осужден на автоугоны, лишь за перевозку краденых мотоциклов между границами штатов. Он свой срок заслужил, но это не делает нас криминальной империей. Очень часто Квин заявляет, что их расследование должно было показать, но нигде не говорит, что так и не показало. Он очень гордится своим расследованием, но когда вы

посмотрите на список обвинений, на заднее части его книги, почти все они по оружию и наркотикам. Они обвинили Пэнхэда в убийстве. Я не говорю, что такого не было, но я не знаю, как было на самом деле. Надеюсь, это ложное обвинение, но точно сказать не могу.

Но следует заметить два момента. Во-первых, одно из обвинений было против диспетчера Дорожного Патруля Калифорнии. Я не в курсе, какова именно была ситуация, но в книге сказано, что он предоставил Монголам информацию, но так всё время бывает. Полиция частенько принимает стороны. По той или иной причине, они хотят достать Монголов, так что они дадут Ангелам Ада информацию о том, где мы или что делаем. Полицейские тоже люди, если им навредить, он ударят в ответ. Когда мы были на самом пике войны с Мексиканской мафией, очень высокопоставленный офицер полиции подошёл ко мне после убийства одного из офицеров полиции в Помонском суде и сказал «Рубен, Ла эмЭ убила одного из моих приятелей. Так что мне похуй, что теперь с ними будет» То есть, он мне прямо намекал, что если кто-то из Ла эмЭ будет убит, то убийцу, всего скорее, не найдут, как минимум, не его отдел. Он мне давал зелёный свет на Ла эмЭ. Разумеется, мы не делаем за других их работу, особенно не для правоохранителей, но это показывает, как могут они действовать при определённых обстоятельствах.

Во-вторых, есть ряд людей в списке, которые не являются Монголами. Их называют «пособниками Монголов» в книге, без особенного пояснения. Это мог быть кто-то, кто здороваётся с Монголами на улице. По мыслям правоохранителей, каждый, кто говорил с Монголом, может быть его пособником.

Правда в том, что многие из обвинённых ребят не были Монголами. Парни, которые и правда талантливы в кражах мотоциклов, не являются членами клуба. Но рано или поздно они могут выпить пару пива с Монголами, потому что мы живём в одном районе, пьём в тех же барах, и нам интересны мотоциклы. Мы на них ездим, они их крадут. У Монголов уникальная ситуация среди байкерских клубов. Большая часть байкерских клубов живёт в районах, где население преимущественно белое. Не так много существует и байкерских клубов для чернокожих или азиатов, хотя есть, и очень хорошие. Но Монголы живут в районах, где очень повышена активность банд, одни из самых жёстких районов в стране. Так что мы постоянно пересекаемся с бандитами и людьми, которые выросли из этой жизни. Так что чужаку легко подумать, что и мы занимаемся тем же.

Я не отрицаю, что некоторые наши члены клуба покупали краденые мотоциклы, но это малая часть от всего числа. Проблема в том, что мы знаем людей, которые крадут мотоциклы, а когда их ловит полиция, то в суде их выставляют пособниками Монголов.

Очень редки случаи, чтобы у нас была возможность честно ответить на их обвинения. СМИ считают, что эфирное и рекламное время будет продаваться, только если выставлять нас преступниками. Какова же будет их выгода в репортаже, где скажут, что большинство Монголов никогда не совершали преступлений, или что у большинства Монголов есть работа и они вносят вклад в общество?

Если смотреть на это с точки зрения правоохранителей, то полиция несёт тяжкий груз, начиная такие операции. Очень дорого стоит зарплата офицера, которому ещё надо создать легенду, дать ему квартиру, персонал поддержки и защиты, а также наблюдения, и так далее, больше, чем на два года. Так что после растраты сотен тысяч долларов на свою операцию «под прикрытием», они не могут просто выйти и сказать, «Извините парни, в следующий раз повезёт больше» Им надо оправдать это время и деньги арестами и обвинениями. Так что они тащат всех подряд по любым обвинениям.

Позвольте я расскажу, как это работает. Они проведут рейд и заберут каждый найденный байк. Затем проедутся по мотомагазинам, даже если ими владеют не Монголы, потому что их обвиняют в помощи нам. Заберут каждый байк там и не важно, чей он, законный он

или нет, всё увезут на штрафстоянку. Затем они выстраивают по сорок мотоциклов в линию и устраивают пресс-конференцию, заявляя, что они изъяли краденые мотоциклы в результате рейда на Монголов и их помощников. По телевизору на фоне репортажа видно сорок мотоциклов, так что средний налогоплательщик смотрит и думает, «Ух ты! Да эти Монголы и правда плохие парни» Но они не говорят, что среди этих сорока мотоциклов краденых только один или два. А тот, что украден, может, как принадлежать Монголу, так и нет.

С оружием так же. Они вламываются в дома с ордерами на обыск, что позволяет им забрать в доме всё, так что они забирают оружие. Он его выкладывают в ряд на стол, вместе с нашивками и всем остальным, звонят в новости и объявляют о конфискованном оружии. Они молчат о том, что большая часть этого оружия вернётся к своим владельцам, так как оно законное. Может не все, но большая часть. Так что налогоплательщиков оставляют с мыслью, что полиция убрала с улиц пятьдесят, шестьдесят нелегальных стволов, но на самом деле, полиция ничего не делала.

Правоохранители жалуются, что мы их не уважаем. Забавно. Я провёл всю свою жизнь, требуя уважения, и в большинстве случаев, я получал его среди людей в жизни – в банде ли, в тюрьме, в больнице. Я понимаю в уважении. Я считаю, что уважение надо заслужить, в этом и кроется проблема. Мы видим полицейских совсем иначе, чем видят их другие люди. Тяжело уважать их, видя, что некоторые из них делают, что прячут за своими значками.

Думаю, что их по-настоящему бесит, что им по-настоящему не нравится, это то, что мы их не боимся. Мы не боимся их. Если вдуматься, то почему вообще мы должны бояться полиции? Разве мы живём в полицейском государстве, где у полиции есть власть вне рамок закона? К несчастью, Монголы и им подобные именно что живут в таком государстве. Нас постоянно останавливают и обыскивают полицейские. Они нас матерят, говорят, что мы отбросы, которых не должно существовать. Даже Билли Квин это ощутил на себе. Такое случается, как когда я был бандитом, я этого ожидал. Я ожидал, что полиция меня остановит и обыщет; это было частью игры. Но сейчас я живу честной жизнью, вношу в общество свой вклад, очень полезным способом, я не понимаю, почему надо постоянно на меня давить только на основании того, что я ношу кожаный жилет с нашивкой Монголов на нём.

Я помог на своей работе спасти больше жизней, чем большая часть из них спасла на своей работе. Я не понимаю, за что полиции меня материть. Я не понимаю, почему мою входную дверь в дом надо выбивать, когда я не совершал преступлений. Я не понимаю, почему мои личные вещи и документы – например, нашивки Монгола – должны быть конфискованы на неопределённый период, иногда и навсегда. Я больше не могу хранить некоторые предметы дома, потому что я знаю, что полиция вломится и всё заберёт. У меня была папка подшивок из газет о полицейских, которых арестовали за преступления, которые куда хуже, чем те, в которых винят нас – детская порнография и другие преступления. Но, когда был рейд на мой дом, всё отобрали и не вернули.

Я не говорю сейчас обо всех офицерах полиции или всех официальных правоохранителей. Есть и хорошие копы. Это те, которые профессионально выполняют свою работу, без предубеждений о нас. Меня арестовывали и профессиональным способом. Есть большая разница между профессиональным арестом и швырянием людей о капот машины, крича на них и раздавая пинки. Это «бычье» и только. А «бык» – всегда бы, будь он байкер или коп.

В своей жизни я никогда быков не любил и всегда с ними дрался. К несчастью, многие члены правоохранительных организации ничем не лучше «быков», а некоторые и похуже. «Быки» прячутся за формой, чтобы запугивать людей. Например, мы знаем много

женщин, которые работают в стрип клуббах. По какой-то причине, стриптизёрш особенно тянет к Монголам, так что мы их хорошо знаем. Они нам говорят про копов, которые их задерживали и угрожали тюрьмой, если им не дать секс.

Я знаю женщину, которую избивали много лет. Она всё говорила, что падает с лестницы или подобные вещи, но я знал, что муж её бьёт. В итоге, через годы такого, она собрала силы в кулак и позвонила в полицию, чтобы действовать против мужа. Офицер полиции пришёл, чтобы принять её заявление, а пока она рассказывала, он начал её лапать. Вы можете себе такое представить? Можете представить, как она себя чувствовала, когда пытаетесь сбежать от той ситуации, где она оказалась, тот, кто должен ей помочь, начинает к ней приставать? Как я должен уважать таких людей?

Это проблема между Монголами и полицией. Нам изначально не нравятся власти, мы видим, как часто обличённые властью фигуры оказываются «грязными». Нам известно об офицерах правопорядка, которые собирают дань с наркоторговцев и районах или делают нечто нелегальное или аморальное. Иногда и противоестественное. Есть копы, которые собирают деньги с людей, чьи дома подвергаются рейдам. Половину денег они записывают в протоколы об изъятии, а половину оставляют себе. Некоторые оставляют себе и половину *наркоты*, которую изымают.

Есть сотрудники в окружной системе, которые попадают на своих же слабостях. Они арестовывают парня, который производит наркотики или имеет иную власть на улицах. Этот парень может предоставить сотруднику наркотики или двух-трёх молоденьких девочек, которые всё ему сделают, когда он закончит рабочий день. У него могут быть проблемы с женщинами или маловато денег. Очевидно, он это возместит. Дилер скажет, что у него есть проблема, с которой может помочь сотрудник – скажем, надо кого-то вытащить из тюрьмы. Сотрудник решает такой вопрос и сам тут же становится преступником. Выйти нельзя. Я знаю, как это бывает.

Но момент в том, что только мы это увидим. Мы видим это и живём, только потому, что они знают, что мы не станем давать показаний против кого-либо, даже против плохих копов. Как в тюрьме. Так работает система и они знают, что они под защитой. Они знают, что мы знаем, но мы не пойдём и не скажем, «Это грязный коп» Мы всё видим, но общество – нет, но даже если бы мы и заговорили, общество бы нам не поверило.

Как бы там ни было, мы знаем, какие копы вовлечены в наркоторговлю, и которые вымогают у людей деньги, кто из них наркоманы. Так что когда они тормозят Монголов, мы знаем, что двое из шести копов, что нас трясут, не лучше бандитов. Их приятели – офицеры могут не знать, но мы знаем. А мы не считаем, что «быкам» стоит выказывать уважение. Другие офицеры это видят и думают, что мы просто бандиты, потому что не уважаем тех копов – «быков», которых мы знаем.

Ещё один момент в том, что есть некоторые сходные вещи у копов и некоторых байкеров. Одно из них то, что и тем и тем нравятся мотоциклы. Это меня просто поражает: меня тормозили копы и говорили мне, что если бы они не носили форму, то носили бы нашивку Монголов. Есть правоохранители, которые просто помирают от желания побыть «плохими парнями» - как Билли Квин, только ещё сильнее. Они создают свои собственные мотоклубы, которые состоят исключительно из сотрудников правоохранительной системы: Quarry Boys, Lords of Loyalty, Wild Pigs, и много ещё какие. Когда они не на службе, они надевают свои наряды – джинсы, банданы, низко надвинутые на лоб, татуировки сверху донизу, и они, правда, ощущают себя «плохими парнями». Они просто имитируют наш образ жизни, кроме одного момента: Они не желают платить той цены, которую платим мы. Они не желают такого давления и препятствий, которые мы преодолеваем ежедневно.

Проблемы начинаются тогда, когда они залезают в наш мир, как, например, с рокером Калфиорния. Они считают, что, поскольку, они представляют закон, даже не нося форму, то их никто не станет трогать. Но дело вот в чём – если ты едешь в нашей одежде, ходишь в наши бары и всё остальное, то и играть надо по нашим правилам. Нам похуй, что ты делаешь, когда идёшь на работу. Поэтому между нами и правоохранителями так много проблем. С нарушением закона нами тут нет ничего общего. Всё дело только в нарядах, как у байкеров вне закона, когда они появляются перед нами, не чувствуя смелости, когда из кармана не торчит значок. Это неуважение.

У меня нет проблем с тем, кто носит костюм и ездит на байке на работу и с ней домой. У меня нет проблем с яппи, которые катают своих подружек на выходных. Я знаю, что со мной у них нет ничего общего. Они тоже это знают.

Но копы хотят и того и другого. Меня однажды нагнали офицеры в своей чёрно-белой патрульной машине, они были при исполнении. Они меня остановили и сказали, «Вы контролируете улицы, когда вы на байках, а мы их контролируем в своих чёрно-белых. Мы можем испортить вам жизнь» То есть, это человек, которому платят из наших налогов, подходит ко мне со словами, которые подошли бы члену банды. Он ничего не говорит о нарушении закона, лишь о контроле.

Я помню, однажды мы собирались в Палм Спрингс, на вечеринку, но я приехал с десятью парнями раньше, чем остальная колонна. Я слышал, что Lords of Loyalty, клуб, состоящий преимущественно из сотрудников ДПК, были в центре города, все разодетые в банданы, и всю атрибутику, у них был рокер Калифорния. Так что я нашёл их в кафе, они все сидели и смотрели на нас очень напряжёнными взглядами, будто они некий хардкорный клуб. Они нам сказали пару слов, мы им. Запомните, это не коп в патрульной машине; просто кучка людей из другого мотоклуба.

К счастью, когда полиция Палм Спрингс выяснила, что Монголы едут сюда по шоссе, они тут же предупредили тех байкеров-копов, что им лучше валить поскорее: «Сюда едут три сотни Монголов, мы не готовы к конфликту между вами, парни» В итоге полиция Палм Спрингс проводила их из города – группу копов, которую провозжала группа копов.

Они говорят, что мы не уважаем копов, но это не так – только тех, кто заслуживает уважения. Я думаю, что каждого человека, неважно, какого, следует уважать; когда ты встретил кого-то впервые, следует выказать ему уважение, которого ты бы сам к себе хотел. А затем, ты узнаешь, какого уважения он заслужил. Некоторые его вовсе не заслуживают, но для начала, не важно, как он выглядит, чем занимается, надо отнестись с уважением. Он тоже человек.

Но есть копы, которые хотят геройствовать. Они живут в мире фантазий, где они – рыцари в сияющей броне. А чтобы быть рыцарями, нужны злодеи. Из фильмов, таких как *Дикарь*, они получают образ того, что байкеры вторгаются в города и всех насилуют. То же они переносят и на улицы. Билли Квин пишет так в книге и заявляет на выступлениях. К несчастью, даже он в курсе, что это не так. У меня есть запись допроса Билли Квина в суде по вопросу изнасилований, совершённых Монголами. Я в конце – концов устал от того, что он говорил, будто Монголы – насильники, и я попросил у адвоката задать ему вопросы. Тот спросил, «вы когда-либо видели, чтобы Монгол насилует женщину, пока сами были с ними?» Квин сказал нет. «вы когда-либо видели или слышали, чтобы Монгол насилует женщину, пока были Монголом?» Он сказал нет. «Правда ли, что насколько вам известно, изнасилований в мотоклубе Монголы не совершается?», а он ответил «Верно». Всё это под присягой.

Если говорить, как «бык» и действовать так же, то и мы будем так с вами поступать, носите вы форму или нет. Однажды в баре, в Западной Ковине, он называется National

Sports Grill, пятеро наших выпивали, они были в «цветах». Они отлично проводили время, когда вдруг подошёл парень и начал выёбываться, назвать наших парней мудаками, говорить, что кто-то должен преподать нам урок. Я сказал, «Пошёл нахуй. Ты кем себя возомнил?»

Он вытащил свой бумажник и вытащил значок. Он смотрел на меня так, будто ситуация окончена. Он там бухает и говорит хуйню, ожидая, что от вида его значка все охренеют.

Я схватил его бумажник и швырнул через весь зал – шесть столов бильярда. Пока он летел, все его документы и карточки разлетелись на пол, а все тарачились. Он смотрел на меня так, будто не верил в произошедшее. Он просто стоял. Не двигаясь.

Я сказал, «Мне похуй, кто ты такой днём. Если ты приходишь сюда вечером и творишь хуйню, то придётся это решать»

Вот тут я увидел напряжённую работу головой. Он думал, *Минуточку, я же бухал, парни эти начнут заварушку, всё кончится полицейским отчётом.* Я обернулся и наблюдал, как он собирает бумажки с пола бара, а потом он ушёл.

Я уверен, что потом он вернулся на службу и поймаёт одного из нас уже в патрульной машине, при исполнении, пока ему платит город, пока он спрятался за значком. Он отомстит. Или, например, через несколько месяцев будет разослана ориентировка, что «Монголы собираются предпринять попытку убийства офицера полиции» Это ставит на уши другие отделения полиции и их районы, уровень давления выходит за всякие рамки. Только так они могут с нами свести счёты, потому что драться с нами они боятся, вступать в физическую борьбу. Стыдно, ведь на улицах они себя выставляют жёсткими байкерами, а потом прячутся в патрульные машины.

Я думаю, очень странно, что после всех этих лет, Билли Квин всё ещё носит атрибутику Монголов, когда появляется в передачах. Если нас следует презирать, как он говорит – за изнасилования, убийства, воровство, насилие к жёнам, и всё остальное – чего же он носит шапку и вещи Монголов? Я бы никогда не надел футболку со, скажем, Чарльзом Мэнсоном или шапку с Ричардом Рамирезом. Ни за что я не стал бы поддерживать насильника или убийцу невинных людей. Они страшные люди. Если мы такие, как он говорит, почему он так сблизился с нами? Почему был готов уйти из АТО и провести остаток жизни, езда с Монголами? Его история не сходится. Это лицемерие, от которого мне противно.

Самое тяжёлое в моей работе, что я вынужден просто сидеть и слушать. Люди говорят по телевидению или пишут о нас в газетах, а полиция даёт свою версию событий, но я-то знаю правду, и мне приходится с этим жить. Я видел, как говорил Билли Квин, и про себя думал, *Какая чушь.* Хуже всего, что общественность ему верит, составляя представление о нас по его словам. И такой имидж обрастает сказками, к которым добавляют копы, утоляя жажду СМИ новостями о насилии. А потом вся эта наносная чушь выставляется народу. К несчастью, в попытке создать злодеев, они рушат жизни людей. Они создают монстра и всё увеличивают его, как Билли, который всё ещё выступает по ТВ.

Мы не станем меняться. Но мы не такие, как они говорят.

[Жизнь продолжается.](#)

Несколько месяцев назад со мной связались люди из Украины, которые очень и очень серьёзные люди. Они попросили о встрече, и я согласился, потому что так безопаснее. Если ты, скажем, откажешься с ними говорить, то они сами тебя найдут. Я мог просто прийти домой, а они уже ждали бы у меня на диване. Такие люди уважают наличие

смелости. Я имел больше шансов выжить, если бы пошёл на встречу с ними, нежели если бы попытался с ними бороться. Я всегда со всеми говорю. Так работает лучше.

Так вот, я отправился на встречу, она была в подвале ночного клуба в Голливуде. Клуб тогда был закрыт. Они отвели меня вниз, и было, как в фильме: за столом сидел мужчина, над головой лампа и два огромных парня за его спиной. Он кивнул мне, чтобы я сел и назвал мне своё предложение. Он сказал, что у них есть бизнес по перевозке женщин из восточной Европы и Украины, тех мест, в США через Канаду. Они называли их горничными или как-то так, но было ясно, что это просто бизнес сексуального рабства. Он спросил меня, смогут ли Монголы предоставить им защиту. Он сказал, что они очень хорошо заплатят.

«Не думаю, что я могу на это пойти» ответил я. Не в том дело, что мы не предоставляем охрану, естественно, Рубен Младший вообще профессионал в этом. «Я считаю, что это – заработок на чужом страдании. Я не могу просить своих людей работать на что-то, что я считаю неприемлемым» Я просто слал его нафиг, но я ни секунды не раздумывал. Мне было противно.

Он ещё пытался меня убедить, но я был уверен. В итоге, он перестал. Я обернулся, чтобы уйти, думая, не всадят ли мне сейчас пулю в спину. Затем я увидел, что путь мне преградил один из охранников. Мы уставились один на другого. Я всё шёл и когда проходил мимо, он на своём языке сказал несколько слов. Я на нём не говорю, но я смог слышать звучание слов, которые звучали в голове всю дорогу до дома. Когда ты в такой ситуации, ты очень напряжён, замечаешь каждую деталь.

Я связался с теми, кто понимает Украинский и попросил мне перевести. Когда я повторил слова, он ответил, «Respect few, fear none²⁸»

Полагаю, наша репутация дошла далеко.

В другой раз, я получил сообщение от кое-кого на Восточном Побережье, кто был членом очень опасного клуба. Он спрашивал о парне по имени Джесси Джеймс, который известен на Западном побережье тем, что он прекрасно перестраивает мотоциклы. Он собирает их для всех клубов, но на мотошоу на Восточном Побережье он выставлял несколько тех, которые он собрал для Ангелов Ада. Посыл был таков: «Мы хотим у него купить всё по полной программе. Пойдёт?»

Я знал, что для Джесси это просто приговор на смерть, очень серьёзный. Чтобы удостовериться о Джесси, я связался с Эмилио «Чино» Гонсалезом, моим другом, который собирает модифицированные машины. У него с Джесси было телешоу. Я пояснил ему ситуацию. «Док, он просто бизнесмен. Он для всех трудится, даже для Монголов» Так что парню с восточного побережья я ответил «Отрицательно. Джесси Джеймс – ровный парень» В итоге, по какой бы то ни было причине, ничего не случилось. Потом Джесси мне подарил прекрасную небольшую статуэтку Чингиз Хана Монгола. Я был рад помочь.

Но жизнь идёт своим чередом. Летом 2007 года мне поступил ночной звонок. Это был мой брат, Эл. «В меня стреляли», сказал он. «Кто?» Мне не надо было говорить, что я волнуюсь и позабочусь о нём. Но если бы он умер, я хотел знать, от чьих рук. Он не знал, но мы выясним.

Он ехал по дороге, когда с ним поравнялась машина и выпустила очередь в его минивэн. Одна пуля пробила кость левой руки и вошла в грудь, но он смог съехать с шоссе и добраться до АЗС. От передней двери до задней была целая линия дыр от пуль. Целься они получше, Эл бы не выжил.

---

²⁸ Уважай немногих и никого не бойся

Когда я добрался до той АЗС, там был полный бардак. Полиция всё оцепила и перетряхивал всё из урн для мусора. Естественно, они заподозрили, что всё начали Монголы. Они полагали, что Эл стрелял первым, а те – в ответ, а потом он выкинул в урну своё оружие.

Эл поправился, но вопрос надо было решить. Как мы всегда говорим, «Не буди спящего медведя» Но когда медведь проснулся, он куда опаснее, чем то, чем ты его разбудил.

Сегодня я живу в Западной Ковине, к западу от Лос-Анджелеса. Тут тихо, деревья, я иногда сижу снаружи, нет ежеминутных выстрелов, нет вертолётов над моей головой. Ну, если только полиция не решит провести на меня рейд.

Недавно, у меня на заднем дворе была свадьба. Это была семейная свадьба, которая являлась одним из немногих событий, когда я общаюсь с кем-то кроме Монголов, не считая редких барбекю, которые устраивают на работе, куда проще прийти, чем нет. Все на работе в курсе, что я глава Монголов. Моё начальство приезжало в клубхаус, но некоторые мои коллеги предпочитают не говорить о Монголах, что меня устраивает. Я предпочитаю так. Некоторые граждане меня боятся. Я к этому не стремлюсь, но это идёт вдогонку к территории.

Поскольку, законники знают, что я живу теперь в Западной Ковине, они паркуют машину на холме, через дорогу и постоянно смотрят за домом. Каждую уезжающую машину, благодаря сообщению по рации, останавливает стоящая впереди патрульная машина и всех обыскивает.

Каждый, кто уезжал с той свадьбы, был так обыскан. Это даже не касалось Монголов, просто семейная свадьба, но разницы для них нет. Они так и поступают, и, насколько я знаю, это совершенно незаконно. Нет ничего незаконного в том, чтобы быть Монголом, нет ничего незаконного в том, чтобы навещать Монгола. Они ничего не нашли.

Когда я иду в бар или ресторан, стадион и на мне моя символика, на которую глазают люди, это вызывает гордость. Людям очень интересны Монголы, многие нами восхищаются. Я знаю, что они знают, что я Кто-то. Может, для них, кто-то безумный или особенный, но кто-то. Кто-то, на кого не стоит выёбываться.

У нас могут быть проблемы в клубе, но нет ничего подобному тому, чтобы быть Монголом. Я лишь хочу сейчас, чтобы клуб рос и расширялся. У нас сейчас более двух тысяч членов клуба, чаптеры по всей стране, а также в Канаде и Италии. Ежемесячно к нам приходят дюжины новых членов. Чем популярнее мы становимся, тем больше народу идёт к нам. Я полагаю, постоянно есть опасность того, что мы станем слишком популярны и даже близки к мейнстриму, что будет против всего, во что мы верим. Мы говорим об это между собой, и мы очень осторожны, чтобы этого не произошло. Я думаю, такова опасность популярности и восхищения.

Люди всё время с нами фотографируются. Они подходят и спрашивают, можно ли. Чаще всего мы соглашаемся. Это же часть ношение «цветов», разве нет? Людям нравится фантазировать про ношение наших «цветов». Когда люди видят нас, едущих по шоссе, на нас смотрят с восхищением. Даже если мы им не нравимся, они знают, что мы заслужили право быть Монголами. Это многое значит, для них и для нас.

Послесловие переводчика.

Многим может быть интересно, что случилось с Рубеном потом, после всего этого. Эта книга вышла в свет в начале лета 2008 года. Через некоторое время Кавазос сложил с себя обязанности национального президента. А 30 августа 2008 года он, его сын, Рубен Младший, а так же Эл «Ряженный» Квавазос были изгнаны из клуба со статусом “out bad”. По данным в многочисленных статьях интернета, данных из как минимум трёх документальных фильмов и слов членов клуба, Дока обвинили в краже из казны клуба четверти миллиона долларов и развязывании войны с Ла эМэ. По данным полиции, конфликт начался с того, что он принял в «Монголы» человека, совершившего проступок против Ла эМэ. Через два месяца, в октябре 2008 года произошла кульминация операции АТО «Чёрный дождь», было арестовано более семидесяти Монголов, а также сам Док. По данным полиции, за годы правления Дока клубом, в него были внедрены семеро агентов, а шестеро полноправных членов МС стали оплачиваемыми информаторами АТО. Роджер Пинней, который получил многочисленные ранения в Лафлине, вновь вернулся в клуб. А вот куда клуб пойдёт дальше – только время даст ответ. Спасибо, что прочли книгу, ждите новых переводов!